

7-25

Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ВЫПУСК XIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVIII вв.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА ★ 1941

Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ВЫПУСК XIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVIII вв.

*ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. Г. А. НОВИЦКОГО*

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА ☆ 1941

23 ОКТ 2009

ОБЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
И. 7 1622

Т Р У Д ы
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Г О
И С Т О Р И Ч Е С К О Г О
М У З Е Я

ОТВ. РЕДАКТОР
проф. Б. Я. ЗАКС

ОБОЗРЕНИЕ СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск Трудов Государственного Исторического Музея, состоящий в основном из работ научных сотрудников IV отдела Музея, посвящен изучению вопросов истории СССР в XVI—XVIII вв. Темы статей, вошедших в сборник, находятся в тесной связи с задачами экспозиционной работы по истории СССР в XVI—XVIII вв.

Тема об укреплении самодержавия при Иване IV потребовала углубленной научно-исследовательской работы в области раскрытия социальной сущности опричнины и в частности привела к необходимости тщательно исследовать весь вопрос о социальном составе опричнины. Эта работа Г. Н. Бибикова, одного из авторов существующей экспозиции по XVI веку в Государственном Историческом Музее, построена не только на изучении всего опубликованного по опричнине документального материала, но и на использовании разрядной книги № 950 собрания Уварова, хранящейся в Отделе рукописей Музея.

Статья Е. И. Дракохруст, старшего научного сотрудника IV отдела, является итогом проведенной ею для экспозиции по XVII столетию работы по раскрытию содержания иконографических источников, освещающих польскую интервенцию начала XVII века.

Работы старших научных сотрудников П. А. Незнамова, М. И. Дубовской и Л. И. Якуниной представляют собой научную публикацию некоторых неизвестных в литературе памятников эпохи реформы Петра I из числа хранящихся в Музее и подвергшихся при работе над экспозицией систематическому изучению.

Статья действ. члена А. Я. Брюсова возникла в итоге обследования им заброшенных рудников в Ругозерском районе Карело-Финской ССР при археологических работах в этом районе в 1933 г. Эта работа знакомит с одной из забытых страниц в истории разработок золота на территории СССР в XVIII веке.

Исследование старшего научного сотрудника IV отдела И. С. Курицына построено преимущественно на изучении неопубликованных архивных материалов по истории вотчинной мануфактуры XVIII века. Эта работа связана с начатой подготовкой в Историческом Музее экспозиции по второй половине XVIII века и вызвана почти полным отсутствием специальных исследований в этой области. Данная работа И. С. Курицына продолжает в известной мере его работу по кандидатской диссертации, защищенной им в 1938 г. после окончания аспирантуры при Музее.

Статья старшего научного сотрудника IV отдела Е. И. Дракохруст «Альбомы-дневники И. Г. Мюнца 1781—1783 гг.» посвящена анализу недавно найденного в Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея исключительно ценного источника по истории Украины, Белоруссии и Молдавии, открывающего ряд интересных деталей по отдельным вопросам их истории. В дневнике рассыпаны очень ценные замечания по экономике и быту правобережья, которые в свою очередь дополняются живыми и богатыми зарисовками.

совками такого опытного художника, каким был Мюнц. Наиболее интересные иллюстрации из альбома Мюнца, публикуемые в настоящем сборнике Трудов Музея, не могут не вызвать пристального внимания историка, изучающего Украину в XVIII столетии.

Статьи М. М. Дубовской и Л. И. Якуниной отрецензированы Г. Л. Малицким.

Редакция

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

Про опричнину царя Ивана IV написано очень много, про опричников — почти ничего...

Больше всего внимание историков привлекала задача определения общего смысла соответствующих мероприятий Ивана Грозного, меньше занимались уяснением конкретных форм самого учреждения опричнины, личный же состав опричников исследователи оставляли почти совершенно без внимания.

Между тем все эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом, и без ознакомления с социальной физиономией представителей «опричной дружины» мы не сможем окончательно разрешить ни вопроса о социальной сущности всей опричнины, ни вопроса об ее историческом значении.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать совершенно новую постановку вопросу об опричнине Ивана IV. Ее задача несравненно более узкая. Автору хотелось представить сводку данных о социальном составе опричников, извлеченных им из самых разнообразных источников, и отдельные характеристики особенно типичных представителей той или иной социальной группы. И эту, сравнительно очень ограниченную задачу автор не может считать разрешенной им до конца. Выполнение ее требует очень длительной и чрезвычайно кропотливой работы над большим количеством самых разнообразных рукописей и печатных изданий, что в свою очередь упирается в вопрос о времени. Все же накопленный материал дает известные права на то, чтобы: 1) попытаться дать классификацию опричников по тем или иным социальным рубрикам и 2) изложить предварительные выводы.

Трудность настоящей работы заключается главным образом в крайней недостаточности и чрезвычайной распыленности источников. У нас не сохранилось списков опричников. Ближайшей задачей является таким образом подбор более или менее значительного количества имен опричников. Для этого приходится обращаться к очень разнообразным источникам и буквально по крупицам выбирать из них необходимые сведения.

Источники

Одну из основных категорий источников для уяснения личного состава опричнины составляют сказания иностранцев-современников, а иногда и участников опричнины. Эта категория документов к тому же не доставляет особых затруднений при изучении. Правильность и

точность сведений, сообщаемых иностранцами-современниками в отношении отдельных опричников, за единичными исключениями, не вызывает сомнений.

Первое место среди современников-иностранцев, писавших об опричнине, бесспорно принадлежит немцу-опричнику Генриху Штадену¹, этому прожженному авантюристу, с такой изумительной откровенностью описывавшему свои злодеяния и плутни. Г. Штаден любопытен тем, что он указывает членов узкого правящего кружка опричнины. В другом месте Штаден дает еще один более подробный список «начальных лиц из опричнины», вызвавших гнев Ивана IV и казненных в связи с отменой опричнины. Наконец, в разных местах своего сочинения Штаден называет отдельных приближенных Ивана Грозного, повидимому, также опричников. Он же сообщает данные об опричниках-немцах.

Лифляндские дворяне, шпионы и продажные политиканы крупного масштаба Таубе и Крузе² гораздо более суммарны и абстрактны в своих характеристиках. Они называют одиннадцать влиятельных людей, приближенных Ивана IV в годы опричнины, большая часть которых известна нам также по другим источникам.

Несколько больше (до 14) имен можно извлечь из записки Альберта Шлихтинга³, автора целого ряда красочных характеристик и страшных в своем обнаженном натурализме образов. Хотя не все из этих 14 лиц прямо названы опричниками, но из сопоставления с другими документами, а также из контекста явствует, что они также принадлежали к «опричной дружине».

Таким образом определенную сумму имен дают уже современники-иностранцы. Современные опричнине русские литературные памятники очень немного прибавляют к известным из сочинений иностранцев именам опричников. Кроме князя Курбского, чрезвычайно скупого на фактические подробности в отношении, повидимому, очень плохо ему известной опричнины, здесь следует назвать только интересные записи новгородских второй и третьей летописей и, к сожалению, совершенно недостаточные указания основного для XVI столетия Никоновского свода, обрывающегося на 1567 год.

Из документального русского материала наиболее щедро вознаграждают исследователя Разряды. Представляется несомненным, что детальное изучение всех сохранившихся за годы опричнины разрядных списков может очень далеко подвинуть вперед разработку этой крупнейшей для истории XVI в. проблемы.

Многую были проработаны Разряды XVI в., изданные Языковым, Хомяковым и Валуевым в «Синбирском сборнике»⁴.

Кроме того, мне удалось использовать одну из рукописных книг, хранящихся в Отделе рукописей Государственного Исторического Музея⁵. Начиная с осени 1565 г. и до 1570 г. включительно, в Разрядах при перечислении военных сил Московского государства наряду с основными боевыми единицами, состоявшими из земских лю-

¹ Генрих Штаден, „О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника“, перев. И. Полосина, М., 1925 г., Изд. Сабашниковых.

² „Послание Таубе и Крузе“, перевод М. Рогинского, „Русский исторический журнал“, кн. № 8, 1922 г.

³ Новое известие о России времени Ивана Грозного, „Сказание“ Альберта Шлихтинга, перев. Малеева, Л., 1935 г.

⁴ Синбирский сборник, М., 1844 г.

⁵ Отдел рукописей ГИМ, Разрядная книга № 950 (Увар.).

дей, названы также особые «опришные полки», собиравшиеся обычно в Калуге и в примыкавших к ней «украинных» и «заоцких» городах. Значительное (около 40) количество командиров этих полков, названных поименно, составляет как бы кадровый генералитет опричнины и вместе с тем — плотный кружок влиятельных опричников. В Разрядах нет прямого указания на то, что в число опричников входили все дворяне, сопровождавшие грозного царя и его старшего сына во время их походов в В. Новгород в 1567 г., на юг—в 1570 г. и опять в В. Новгород — в 1571 г. Однако представляется несомненным, что во время этих походов царя и царевича сопровождали именно опричники. Действительно, нам удалось установить, что целый ряд лиц, безусловно являвшихся опричниками (например В. И. Яковлев, В. А. Сицкий, М. Черкасский, В. Умный, Зайцев, Малюта и др.), называется здесь среди приближенных царя без специальной отметки об их принадлежности к опричникам, и, наоборот, ни одного лица, о котором мы бы наверняка знали, что он был земским (а таких очень много), мы здесь не находим. Наконец, под 1572 г., который отмечен определенным ослаблением режима опричнины, имевшим место после расправы над целым рядом видных опричников в 1571 г., встречается обычно разрядная роспись нового новгородского похода Ивана IV. На этот раз царь, желая, очевидно, продемонстрировать сближение с земскими, шел в сопровождении бояр и дворян «из Земского» и бояр и дворян «из опричнины», перечисленных отдельно друг от друга. Эта интересная роспись дает еще несколько новых, не встречающихся в других памятниках, имен опричников.

Уже работа над Разрядами потребовала от нас в некоторых случаях определенных гипотетических построений и критических разысканий в отношении возможности использования той или иной росписи в целях пополнения нашего списка опричников.

Следуя в этом направлении дальше, попытаемся привлечь для нашего исследования напечатанные в первом томе Собрания государственных грамот и договоров поручные записи бояр и детей боярских в верной службе Русскому государству и царю Ивану. Эти записи интересны для нас, между прочим, тем, что каждая из них дает большое количество имен преимущественно верхушечного слоя служилых людей. Хотя нигде в поручных записях прямо опричники и не названы, но относительно двух этих записей можно утверждать, что они представляют собой документы, составленные в опричнине и называющие опричников. Я имею в виду поручные записи по Захаре Ивановиче Очине-Плещееве и князе Иване Петровиче Охлябинине⁶, датированные 7074 г. По содержанию они чрезвычайно близки друг к другу и вместе с тем заметно отличаются от других аналогичных записей. Внешнее отличие этих документов заключается в том, что они сравнительно очень кратки. Самая формула обязательства изложена своеобразно («ему за нашею порукою в Литву не бежати, и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехати и не постричися»; в других аналогичных документах — «не отъехати» или «не побегати в Литву, ни в Крым, ни в Немцы, ни в иные ни в которые государства, ни в уделы ни х кому» или «не отъехать в Литву и в Крым, ни в иные ни в которые государства, ни в удел»).

Далее количество ручающихся сравнительно невелико, причем

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, т. I, стр. 558—560.

сразу же бросается в глаза принадлежность большей их части к среднему и даже низшему слою класса феодалов. О Захарии Очине и Ив. Охлябине мы знаем, что оба они попали в литовский плен во время неудачной битвы под Оршей в январе 1564 г. Мы не знаем, когда наши полоняники вернулись домой. Во всяком случае в апреле следующего, 1565 года Захарий Очин уже выступает в качестве ответственного исполнителя важных царских поручений в Русском государстве. Для нас особенно важно, что и З. Очин и Охлябинин вошли в состав опричнины, заняв в ней достаточно видное положение. Таким образом эти не совсем обычные поручные записи были даны по опричникам. Далее среди поручителей мы опять-таки находим опричников, известных нам по другим документам. По Охлябине ручалось 28 человек в двух тысячах рублей. Список поручителей возглавляют известные и по другим памятникам опричники: четверо князей Хворостининых, Вас. Охлябинин, знаменитый опричник Василий Ильич Грязной. Дальше сталкиваемся с опричником же П. Б. Сомовым, Дм. Кашкаровым, отдельными родственниками лиц, уже выявленных как опричники (Пушкины, Хитров). Следовательно, в данной записке по опричнике ручаются опричники же. Мы получаем возможность увеличить наш список за счет тех лиц, которые ручались по Охлябине вместе с Хворостиниными, Грязным, Сомовым и другими и которые до этого еще не были нам известны как опричники.

Текст записи по опричнике Захарии Очине не дает такого большого количества известных имен. Но он сходен с первым текстом. Обе записи были, видимо, написаны одновременно, в одной и той же приказной канцелярии. Список 26 поручителей, ставивших в заклад на этот раз уже 4000 руб., возглавляет Иван Павлинов, ручавшийся и по Охлябине. По тому и другому поручились также братья Хитрые, И. Захаров. Наконец, и здесь встречаются опять отдельные уже известные опричники: Ильин, Молчанов, Никита Очин-Плещеев и др.

Следовательно, и эта запись может быть использована как документ, позволяющий изучить состав опричнины. Нам не удалось с такой же степенью достоверности доказать опричное происхождение других современных опричине записей. Немногим дополняют наши познания дипломатические документы⁷. Достаточно редко попадаются соответствующие сведения в различных поземельных актах⁸. Остальные виды документов давали только случайный и незначительный материал. Может быть, какая-нибудь счастливая находка и увеличит число известных нам сподвижников царя Ивана. Но пока ее нет.

В настоящее время известны имена 234 опричников. Эта цифра невелика, если ее сравнивать с общим количеством служилых людей, числившихся в опричине. Но, как совершенно правильно указывает в своей последней работе П. Садиков, среди этих служилых людей необходимо отличать лиц, входивших в «охранный царский отряд» — основное ядро «избранной дружины» Ивана Грозного, от рядовых опричников, явившихся в результате общего «перебора людишек»⁹. Характер наших источников таков, что нам приходится иметь дело

⁷ Сборник Русского исторического общества, ч. 71.

⁸ Например, изд. Сухотиным „Земельные пожалования Владислава“.

⁹ П. Садиков. „Из истории опричнины“ (Историч. архив, т. III, стр. 137, М.-Л. 1940 г., Изд. Акад. Наук СССР).

далеко не с рядовыми служилыми людьми, а преимущественно с представителями опричной верхушки. Об этой наиболее активной части опричнины ценные данные сообщают Таубе и Крузе:

«Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричину, свое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большею частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, безчестных и бездушных парней. Этот орден предназначался для особенных злодеяний»¹⁰.

Оставляя в стороне моральную и социальную оценку, данную далеко не беспристрастными современниками, получаем цифру 500 человек. Известные нам опричники составляют таким образом около 50% руководящего слоя опричнины. При этом надо иметь в виду, что самые активные и самые влиятельные из опричников безусловно входят в число известных нам 234 человек.

Из состава опричников приходится прежде всего выделить нерусскую прослойку. Нам известны имена пяти опричников — «немцев» — разного рода, очень пестрых по социальному происхождению, более или менее удачливых авантюристов, и до 9 татар и черкесов, большею частью принадлежавших к знати. Очень определенную, хотя и небольшую группу (6 чел.) составляют опричные дьяки. Выключая пока из общей суммы трех лиц, положение которых еще совершенно неясно, получаем 211 человек основного слоя опричников — служилых людей «по отечеству», типичных феодалов-крепостников по классовому признаку. Этот слой и будет находиться в центре наших изысканий.

Прежде всего попытаемся выявить некоторые общие, сравнимые показатели, которые позволили бы определить основные группы опричников внутри класса феодалов. Для этого нам в первую очередь было бы необходимо получить сведения о размерах земельных владений интересующих нас лиц. Однако собрать такие сведения в отношении всех или хотя бы значительной части известных нам опричников невозможно.

В большей степени поддаются выяснению и учету территориальные связи опричников, те центры, к которым они были причислены своей службой. Последние же в большинстве случаев определялись географическим расположением их вотчин и поместий. Изучение территориальных связей опричников чрезвычайно любопытно. Известно, какое большое значение придается в литературе вопросу о размещении опричных уездов. Исследование этого вопроса позволило ученым сделать ряд выводов. И, однако, значение этих выводов умалется тем, что территориальные связи даже виднейших опричников не были приняты во внимание и не было произведено попытки согласования данных о географическом размещении опричных уездов с географическим распределением земельных владений опричников.

Известные общие, сравнимые данные можно извлечь в отношении служебного положения опричников. К 60-м годам XVI в. принцип обязательной службы окончательно восторжествовал в отношении по крайней мере высших и средних разрядов класса феодалов-крепостников, и то место, которое тот или иной сын боярский или князь занимал на ступенях лестницы служилых чинов, уже в значительной степени определяло и его социальный вес.

Наконец, вполне возможной задачей является изучение генеалогического состава опричников, выяснение степени их родovitости.

¹⁰ Таубе и Крузе, Русский исторический журнал, кн. № 8, 1922 г., стр. 38—39.

Эта задача приобретает большое значение, если учесть привычные и прочно укоренившиеся аристократические традиции, свойственные по преимуществу верхушечному слою русских феодалов-крепостников. Любопытно, что пресловутое местничество не только не было поколеблено в годы царствования Ивана Грозного, но пережило более чем на сто лет и отмену опричнины (1572 г.) и почти на столько же — самого грозного царя.

Таким образом территориальные связи опричников, их служебное положение и генеалогический состав — вот те вопросы, на которые я попытаюсь в первую очередь ответить, изучая и группируя определенным образом соответствующие данные.

Территориальные связи опричников

Для ответа на первый вопрос нам придется использовать список «помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек», пожалованных в 1550 г. подмосковными имениями¹¹. В отношении большей части этих так называемых «тысячников» приводятся данные об их принадлежности к служилым людям, группировавшимся вокруг того или иного уезда. Сопоставление списков опричников с «Тысячной книгой» позволит выявить территориальные связи некоторых членов «охранного корпуса» Ивана Грозного.

Такое же значение имеет сравнение перечня известных нам дружинников Ивана IV с «Тетрадью дворовой» — мало использованным в исторической литературе, сложным по составу и очень интересным реестром верхушки дворянства, сгруппированного по территориальным делениям. Время составления этого документа можно определить только чрезвычайно приблизительно серединой XVI в.¹²

Имена тысячников и имена князей и детей боярских Дворовой тетради во многих случаях совпадают. 25 опричников числилось и в Тысячной книге и в Дворовой тетради одновременно. К ним необходимо присоединить 13 опричников, записанных только в Тысячной книге, и 23 опричника, записанных в одной Дворовой тетради. К этим 61 лицу вполне законно прибавить 46 опричников, ближайшие родственники которых занесены в один из рассматриваемых нами документов. Общее число опричников, территориальные связи которых нам известны, будет, однако, несколько отличаться от суммы перечисленных слагаемых. Учитывая, что некоторые лица занесены в обозначенные выше списки без указания на принадлежность к тому или иному городу, а также принимая в соображение отдельные данные, полученные из других источников, имеем всего 107 лиц, территориальные связи которых нам известны.

Оказывается, что больше всего было среди выясненных опричников ярославцев (14 человек). По Ярославлю числились такие видные деятели опричнины, как князь В. А. Сицкий, Телятевские и др. Второе место после Ярославля занимает Переяславль, давший опричнине таких «столпов», как Басмановы — отец и сын, боярин Чеботов, П. Зайцев, И. Д. Колодка-Плещеев и др. (всего 10 человек). За Ярославлем и Переяславлем следует Ростов (8 человек). Среди

¹¹ Лучшее издание Лихачева и Мятлева в Летописях Историко-родословного общества в Москве за 1911 г., вып. 3—4.

¹² Труды Отд. слав. и русск. археологии Русск. Археологич. об-ва, кн. V. Спб., 1904 г. и отдельно. Тетрадь датирована 7045 г., но эта дата явно не точная.

опричников-ростовцев — кн. В. И. Темкин, князя Гвоздевы-Ростовские, Василий Грязной. Очень немногим уступают Ростову Коломна и Вязьма. По первой 6 опричников и еще один, числившийся, согласно Тысячной книге, по Москве, был записан в Тетради дворовой по Коломне. По Вязьме также 6 опричников. Среди коломнитян и вязьмичей были окольниковый Яковлев, Хворостинины (по Коломне), Мятлев и Салтыковы (по Вязьме).

По 5 человек дали Кострома, Москва, Кашира и Бежецкий Верх. Если считать Савву Наумова, записанного в Тысячной книге по Бежецкому Верху, а в Тетради дворовой по Калуге, то столько же получаем и от Калуги. В Можайске, Зубцове и Дмитрове насчитываем по 4 опричника. Трех имеем от Суздаля и столько же от Оболенска и Рязани. Совсем немного (двоих) имеем от Романова, Углича, Юрьева, Рузы, Воротынска, Твери, Кашина. По Козельску знаем одного опричника (Тургенева), к которому можно, однако, присоединить И. Блудова, записанного в Тысячной книге по Кашире, а в Тетради дворовой — по Козельску. Двое Поливановых, служивших в Москве, были записаны в Тетради дворовой по Боровскому списку. Также двое Савиных знакомы и как воротынцы, и как «мещане» (мешовцы). По одному имелось от Владимира, Серпухова, Волоколамска. В. Грязной, имевший вотчины в Ростове, был связан с Алексинским уездом. Осевший в Твери князь Мордкин служил по старицкому списку.

Несмотря на определенную неполноту и пестроту полученной картины, попытаемся все же вывести некоторые заключения. Обращает на себя внимание то, что окраинные области Русского государства почти не представлены в опричнине. Преобладают землевладельцы центральных и отчасти западных и юго-западных уездов Русского государства. С другой стороны, очень небольшое число опричников дали те уезды, которые в сравнительно недавнем прошлом представляли собой территории относительно сильных и обособленных от Москвы самостоятельных княжений. Вряд ли случайно отсутствие в среде наиболее выдающихся опричников новгородцев и псковичей. Очень небольшие цифры дали Рязань и Тверь, располагавшие весьма большим контингентом служилых землевладельцев и, казалось бы, имевшие возможность выделить гораздо большее число опричников.

Лучше всего были представлены в опричнине города замосковские, расположенные к северу и северо-востоку от столицы Русского государства и представлявшие собой либо центры и области, с давних времен входившие в вотчину потомков Ивана Калиты, либо те княжества, которые, сохраняя до очень позднего времени формальную независимость, на деле уже давно утратили политический суверенитет.

К числу последних принадлежали Ярославль, князя которого выступают в качестве московских подручников со времен Дмитрия Донского, и Ростов, успевший испытать на себе уже в первой половине XIV в. всю тяжесть многого «насилования» московского князя Ивана Калиты. Центральное положение занимал в этой полосе Переяславский уезд, в состав которого входила и резиденция Ивана IV в годы опричнины — Александрова слобода.

Переяславская земля, очень рано соединившаяся с Москвой, по видимому, вследствие богатства естественно-производительных сил (плодородная почва, рыбные ловли и соляные промыслы), явилась из-

любленным местом землевладельческой оседлости влиятельных московских бояр. В середине XVI в. состав служилых переяславцев отличался исключительной аристократичностью. Здесь были расположены основные земельные богатства бояр Плещеевых, в том числе Алексея Басманова из рода Плещеевых и его сына Федора, игравших очень большую роль в организации опричнины. К востоку простирались Юрьевский и Суздальской уезды с их хлебородными «опольями». С западной стороны прилегал к Переяславлю уезд Дмитровский, игравший в XVI в. видную экономическую роль, так как по его территории проходил ближайший водный путь из Москвы на Волгу. И дальше на север тянулись ростовские, затем ярославские земли с ответвлениями по Волге на запад (Романов, Углич) и на восток (Кострома). Это издавна хорошо населенный и относительно культурный край с развивающейся экономической жизнью и давними феодальными связями. Край этот выделил в опричнину свыше 50 человек из общего количества 107, земельные связи которых нам известны.

Из городов, расположенных к югу от Москвы, наибольшее количество опричников дали Коломна и Кашира. Коломенский уезд в структуре земель Русского государства середины XVI в. играл в некоторых отношениях роль, аналогичную Переяславскому уезду. С давних времен теснейшим образом связанный с Москвой и обладавший рядом выгодных географических особенностей (рыбные богатства, водный путь в Рязанскую землю), он был освоен первоклассной московской боярской аристократией, в том числе известными потомками Андрея Кобылы Захарьиными-Яковлевыми, Захарьиными-Юрьевыми и Шереметьевыми, представители которых упоминаются в источниках среди людей, внушивших Ивану мысль о создании опричнины.

Наконец, третий значительный территориальный комплекс, давший сравнительно много влиятельных опричников, складывается из городов, расположенных к западу и юго-западу от Москвы и обращенных к границам великого княжества Литовского, это — с одной стороны — Можайск и Вязьма, через которые проходила главная дорога на Смоленск и в Вильну, и с другой стороны Калуга с прилегавшими к ней «заоцкими» городами, связанная с северской Украиной и через нее — с Киевом. Вязьма, а также некоторые заоцкие города представляли собой земли, одно время входившие в состав великого княжества Литовского и присоединенные к Русскому государству на рубеже XV и XVI вв.

Из числа опричников, связанных территориально с этим краем, особенно интересны Василий Грязной (из прилегавшего к Калуге Алексинского уезда), Игнатий Блудов, Р. Олферьев, М. Безнин, Салтыковы, Годуновы. Повидимому, какое-то отношение к данному району имел и Малюта Скуратов¹³.

За исключением Каширско-Коломенского края, никогда не входившего в состав опричной территории, другие уезды, давшие наибольшее количество опричников, оказались втянутыми в круг земель опричного удела. Уже в 1565 г., в первый этап формирования опричной территории, сюда входят Можайск и Вязьма. Из заоцких городов в состав опричнины с самого начала был взят Козельск. Повидимому, очень скоро присоединилась и Калуга, сделавшаяся основ-

¹³ У Малюты были вотчины в Малом Ярославце.

ным пунктом концентрации военных сил опричнины¹⁴. Из замосков-ных городов в первый «набор» в опричнину попали Суздаль, к кото-рому впоследствии присоединились и Кострома, и Ярославль, и Дмит-ров, и Ростов, и самый Переяславль¹⁵.

Широкую популярность и едва ли не всеобщее признание у исто-риков получила гипотеза, выдвинутая С. Ф. Платоновым, согласно ко-торой в опричнину определялись «как раз те местности, где еще су-ществовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей», причем задача опричного пересмот-ра служилых людей заключалась в том, чтобы сокрушить «землевла-дение знати»¹⁶. Односторонность этой формулы заключалась в том, что она не подчеркивает противоположной тенденции — стремления самодержавия опереться на некоторые землевладельческие круги этих же опричных уездов. Кроме того, формула С. Ф. Платонова не может уже удовлетворять нас своей абстрактностью, а в некоторых частях — и ошибочностью. Не беря на себя задачи общей оценки и критики концепции Платонова, укажу лишь на одно особенно пока-зательное с этой стороны место. Платонов, проводя свой взгляд на опричнину как на учреждение, направленное против вотчинного зем-левладения княжат, доказывает это тем, что в состав опричной тер-ритории были включены районы с преобладанием такого рода земле-владения. Для него особенно показателен был в этом отношении как раз юго-западный район. «Сравнительно лучше, — пишет он, — можем мы судить о положении дел в заоцких городах по верхней Оке»¹⁷. Однако положение дел в заоцких городах в годы опричнины не оп-равдывает этого оптимизма. Уезды, где целыми гнездами сидели кня-жата (Оболенск, Мосальск, также Одоев, Трубчевск), остались в зем-щине. В опричнину были включены те уезды, для которых княжеское вотчинное землевладение вовсе не являлось типичным (Козельск, Ка-луга и др.), причем верхушка местных вовсе невеличких и некруп-ных землевладельцев сама в какой-то части включилась в состав оп-ричнины. Совсем уже непригодна формула Платонова в отношении Можайска и Вязьмы, где старинное развитое княжеское землевладе-ние отсутствовало совершенно. Опричнина началась в условиях Ли-вонской войны, когда основным врагом Русского государства оказа-лось Литовское великое княжество. Возможно, обстоятельства войны, вызывавшие известную активность русских западных и юго-западных феодалов, повлияли на то, что самодержавное правительство в по-исках опоры обращается именно к данному району. Любопытно от-метить, что в период польской интервенции начала XVII века из сре-ды землевладельцев этой же опричной полосы выходит целый ряд видных представителей литовской ориентации, изменников, выступав-ших против московского правительства Годунова и Шуйского. Неко-торые из них представляли собой потомков и однородцев опрични-ков Ивана Грозного. Достаточно вспомнить Тимофея Грязного, М. Г. Салтыкова с родственниками, Олферьевых-Безниных, а также князей Борятинских, Наумовых и других. Нам кажется, что известное значение Калуги как центра тушинцев также возможно сопоставить с той ролью, которую она играла в опричнине как средоточие оприч-

¹⁴ „Синбирский сборник“, стр. 15 и др.

¹⁵ Платонов, „Очерки по истории Смуты“, изд. 1937 г., стр. 107—108.

¹⁶ Там же, стр. 109, 119.

¹⁷ Там же, стр. 110.

ных полков. Выяснение этих параллелей должно явиться предметом специального исследования.

Служебное положение и генеалогический состав опричников

Попытаемся теперь определить служебное положение опричников и прежде всего то место, которое они занимали среди чинов служилых людей Русского государства. Здесь нужно иметь в виду, что в предшествовавший опричнине период служилые люди по отчеству еще не успели распасться на те чрезвычайно дробные чины, которые хорошо известны по многочисленным памятникам XVII столетия. В исторической литературе недостаточно подчеркивалось, что самый термин «дворянин», в смысле чина или сколько-нибудь значительной прослойки класса феодалов-крепостников, не употреблялся еще тогда в Русском государстве. Вся основная, широкая масса служилых людей по отчеству обычно выступает под общим наименованием князей и детей боярских. При этом термин «князья», в смысле определенной группы служилых людей, употребляли применительно к тем феодалам, которые сохраняли землевладельческую оседлость в районе расположения своих «прародительских» вотчин. Таким образом выделялись обычно группы князей Оболенских, Ярославских, Ростовских и т. д. Остальные князья, утратившие связи с владениями своих державных предков, прямо причислялись к той или иной группе детей боярских. Последний термин имел и более широкий смысл, покрывая, наряду с нетитулованными землевладельцами, и часть князей. Наряду с небогатыми провинциальными служилыми людьми сюда входили также и весьма знатные и богатые феодалы (как-то: кн. Курбский А. М., Захарьины и др.). Из всего этого большого числа князей и детей боярских официально выделяли лишь небольшую группу лиц, пожалованных в состав Боярской думы или в какой-нибудь чин дворцового ведомства. Причем до специального пожалования будущие бояре, кравчие и стольники сохраняли свои места среди детей боярских. Что касается этих последних, то они, в свою очередь группируясь по территориальному признаку, подразделялись еще на два больших слоя: князей и детей боярских городских и князей и детей боярских дворовых. В XVII в. дети боярские дворовые составляли основной костяк провинциальных служилых помещиков. Прилагательное «дворовые» в отношении их представляло собой уже совершенно непонятный архаизм. Князья и дети боярские дворовые XVI в. являлись теми служилыми людьми, которые, не утрачивая связи со своими провинциальными землевладельческими мирами, в то же время составляли действительно двор царя и великого князя, его привилегированный полк, ближнюю дружину¹⁸. Собственно служба по Москве не создавала в XVI в. никаких служебных преимуществ: дети боярские москвичи — это имело то же значение, что и дети боярские туляне, князья и дети боярские ярославские и т. д. В 1550 г. было произведено массовое испомещение «лутчих слуг» князей и детей боярских в пределах Московского уезда. Выделение этой избранной тысячи не создавало само по себе никакого нового чина, никакой юридически оформленной прослойки класса феодалов-крепостников. Но по существу это, конечно, являлось подготовкой к созданию такого относительно привилегирован-

¹⁸ См. Тетрадь дворовую.

ного столичного чина. Последний начинает оформляться лишь в годы опричнины, в связи с возникновением дворянства¹⁹.

В опричнину царя Ивана IV вошло 9 человек, состоявших в момент, предшествовавший ее возникновению, в числе сановников Боярской думы. Всего в 1564—1565 гг. в Русском государстве было 29 бояр и 10 окольных. Таким образом опричниками сделалось менее четверти наличных членов правительственного совета Русского государства. Здесь были бояре: А. Д. Басманов, И. Я. Чеботов, Л. А. Салтыков, Ф. И. Умный-Колычев, В. П. Яковлев, князь В. А. Сицкий и окольные З. И. Очин-Плещеев, П. В. Зайцев и В. И. Умный-Колычев. Гораздо больше оказалось среди опричников тех служилых людей, которые были выделены в середине XVI в. как «лутчие слуги» и занесены в Тысячную книгу. Таких насчитывалось 30 человек²⁰. Из них в первой статье числился один И. Ф. Воронцов, во второй статье — 4 человека (П. Пронский, А. Вяземский, Салтыковы) и в третьей — больше всего (25). Тысячная книга отнюдь не исчерпывала наличного состава верхушечного слоя князей и детей боярских. Их список дополняется Дворовой тетрадью. Помимо 18 имен, повторяющихся в Дворовой тетради имена опричников-тысячников, получаем еще 23 имени служилых людей, успевших еще до опричнины выдвинуться и войти в состав двора царя и великого князя. К этим людям необходимо присоединить еще четырех человек, известных по Разрядам в качестве придворных или военачальников (кн. Ю. И. Вяземский, кн. А. П. Хованский, Д. Балабанов и П. Марков) и, следовательно, также принадлежавших к верхушечному слою князей и детей боярских. Общее количество представителей этого слоя равнялось таким образом 57. Вместе со своими родственниками они составляли значительную группу — в 104 человека из общего числа 211 известных нам опричников.

К сожалению, характер наших источников таков, что сведений о служебных поручениях отдельных детей боярских низших категорий собрать невозможно. Что касается бояр, а также князей и детей боярских тысячников, равно как и представителей царского двора, то те из них, которые были включены впоследствии в опричнину, чаще всего употреблялись в ратном деле. Очень почетную боевую биографию имел старейший среди опричников, представитель Боярской думы (окольный с 1551—1552 гг., боярин с 1555—1556 гг.), Алексей Данилович Басманов. Это был бесспорно храбрый, выделявшийся своими личными качествами воевода, начавший боевую деятельность еще в 40-х годах XVI в. Кроме него, в качестве полковых воевод выступали и Л. Салтыков и братья Федор и Василий Умные-Колычевы, кн. Сицкий и др. Из княжат и детей боярских не менее 36 человек известны по Разрядам в качестве или городских воевод или сотенных голов. По несколько раз называют Разряды воеводами кн. П. Д. Пронского, М. И. и Ф. И. Салтыковых, кн. А. Телятевского, кн. А. Хованского и др.

Из менее знатных детей боярских опытным служакой был Ф. Б. Денисов, повидимому, достигший к моменту учреждения опричнины очень преклонного возраста. Его военно-административная и

¹⁹ Впервые в смысле определения чина, группирующего верхи детей боярских, термин „дворяне“ употребляется в приговоре Земского Собора 1566 г.

²⁰ Всего среди опричников я насчитал 38 тысячников, но из них к моменту объявления опричнины 8 уже проникли в Боярскую думу.

полковая служба началась еще при жизни великого князя Василия III. Многие служили с 50-х годов XVI в.

В качестве голов в полках находились: кн. Н. Р. Одоевский, кн. В. Барбашин, М. Безнин, И. Блудов, кн. И. Ф. Гвоздев, Ф. Денисьев, кн. Друцкой, кн. Ю. Козловский, Р. Олферьев, Охлябинин и др.

Городовыми воеводами и наместниками были: кн. С. Борятинский, кн. Н. Р. Одоевский, А. И. Очин-Плещеев, Т. Плещеев, И. Черемисинов, кн. Щербатов.

Некоторые будущие опричники могли сделаться известными Ивану Грозному потому, что употреблялись в качестве «сеунщиков» — гонцов, передававших от воевод из полков различные, обычно радостные известия. Так, кн. В. И. Барбашин, исполнявший впоследствии должность астраханского воеводы, совместно с другим будущим опричником кн. И. Ф. Гвоздевым-Ростовским в августе 1554 г. извещал царя о взятии Астрахани («сеунщиками» посылались также И. Охлябинин и Ф. Хворостинин).

Исполняя разного рода «знатные посылки», князья и дети боярские дворового списка несли и обычную ратную службу в полках. Так, из будущих опричников Савва Наумов в «польский» поход выводил за собой трех холопов в доспехах и еще одного в тегиле. Другой дворовый сын боярский, также вошедший в опричину, князь А. Телятевский, имел возможность взять с собой на казанскую службу 1554—1555 гг. лишь одного человека, и того без доспехов.

Необходимо отметить также, что целый ряд лиц, зачисленных впоследствии в опричину, какое-то более или менее продолжительное время находился во вражеском плену. К числу литовских «полоняников» принадлежали кн. Вас. Темкин-Ростовский, обмененный в 1567 г. на полоцкого воеводу Довойну, взятые в плен во время оршинского поражения З. И. Очин-Плещеев, И. П. Охлябинин и кн. Осип Щербатов. В Крыму в плену сидел одно время Игнатий Блудов. Полоняником был и И. Поливанов. Эта особенность послужных списков опричников вряд ли случайна. Очевидно, «полонное терпение» рассматривалось как такое злоключение, которое давало право на вознаграждение занесением в число избранной царской дружины.

Наряду с заслуженными боевыми командирами, в опричину включались и лица, исполнявшие различные должности придворной службы. Бояре Чеботов, Умный-Колычев, Л. Салтыков, Яковлев, В. Сицкий принадлежали к наиболее близкому, интимному окружению царского семейства. С 50-х годов XVI в. бывал при дворе и сопровождал в походах царя Алексей Басманов, сын которого Федор еще до установления опричины приобрел особое расположение Ивана Грозного. К придворному кругу принадлежали и трое опричников-окольничих. Из числа князей и детей боярских не менее 19 числятся в Разрядах как лица, еще до установления опричины выступавшие или в качестве рынд и их поддатней — телохранителей и оруженосцев Ивана IV (А. Телятевский, Д. Балабанов, И. Мишуринов, К. Поливанов, Б. Савин), или в качестве членов его походной свиты (Ф. Басманов, И. Блудов, Д. Хворостинин, И. Черемисинов), или, наконец, в качестве доверенных, исполнявших особые личные царские поручения (М. Безнин, П. Хворостинин). Таким образом в состав опричины вошло много людей, принадлежавших к тому верхушечному слою класса феодалов, который выдвинулся и приобрел известное значение задолго до переворота 1564—1565 гг. Тут были и люди, «почтенные синклитским саном» и заслуженные, поседевшие в боях воеводы, и лов-

кие придворные, и храбрые дети боярские, выдвигавшиеся в сотенные головы и посылаемые гонцами с разными ответственными поручениями. Известные боевые заслуги, личная храбрость, «полонное терпение» и т. д. значились в биографиях ряда опричников. Ниже нам еще придется с этой стороны характеризовать виднейшего опричника Басманова. Лично храбрым человеком был, кажется, и Малюта Скуратов, погибший во время штурма крепости Вейссейнштейн в Ливонии. Типичной и колоритной фигурой в опричнине был Василий Грязной, с большим достоинством писавший о своих подвигах в борьбе с татарами: «Да заяц, государь, не укусит ни однае собаки, а яз, холоп твой, над собою укусил шти человек до смерти, а двадцати да дву ранил»²¹.

Грязной и Малюта принадлежали к категории рядовых, провинциальных детей боярских, впервые поднимавшихся из массы городских служилых людей. Они, а вместе с ними и третий, очень влиятельный опричник Афанасий Вяземский, не встретились нам ни в Тысячной книге, ни в Тетради дворовой, ни в Разрядах. Наряду с включением в состав опричнины большого количества уже известных «чиновных», заслуженных людей широкой струей вливались туда и «молодые» люди.

«Что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, — писал в письме к опричнику Грязному Иван Грозный, — и мы и вас страдников приближали, хотячи от вас службы и правды»²². К сожалению, наши сведения о службе до опричнины этих выходцев из низших групп детей боярских совершенно недостаточны.

Чин, характер служебных поручений, даже близость ко двору не исчерпывают признаков общественного положения служилого человека XVI в. Степень родовитости, определяемая родословцами и разрядами, имела чрезвычайно большое значение для определения его социального веса.

Поскольку опричники в своем большинстве принадлежали к служилым людям по отчеству, представляется необходимым наряду с их служебным положением выяснить также и степень их родовитости.

Для того, чтобы уяснить степень родовитости опричников, мною была использована прежде всего так называемая Бархатная книга, изданная Новиковым, и Частные родословцы, напечатанные в XI т. Временника Общества истории и древностей российских.

Как убедительно доказал Лихачев, основу Бархатной книги составляет Государев родословец, составленный в 1555 г. думным разрядным дьяком Иваном Елизаровым²³.

Основной текст Государева родословца может быть довольно легко отделен от позднейших наслоений: когда позднее, в конце XVII в. Государев родословец был пополнен, все позднейшие приписки обозначались «да вновь пишут», «приписан вновь по их росписи» и т. д.

Государев родословец был составлен довольно полно. Сюда была занесена вся первостепенная боярская знать середины XVI в. Использованные мною частные родословные относятся — одна к концу цар-

²¹ „Века“, Историч. сборн., Л., 1924 г., стр. 74.

²² Там же, стр. 73.

²³ Лихачев, Государев родословец и Бархатная книга (Изв. Русск. генеалогич. об-ва, вып. 1, Спб., 1900 г., стр. 55—56).

ствования Ивана IV, другая — ко времени правления Федора Иоанновича и, наконец, третья — к годам владычества Василия Шуйского. Частные родословцы конца XVI — начала XVII вв. дополняют Государев родословец. Наряду с первоклассной знатью сюда заносились и гораздо более захудалые ветви княжеских и боярских родов и потомство бояр Рязанского и Тверского великого княжения, густым слоем пополнившее ряды детей боярских московского великого князя.

Из 211 известных нам представителей опричнины русских бояр и служилых людей 62 человека относились к первостепенной московской аристократии, т. е. были записаны в Государевом родословце. 15 человек, не включенных в официальную родословную книгу, числилось зато среди второстепенной знати, фиксируемой частными сборниками.

Таким образом, 77 человек представляли собой, по понятиям того времени, людей «родословных», 23 человека принадлежали к захудалым, отдаленным родственникам аристократических семей; совсем неродословных было 111 человек.

Из числа представителей первоклассных аристократических фамилий 30 человек принадлежали к титулованным семьям. Князей Гедиминовичей было только 3 человека. Рюриковичи распределялись следующим образом: потомство ярославских князей — 12 человек, ростовских — 4 человека, черниговских — 4 человека, тверских — 3 человека, рязанских — 2 человека, суздальских и стародубских — по одному человеку.

Из нетитулованных родословных людей больше всего дало потомство Федора Бяконта (Плещеевы) — 12 человек, несколько меньше дал род Радши (Пушкины, Бутурлины и др.) — 7 человек, четверть опричниками был представлен род Ивана Морозова (Салтыковы) и столько же дало поколение Дмитрия Зерна (Годуновы), трех — именем из рода Андрея Кобылы и двух — боярина Протасья (Воронцовы).

Этот аристократический слой опричнины дополняется шестью представителями захудалого рода смоленских князей, не внесенного в Государев родословец, тремя членами второстепенных московских фамилий, тремя потомками тверских бояр, тремя потомками бояр рязанских.

Сопоставляя данные о генеалогическом составе и службе будущих сподвижников Ивана IV в годы ожесточенной борьбы с боярской аристократией, мы решаемся дать такую табличку социального происхождения опричников (русских):

1. Думные люди 9 чел.
2. Родовитые князья и дети боярские, имевшие родственников среди членов Боярской думы . 30 »
3. Родовитые князья и дети боярские, не имевшие родственников среди членов Боярской думы 28 »
4. Князья и дети боярские «тысячники» и «дворовые», принадлежавшие к второстепенной родословной знати 34 »
5. Князья и дети боярские «тысячники» и «дворовые», не принадлежавшие к родословным людям 34 »

6. Дети боярские провинциальных родов, отдельные представители которых изредка появлялись среди служилых людей более высокого ранга 36 чел.
7. Дети боярские совсем неизвестных провинциальных родов 40 »

Эти семь групп можно в свою очередь объединить в три большие группы:

- I. Родовитая боярско-княжеская аристократия . 67 чел.
- II. Верхушка детей боярских 68 »
- III. Рядовые дети боярские 76 »

Типичным представителем первой группы дробной таблицы думных людей-опричников был Алексей Басманов. Сын его Федор являлся наиболее яркой фигурой второй группы. Среди лиц, входивших в третью группу, начинал свою карьеру Борис Годунов. Ниже его на ступень был князь Афанасий Вяземский. Среди неродословных «тысячников» самым выдающимся опричником стал В. Зюнин. К шестой группе относится Василий Грязной и к седьмой — последней — Малюта Скуратов. Последний по социальному происхождению, он отнюдь не был последним по своему значению в опричнине. «Этот был первым в курятнике», — писал о нем Генрих Штаден²⁴.

Опричники-бояре и опричники-князья

То, что режим опричного террора направлен был, в первую очередь, против боярства, представляет собою настолько установившееся мнение, что вряд ли в настоящее время кто-нибудь будет против него возражать. Не подвергалось также серьезной критике выдвинутое С. Ф. Платоновым положение относительно борьбы с землевладением потомков удельных князей как главным основании пересмотра земельных владений, осуществлявшегося в опричнине. Между тем, в составе самой опричнины мы находим немало бояр и князей.

Очевидно, понять это противоречие мы сможем лишь в результате уточнения наших представлений о тех группах князей и бояр, которые вошли в опричнину, равно и тех, которые в первую очередь пострадали от опричного террора.

Летописец сообщает, что сразу же после учреждения опричнины, как только Иван IV развязал себе руки и получил формальное право и реальные гарантии возможности производить скорую расправу над изменниками, были казнены «за великие их изменные дела» боярин А. Б. Горбатый-Суздальский с сыном Петром, окольныйничий П. П. Головин, князья И. И. Сухого-Кашин и Д. А. Шевырев. Кроме того, бояре кн. И. Куракин и Дм. Немой были насильно пострижены в монахи. В литературе не было сделано попытки определить, в чем состояли «злые изменные дела» этих феодалов, а значительный круг дворянско-буржуазных историков склонен был считать казненных невинными жертвами бессмысленной жестокости.

Имеющиеся у нас данные не позволяют нам раскрыть до конца причины этой расправы. Но все же некоторый свет может пролить ознакомление с биографиями казненных. Князь Александр Борисович

²⁴ Генрих Штаден, «Записки немца-опричника», М., 1925 г., стр. 96.

Горбатый-Суздальский был в 1565 г., повидимому, немолодым человеком. Его служба ратным воеводой началась еще в 30-е годы XVI в. В середине этого столетия кн. А. Б. Горбатый был одним из самых видных воевод Московского государства. Очень видная роль принадлежала ему в завоевании Казанского царства. После казанского взятия он оставлен был «годовать» в завоеванной татарской столице. Но после 1553 г. в летописи и Разрядах прекращаются известия о его военной деятельности. Лишь под 7064, 7065 и 7067 годами упоминается он в числе бояр, находившихся на Москве с князем Юрием Васильевичем.

В биографии Горбатого-Суздальского был момент, заставлявший царя постоянно держать этого воеводу под подозрением. Еще в октябре 1545 г. на него была положена опала. Вместе с ним оказались виновными кн. И. Кубенский, П. Шуйский, Ф. Воронцов и Д. Палецкий. Правда также, что через два месяца все эти лица были прощены, но лояльность их в связи с этим уже оказалась под сомнением. Дочери кн. Александра Горбатого были замужем, одна — за царским племянником кн. И. Мстиславским, а другая — за царским шурином Никитою Юрьевым. Вследствие этого брака сам воевода оказался в свойстве с Иваном IV. Но, с другой стороны, нити родственных связей тянули его к его однородцам, ненавистникам династии, могущественным Шуйским. Случай 1545 г. показывает, что А. Б. Горбатый не чуждался политических комбинаций своих сородичей, выступая в качестве представителя группы Шуйских наряду с Петром Шуйским, кн. Кубенским, Палецким и другими. В 60-е годы XVI в. кн. Александр Борисович Горбатый был самым старшим и самым влиятельным представителем рода Шуйских. К этой же группе Шуйских принадлежал и окольный Петр Головин, шурином кн. Александра Горбатого и родной брат Фомы Головина, игравшего такую видную роль в буйных выступлениях партии Шуйских в 1542 и 1543 гг. И. И. Сухой-Кашин, значительнейший представитель оболенского княжества и воевода в целом ряде походов, в 1552 г. во время боев за Казань выступает в качестве гонца, известившего царя о разгроме татар на Арском поле князем Александром Горбатым²⁵. Этот эпизод намекает на известную близость, существовавшую между ним и влиятельнейшим потомком суздальских князей. Шевырев был родственником Сухого-Кашина.

Имена насильственно постриженных в монахи бояр Куракина и Дм. Немого приводят нас еще к одному политическому делу, сыгравшему большую роль в истории опричнины. Когда в марте 1553 г. больной Иван IV требовал от бояр принесения присяги на имя царевича Дмитрия, кн. Дм. Немой, проезжая по площади, роптал: «Бог то де знает; нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали; а как де служить малому мимо старого? а ведь де нами владети Захарьиным»²⁶. Тот же кн. Дм. Немой, наряду с князьями Куракиными, всем родом (в том числе, очевидно, и с постриженным в 1565 г. в монахи кн. Иваном) участвовал в аристократическом заговоре кн. С. Ростовского, раскрытом летом 1554 г. и связанном с прошлогодней смутой. Сам кн. С. Ростовский был убит опричниками в 1566—1567 гг. Я думаю, что и кн. Александр Горбатый принимал какое-то участие в событиях 1553—1554 гг. и что вообще первые удары опричной грозы направлялись против боярской группировки, скомпро-

²⁵ П. С. Р. Л., т. XIII, стр. 505.

²⁶ П. С. Р. Л., т. XIII, стр. 525.

метировавшей себя в связи с вопросом о крестоцеловании царевичу Дмитрию во время царской болезни. Действительно, ознакомление с биографиями бояр, не желавших тогда повиноваться царской воле и так или иначе проявлявших свое сочувствие Владимиру Андреевичу Старицкому, показывает, что в основном это была все та же группа Шуйских. Князь Иван Михайлович Шуйский, старший брат убитого по повелению царя боярского «первосоветника» Андрея Шуйского, в 1553 г. возглавлял аристократическую фронду. Он вступил в пререкание с самим царем и с совершенно исключительной самоуверенностью утверждал, что «перед кем им целовать, коли государя тут нет». Видными членами группы Шуйских были Турунтай-Пронский и Д. Палецкий, не желавшие целовать креста «пеленичнику», а служить Захарьиным. Князь Александр Горбатый, участник той же группы князей Шуйских, не принимал непосредственного участия в происходивших в дворцовых палатах распрях, так как находился в то время на службе в Казани. Но он не мог не сочувствовать своим однородцам. Что касается его отношения к главному герою дела 1554 г., скомпрометированному и в 1553 г., князю Семену Ростовскому, то оно определялось их ближайшим поземельным соседством и, возможно, родством. Командовавший военными силами и имевший, вследствие долголетней полковой службы, связи с ратными людьми, князь Александр представлял собой для самодержавия Ивана IV большую угрозу. Стоило только вспомнить смелое выступление Ивана Шуйского в ночь на 3 января 1542 г., использовавшего свое положение воеводы, стоявшего против татар. Сама собой напрашивалась параллель. Не случайно известия о военной службе кн. Горбатого прекращаются как раз после 1553 г. Очевидно, ему перестали доверять. Летописец, дополнявший текст Никоновской летописи по поводу дела С. Ростовского, пишет: «И от того времени быст вражда промеж государя и людей». В 1554 г. должны были произойти большие казни, но они не состоялись вследствие ходатайства духовенства. В грамоте, объявлявшей в январе 1565 г. царскую опалу духовенству, боярам и детям боярским, между прочим, осуждалась практика «печалования» духовенства «вкупе» с боярами за опальных. Сопоставляя это с известием о выступлении духовенства в 1554 г. и присоединяя к нему указание на то, что именно с того года началась «вражда промеж государя и людей», мы приходим к выводу, что при нанесении первых ударов опричного террора события 1553—1554 гг. не были забыты. Очевидно, хотели выкорчевать в первую очередь представителей упорной и долголетней оппозиции — могущественных северо-восточных феодалов, группировавшихся вокруг Шуйских и Ростовских князей.

Одна из неофициальных летописных записей называет вдохновителем опричнины бояр Василия Михайловича Юрьева и Алексея Даниловича Басманова²⁷. У нас нет сведений о том, что Василий Михайлович сам вошел в состав опричнины. Он мог, и оставаясь земским боярином, влиять на политику правительства²⁸. Василий Михайлович в 1560-е годы являлся старейшим представителем ближайшего к династии боярского семейства Захарьиных-Юрьевых. Близость этой

²⁷ Садилов, „Из истории опричнины“ (Историч. архив, т. III, стр. 116). М.-Л., 1940 г., изд. Академии Наук СССР.

²⁸ Василий Михайлович был женат на сестре первого земского боярина и царского родственника („принца крови“) Ивана Бельского. На его дочери был женат царский шурин М. Черкасский.

семьи к царю Ивану IV не уничтожалась вторым браком Ивана с Марией Темрюковной: за Юрьевыми сохранялась роль ближайших родственников и естественных охранителей интересов сыновей Ивана Грозного — наследников престола и продолжателей династии.

Имя Василия Михайловича опять-таки приводит нас к событиям 1553—1554 гг. Когда бояре, возглавляемые Иваном Михайловичем Шуйским, пререкались с царем, отказываясь присягать «пеленичку», больной Иван, обратившись к Даниилу Романовичу и Василию Михайловичу Юрьевым, говорил: «Что испугались Захарьины? Вы от бояр будете первые мертвецы и вы бы за сына моего и жену умерли». Совершенно естественно, что человек, которому грозила опасность в 1553 г., не мог не стремиться к тому, чтобы в момент нового резкого обострения противоречий разделаться со своими политическими врагами. Если сам Василий Михайлович, возможно, и не стал опричником (он умер вскоре после установления опричнины), то с другой стороны в опричнину были включены другие представители той же группы Захарьиных. Боярин Василий Петрович Яковля, троюродный брат царицы Настасьи Романовны, был особенно тесно связан с царскими детьми. Не отличаясь воинственностью и не выступая в качестве воеводы, он во время царских походов оставался в Москве у царских детей. Таубе и Крузе называют его гофмейстером молодого князя и близким человеком. Повидимому, он являлся воспитателем-дядькой сыновей Ивана IV. Боярин Василий Андреевич Сицкий, принадлежавший к ярославским княжатам, был тесно связан с Захарьиными родственными узами. «А была за ним царя и великого князя своякия Романова дочь Юрьевича Захарьина» — стоит рядом с его именем в государевой родословной книге. Боярин Федор Иванович и окольный Василий Иванович Умные-Колычевы происходили от одного родоначальника с Захарьиными и принадлежали к интимному кружку ближних дворцовых людей. Федор Иванович еще до опричнины исполнял особенно ответственные и деликатные поручения царя. Так, в 1563 г. он провожал на Белоозеро постриженную княгиню Ефросинию (в иночестве — Евдокию), честолюбивую мать Владимира Старицкого. Таким образом 4 опричника, члены Боярской думы (не считая Василия Юрьева), принадлежали к ближайшему окружению царской династии. Кроме них, опричниками были бояре Басманов, Салтыков, Чеботов, окольные Очин-Плещеев и Зайцев.

Вместе с потомками Федора Кошки здесь было представлено нетитулованное боярство (исключение представляет один лишь кн. Сицкий, бывший в то же время близким родственником Захарьиных). Нам неизвестны родственные связи Чеботова и Салтыкова. Но они во всяком случае принадлежали к интимному кружку, группировавшемуся около престола. Так, Чеботов был с царем в бане во время свадьбы царя и Настасьи Романовны, присутствовал и на других семейных торжествах во дворце, сопровождал Ивана IV в походы.

Л. А. Салтыков был царским оружничим и в этом чине постоянно сопровождал царя в походах, входя в состав его непосредственного, ближайшего окружения. Он присутствовал и на царской свадьбе 1547 г. — нес каравай. Политическая лояльность Салтыкова и его приверженность династии проявились во время конфликта 1553 г., когда он решительно встал на сторону Захарьиных и разоблачил кн. Дм. Немого, того самого, который был пострижен в 1565 г.

Несколько дольше придется остановиться на личности влиятельнейшего из бояр-опричников Алексея Басманова-Плещеева. Его роль

в опричнине общеизвестна. И автор неофициального летописца, и кн. Курбский называют Басманова главным вдохновителем опричнины. Когда в 1566 г. после оставления митрополии Афанасием и беседы с кандидатом в митрополиты Германом Полевым у царя начались какие-то колебания в отношении опричнины, просили ее сохранить разные «ласкатели», «паче же един от них, глаголемый Алексей Басманов с сыном своим»²⁹.

Вопреки распространенному, благодаря художественной литературе, мнению Басмановы отнюдь не были людьми худородными. Предки их — дед Алексея Андрей Михайлович и прадед Михайло Борисович — заседали в Великокняжеской думе в высшем чине бояр. Последний (Михайло Борисович) назван старейшим из бояр Ивана III. Отец Алексея Басманова Данило Андреич не дослужился до думного чина, так как в 1514 г. был взят в плен литовцами и умер в плену.

Алексею Даниловичу, не имевшему думного отца и действовавшему в условиях преобладания княжеской родовитой аристократии, очевидно, не без труда пришлось добиваться влиятельного положения в государстве. Он не мог сразу стать боярином и в промежуток между 1551—1552 и 1555—1556 гг. состоял во втором, более низком, думном чине окольничего. Басманов участвовал в дворцовых смутах первой половины правления Ивана IV, выступая в них в качестве сторонника Шуйских. В 1543 г. он принимал участие в выступлении Шуйских против Федора Воронцова. Однако по своему происхождению он стоял ближе к нетитулованной аристократии типа Захарьиных³⁰ и Салтыковых. В биографии Басманова очень большое место занимает его военная деятельность. Это был один из наиболее храбрых, выдающихся полководцев Русского государства. Следующие эпизоды особенно ярко характеризуют его с этой стороны. В ответственный момент «казанского взятия» Басманов получает очень важное поручение помогать раненому воеводе М. И. Воротыньскому приступить к пролому, образованному вследствие взрыва части казанской стены. В июне 1556 г. Басманов участвовал в неудачной для русских битве с татарами на Судьбищах. Единственный из воевод Басманов и тогда не растерялся. Ему удалось даже объединить остатки русских сил и возобновить борьбу. Нагнав обозы, он приказал бить в набат и трубить в сурну. С собравшимися на призыв детьми боярскими Басманов вновь встретил полчища хана и выдержал их атаки. Во время ливонской войны Басманов берет Ругодив (Нарву). Наконец, в 1564 г., незадолго до учреждения опричнины, Басмановы, отец и сын, организовали и провели в очень тяжелых условиях оборону города Рязани от шестидесятитысячного войска крымского хана.

Долголетняя и успешная военная деятельность Басманова могла повлиять на его решение учредить опричнину, одна из задач которой заключалась в том, чтобы, сломив сопротивление «ленивых богатин», добиться повышения обороноспособности служилых людей. Руководящая роль Басманова в опричнине повлекла за собой приближение к «государевой светлости» остальных представителей многочисленного боярского рода Плещеевых. Из думных людей вошел в оприч-

²⁹ Сказания Курбского, ч. I. 1842 г., стр. 161.

³⁰ Алексей Басманов был очень дальним родственником Захарьиных. Его дед Андрей был женат на дочери Якова Казака, родного брата Захария, предка царицы Настасьи Романовны.

нину окольников Захар Иванович Очин-Плещеев, произведенный в 1567—68 гг. в чин боярина. В противоположность своему четвероюродному брату, Захарий Очин был весьма неудачливым воеводой. Разбитый в 1555 г. шведами у Орешка и ливонским «мастером» и рижским архиепископом в 1559 г., он попал в плен в битве под Оршей (январь 1564 г.). Вскоре после этого он, вероятно, был выкуплен из плена и после поручительства по нем ряда опричников принят в опричнину.

Девятым опричником — думным человеком был Петр Зайцев. Свидетельства иностранцев рисуют его одним из влиятельнейших опричников. Политическая биография Зайцева имеет известное сходство с политической биографией Басманова. Принадлежавший также к числу переяславских землевладельцев, он выступал в молодости как представитель политической группы Шуйских. На поприще военной деятельности Зайцев был видной фигурой: так, после взятия Полоцка, ему было поручено «город делать».

Таким образом, среди опричников — думных людей возможно выделить две группы: 1) членов интимного семейного кружка Ивана Грозного, естественных опекунов и защитников династических интересов царственного потомства Ивана Калиты, и 2) способных и энергичных представителей некоторых знатных, но оттесняемых на второй план, нетитулованных боярских родов, действовавших в свое время в рядах аристократической группы Шуйских, но затем перешедших в лагерь их противников. За исключением нетипичного в данном случае князя Сицкого, мы совсем не видим здесь потомков удельного князя.

Помимо девяти старых бояр и окольников в опричную Боярскую думу в годы функционирования опричнины было включено несколько человек: П. Д. Пронский — боярин с 1566—67 г., В. И. Темкин — боярин с 1567—68 г., Н. Р. Одоевский — боярин с 1570—71 г., С. Д. Пронский — боярин с 1571—72 г., Ф. М. Трубецкой — боярин с 1571—72 г. В противоположность первым опричникам все — князья. Кроме того, окольниками из опричнины стали вновь Н. В. Борисов-Бороздин (с 1566—67 г.), Д. А. Бутурлин (с 1567—68 г.), князь Д. И. Хворостинин (с 1568—69 г.) и В. Г. Зюзин (с 1567—68 г.).

В отношении этих новых опричных бояр и окольников нам удалось сделать следующее наблюдение. Из девяти перечисленных здесь лиц пятеро принадлежало в свое время к ближайшему окружению царского двоюродного брата и неудачливого претендента на престол князя Владимира Андреевича Старицкого.

Князь Никита Одоевский был шурином Владимира Андреевича. П. Д. Пронский и В. И. Темкин были боярами старицкого князя. Его двоюродным дядей являлся окольник Бороздин. Как брата П. Д. Пронского, причисляю сюда и Пронского С. Д. Из лиц, не получивших думного чина, но принадлежавших, тем не менее, к самой верхушке класса феодалов-крепостников, сюда же относился кн. А. П. Хованский, четвероюродный брат и дворецкий Владимира Андреевича.

Во время междоусобий времени регентства Елены Глинской бояре и служилые люди удельного князя Андрея безусловно поддерживали своего сюзерена, за что и подвергались в свое время пыткам и другим наказаниям. В период опричнины, по прошествии 30 лет после этого, вассалы и приближенные его сына уже спешили перейти в опричнину. Не говорит ли это о том, что удельная система потеряла ко второй половине XVI в. всякие основания своего существования?

Среди опричников Ивана Грозного наряду с худородными неродословными людьми имелось и большое число князей, потомков удельных властителей как северо-восточной, так и юго-западной Руси. Нам казалось необходимым произвести анализ данной группы опричников с тем, чтобы выявить общественное положение этих князей и в первую очередь разрешить вопрос о том, в какой степени эти князья могли представлять собой удельно-аристократическую тенденцию, враждебную развивавшемуся самодержавию.

Результатом этого анализа явился вывод о том, что преобладающее большинство князей-опричников еще задолго до учреждения опричнины потеряло связи с территориями, где находились удельные владения их предков, и по сути дела ничем, кроме княжеского титула, не отличалось уже от нетитулованных бояр и детей боярских.

Постараюсь подкрепить это заключение фактами. Из опричников-князей, членов Боярской думы, князья Пронские Петр и Семен числились в 1550 г. среди детей боярских по Юрьеву. Последний весьма далеко расположен от рязанских мест, где правили их предки.

Родовая вотчина Одоевских, Одоев, находилась в XVI в. за князьями Воротынскими. Своих «прародительских» владений Одоевские лишились еще в XV в. Иван III говорил про них: «Одоевских князей больше не стало, отчина их пуста, а другие князья Одоевские нам служат, мы их кормим и жалуем своим жалованьем, а иных князей Одоевских жребии за нами»³¹.

Опричник Н. Р. Одоевский был очень крупным феодалом. Есть сведения, что он владел Кашином³². Но это уже было пожалованием московских государей, с которым не связывались никакие удельные аристократические воспоминания.

Крупную роль в опричнине играли князья Хворостинины, которых там насчитывалось четыре брата — окольничий князь Дмитрий, князь Федор, князь Андрей (Карло), князь Петр. Это были потомки кн. Михайла Хворостины, ветвь ярославского княжья. Но согласно данным Дворовой тетради и Тысячной книге, их отец Иван Михайлович был коломенским сыном боярским. Среди коломенитян в Дворовой тетради числились и сами опричники — старшие братья Дмитрий и Федор. Первый из них был выдающимся, талантливым воеводой.

В опричнину же попало и потомство старшего брата Михайла Хворостины — Федора Охлябины, Охлябинины. Но подобно Хворостининым, и Охлябинины уже не входили в группу ярославских князей. Их отцы служили дворовыми детьми боярскими по Калуге (отец опричника Василия Андреевича Андрей Петрович) и по Кашину (отец опричника Ивана Залупы Петр Васильевич). Примерно таково же было, вероятно, положение и их двоюродного брата Михайла Дмитриевича.

Еще одно княжеское гнездо, осевшее в опричнине, — князья Телятевские, также задолго до опричнины отстали от прародительских вотчин. Они принадлежали к потомству удельных владетелей Тверского великого княжества. Но сами они служили по Ярославлю, причем входили не в группу ярославских князей, а «из Ярославля помещиков». Один из них, Василий Иванович, брат боярина Петра и дядя двух других опричников Телятевских — Андрея и Ивана Петровичей, назван среди детей боярских в Боярской книге 1556 г.

³¹ С. В. Рождественский, „Служилое землевладение XVI в.“ Спб. 1898 г., стр. 198.

³² Духовная грамота Ивана Грозного.

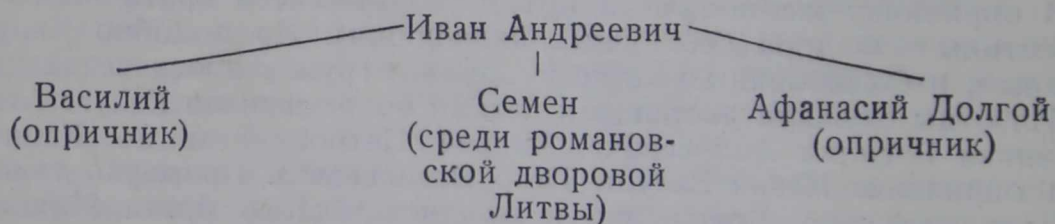
Здесь, между прочим, указано, что вотчинных земель за ним никаких нет, а поместье имеется лишь на 300 четвертей. В поход Василий Иванович водил за собой лишь одного человека.

Пронские, Одоевские, Хворостинины, Охлябинины и Телятевские, утратив специфику вотчинников-князей, сохраняли весьма высокое положение среди служилых людей Русского государства, смыкаясь с кругами «первостепенной» боярской аристократии.

Видные опричники Вяземские, не имея никаких связей со своими старинными вотчинами, в то же время выбыли и из состава родословных людей Русского государства.

Известно, что когда в. кн. Иван III отвоевал у Литвы Вязьму, он вяземских князей «пожаловал их же вотчиною Вязьмою, повеле им себе служить». Но в конце правления Ивана Вязьма уже не принадлежала князьям Вяземским: Иван III отказал ее сыну Василию со всеми волостями, селами и пошлинами как свою вотчину. Вяземские же очень быстро захудали. В середине XVI в. родовую честь поддерживал один лишь Александр Иванович Глухой-Вяземский, числившийся в Тысячной книге среди переяславцев 2-й статьи и служивший воеводой. Вяземские утратили право считаться людьми родословными. Их фамилия не была вовсе включена в Государев родословец. В опричнине служило 6 князей Вяземских: переяславец Александр, каширянин Андрей, кроме того братья Афанасий и Василий Ивановичи, затем еще Дмитрий и Юрий Ивановичи. Кроме Александра только лишь Юрья Волк Иванович упоминается в доопричных разрядах и то не в качестве воеводы, а в качестве головы.

Особый интерес вызывают биографические данные о князе Афанасии Ивановиче Долгом-Вяземском, царском оружничем и одном из самых влиятельных деятелей опричнины. К сожалению, никаких конкретных данных о его доопричном положении не удалось отыскать. Но в Дворовой тетради среди служилых людей, объединенных в группу «на Романове Литва дворовая», находим несколько князей Вяземских. Здесь имеется, между прочим, Семен княж Иванов сын Вяземского (любопытно, что сам Семен назван без княжеского титула) — очевидно, родной брат этого известного опричника. Таким образом получаем:

Служебное положение братьев вряд ли сильно различалось. Таким образом мы можем признать знаменитого опричника Вяземского принадлежащим к группе захудалых княжат, вышедших из Литвы уже после перехода Вязьмы в состав Русского государства, продолжавших еще и в середине XV в. числиться литовцами. Представление о худородности Вяземских прочно держалось в московских служилых кругах. Еще в XVII в. воевода Мирон Вельяминов, местничавшийся с потомком опричника, говорил: «Да и искони, государь, Вяземские князи, люди городовые, а объявились только в опришные годы, в кою пору дед ево князь Офонасей Долгой Вяземской посягал на крестьянскую кровь, а в тое государь пору объявились Вязем-

ские князи везде в меньших товарищах и с обышными людьми»³³.

К числу «обышных» неродословных людей причисляли также служивших в опрочине князей Борятинских, калужских детей боярских Михаила, Семена и Федора Федоровичей и каширянина Петра Ивановича, зубчанина Андрея Волконского, костромича Козловского. К выходцам из Литвы, наряду с Вяземскими, принадлежал и Данило Друцкий.

Таким образом, 25 опрочников-князей, среди которых были и родословные люди, примыкавшие к боярской верхушке, и захудалые, стоявшие ближе к рядовому дворянству, во всяком случае не являлись представителями крупновотчинского, специфически княжеского землевладения и уже ничем не отделялись от нетитулованных служилых людей по отчеству.

Но среди опрочников были и подлинные княжата, т. е. такие феодалы, которые, сохраняя связи с прародительскими вотчинами, могли быть носителями удельно-аристократических традиций. Нам известно до шестнадцати этих княжат. Князья ярославские — трое Сицких и двое Прозоровских, ростовские — двое Темкиных и трое Гвоздевых, суздальские — один Барбашин, оболенские — трое Щербатых и двое Трубецких.

Однако некоторые из княжат, действительно игравших крупную роль в опрочине, включались в ее состав вопреки своей принадлежности к наследникам родовых вотчин, в силу различных особых обстоятельств. Действительно, Сицкие были близкими родственниками царевичей Иоанна и Федора. Темкин и Осип Щербатый долгое время находились в плену. Что касается Трубецких, надо сказать, что их родовые владения находились на окраине Русского государства, где была известная архаичность и вопрос о крутой ломке землевладельческих порядков еще не ставился.

С другой стороны, включение в состав опрочины в некоторых случаях, повидимому, преследовало особые цели и не всегда означало выражение милости и доверия к данному лицу.

Об этом говорит как раз судьба некоторых опрочников-княжат. Князья Гвоздев-Ростовский и Прозоровский, принадлежавшие к феодалам, сохранявшим связи с территорией, где находились их прародительские вотчины, играли в опрочине позорные роли шутов. Князья Приемковы-Гвоздевы участвовали в заговоре князя Семена Ростовского 1554 г. (см. выше). Известна трагическая судьба Осипа Гвоздева. Царь обварил его кипящими щами, пронзил ножом и на замечание врача об его кончине с хохотом воскликнул: «Так пусть его забирает дьявол, раз он не пожелал ожить»³⁴.

В заключение укажу на то, что сделанное нами наблюдение в отношении феодалов западных областей Русского государства, служивших в опрочине, а затем в начале XVII в., уже в лице следующего поколения, поддерживавших интервентов, подтверждается применительно и к другим боярско-дворянским группам. Против Бориса Годунова и затем Василия Шуйского в начале XVII в. выступали в разное время и Басмановы, и Плещеевы, и Телятевские, и Хворостинины, и Трубецкие, и Вяземские, и Пушкины, и Грязные, и даже «пригнунодейные» Бельские. Назову и племянника царицы Марии Темрюковны, сына виднейшего опрочника-черкеса Дмитрия Мам-

³³ Русский исторический сборник, т. V, М., 1842, стр. 66.

³⁴ Шлихтинг, стр. 77.

стриюковича Черкасского. Опричная дружина Ивана IV как бы возрождалась уже в следующем поколении вокруг призрачной фигуры его младшего сына. Сомнительно, чтобы это совпадение объяснялось простой случайностью.

Основные выводы

1. В состав опричнины вошли преимущественно представители класса феодалов-крепостников, связанных с территориями: 1) Замосковского центра, 2) Коломенско-Каширского района и 3) западных и юго-западных городов, обращенных к литовской границе. Первый и третий из этих районов вошли в состав земель опричного удела. Включение в состав опричнины западных и юго-западных городов не было связано с борьбой с местным княжеским землевладением. В Замосковном центре борьба с вотчинниками сочеталась с выделением из среды местных же феодалов отдельных групп и лиц, служивших опорой самодержавию.

2. Первые грозные удары опричного террора были направлены против крупнейших феодалов северо-восточной Руси, связанных с могущественной группой князей Шуйских и Ростовских, выступавшей в период, предшествовавший опричнине, против самодержавия и династии. В среду опричников вошли представители нетитулованной боярской знати, родственными узами и близким свойством связанные с династией. Титулованные опричники (князья) преимущественно принадлежали к тем княжеским родам, которые задолго до опричнины утратили связи с родовыми вотчинами и по существу ничем не отличались от нетитулованных землевладельцев-крепостников.

3. Очень значительное количество опричников вышло из верхушечного слоя князей и детей боярских, выдвинувшихся задолго до опричнины на поприще военной или придворной службы. Опричники-бояре принадлежали иногда к числу выдающихся полководцев Русского государства. Личная храбрость и определенные военные заслуги типичны для целого ряда опричников.

Наряду с включением в опричнину служилых людей, игравших заметную роль в еще доопричный период, имело место широкое продвижение хундордных провинциальных князей и детей боярских, отдельные представители которых заняли в опричнине исключительно видное положение.

4. Уничтожение в годы опричнины крупнейшего пережитка эпохи феодальной раздробленности в лице Старицкого удела князя Владимира Андреевича сопровождалось не только окончательным присоединением к Москве территории удела, но и включением в состав опричников служилых людей старицкого князя.

5. Представляется несомненной связь опричных групп с позднейшим кругом феодалов, выступавших уже в начале XVII в. против самодержавия Годунова и боярского правительства Василия Шуйского. Однако выяснение обстоятельств этой связи требует самостоятельного исследования.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ОСВЕЩАЮЩИЕ ПОЛЬСКУЮ ИНТЕРВЕНЦИЮ НАЧАЛА XVII ВЕКА

В борьбе с извращениями истории СССР так называемой школой Покровского видное место отводилось разоблачению ложных взглядов на движущие силы и историческую обстановку польско-шведской интервенции начала XVII в. Истинная роль Лжедмитрия I как польского ставленника, захватнические цели польских магнатов и католической церкви были вскрыты в сборнике «Против концепции Покровского» (статья проф. А. А. Савича) и нашли свое отражение в ряде популярных работ. Однако в круг источников, использованных историками, не были включены изобразительные материалы, в большом количестве оставшиеся от XVII в. Между тем именно самый характер скрытого, завуалированного наступления, подготовлявшегося через второстепенных и подставных лиц, с намеренным оставлением в тени главных вдохновителей, делает особенно желательным учет всех тех моментов, которые разоблачают, выявляют характер всей интервенции в целом.

Иконографический материал, относящийся к первому периоду польской интервенции, проводившейся через ставленника польских панов Лжедмитрия I, может послужить такому заданию, может дать некоторые дополнительные черты и детали для учета условий, в которых интервенция подготовлялась и проводилась.

Несомненно, заказами польского магнатства и в свете польских интересов был создан ряд портретов и картин, зафиксировавших события и деятелей первого этапа польской интервенции. Важно, что некоторая часть этих исторических памятников создавалась тогда, когда ставленник интервентов еще держался на престоле московских царей, а его польское окружение, упоенное успехом, спешило себя рекламировать. Изобразительный материал в таком случае показывает их так и в той роли, от которой позднее они всяческими правдами и неправдами отрекались. Например, «ясновельможный» пан Олесницкий, каштелян Малагосский, изображенный на картине «Прием польских послов» в момент, когда он официально и всенародно заявил, что Лжедмитрий «занял престол милостью короля и помощью польского народа (шляхты)»¹, не с очень большим удовольствием мог вспоминать об этом моменте через 15 дней, когда русский народ смел интервентов, а польским панам, на допросе у бояр, пришлось затушевывать роль Польши². Точно так же редчайшая краковская

¹ Устрялов, «Сказания современников о Димитрии Самозванце», изд. 1859 г., т. II, стр. 210.

² Собрание Гос. Грамот и Договоров, т. II, стр. 296—297.

гравюра 1606 г., изображающая Лжедмитрия, как Дмитрия Ивановича, царя московского (из поздравительной свадебной брошюры 1606 г.)³, не потому ли стала редчайшей, что через несколько лет, на сейме 1611 г., было неприлично говорить о своем ставленнике иначе, как называя его проходимцем и Гришкой Отрепьевым⁴. Между тем портрет Лжедмитрия фигурировал в брошюре рядом с портретом краковского епископа, примаса Мациевского, не говоря уже о Мнишке и Марине. Между тем в 1605 и 1606 годах у этого проходимца — Лжедмитрия I — целовали руку вельможные паны, ему с благосклонностью писали король Сигизмунд III, папы Климент VIII и Павел V, а крупнейшие магнаты и все помогавшие ему паны с благодарностью принимали его подачки.

I. Портреты Лжедмитрия, как прием рекламы польским правительством своего ставленника

Внимание изучающего изобразительный материал, связанный с первой польской интервенцией, привлекает значительное число портретов Лжедмитрия I, относящихся непосредственно ко времени 1605—1606 гг. Эти портреты тем и интересны, что они спешно фиксировали продвижение польского ставленника по пути к целям, намеченным польскими панами и во главе их Сигизмундом III, — захват русских земель, ополячение и окатоличение Русского государства. Никто из крупных панов не сомневался, что Лжедмитрий не царевич, но для захватнических целей это и не играло роли. Итальянец Чилли, много лет проживший среди придворного магнатства, будучи секретарем короля Сигизмунда III, откровенно пишет, что поляки примкнули к Лжедмитрию в надежде приобрести имущество и богатство, не рассуждая о том, был ли Лжедмитрий истинный или ложный государь⁵.

Когда поход Лжедмитрия на Москву кончился возложением на голову неизвестного авантюриста венца московских царей, началось усиленное рекламирование польского ставленника как в столице Польши, так и при иностранных дворах. Клавдий Рангони, папский нунций при польском короле, упоенный успехом своего протече и надеждою на грядущее подчинение «схизматиков» (православных) римскому престолу, написал новому папе Павлу V, только что вступившему место умершего Климента VIII, подробнейшее письмо (от 2 ноября 1605 г.) о всех событиях, связанных с воцарением Лжедмитрия, и отправил папе портрет последнего⁶. Осенью этого же года появилась рекламная брошюра «Песнь на празднество бракосочетания»⁷.

Автором этой поздравительной брошюры, написанной по случаю обручения Лжедмитрия с Мариной в Кракове (Лжедмитрия заменял

³ Д. А. Ровинский, „Подробный словарь русских гравированных портретов“, т. I, стр. 660, 1886 г. 1-ое изд. брошюры вышло в 1605 г.

⁴ Д. В. Цветаев, „Царь Василий Шуйский и место его погребения в Польше“, т. I, стр. 58, 1912 г.

⁵ Журнал „Маяк современного просвещения“, 1841 г., вып. 17 и 18, стр. 22. Чилли прожил в Польше с 1595 по 1617 г. В своих записках он как очевидец описывает приемы Лжедмитрия I у Сигизмунда во дворце.

⁶ Д. А. Ровинский, указ. соч., т. I, стр. 583.

⁷ *Piesni na Fest vcienczny wielkim dwiedma Narodow Polskiemu u Moskiewskiemu... Od Autore (Stan. Grohowski). W Krakowie, 1604, 4°* (по Ровинскому, Подробный словарь русских гравированных портретов, т. I, стр. 683).

его посол Афанасий Власьев) был ксендз, воспитанник иезуитов, Станислав Гроховский, известный своими беззастенчивыми интригами и низкопоклонством перед князьями церкви. К этой брошюре были приложены портреты главных персонажей: Лжедмитрия I, Марины, Юрия Мнишка, кардинала Мациевского и Афанасия Власьева. Вероятно, после окончательного провала польско-литовской интервенции, когда стало модным отрицать свое участие в грязном деле продвижения Лжедмитрия, брошюра эта уничтожалась. По крайней мере единственный экземпляр ее видел исследователь иконографических материалов Ровинский в собрании Чарторижских под Краковом.

Портрет Лжедмитрия (гравюра на дереве), помещенный в этой брошюре, относится к 1605 г.⁸ Это самый ранний и самый достоверный портрет. Художник, выполнивший его, неизвестен, но, судя по великолепию по своей выразительности портрету Афанасия Власьева, относящемуся к этой серии, хороший рисовальщик и гравер. Лжедмитрий далеко не похож на позднейшие идеализированные портреты из галереи Вишневецкого замка, изображавшие его в рыцарском одеянии с короною. Здесь Лжедмитрий изображен очень молодым, без всяких царских атрибутов, с непокрытой головой, в гусарской куртке. Его, конечно, рекламировали в Польше, но в то же время польское панство трактовало Лжедмитрия свысока, как марионетку, созданную в своих интересах. «У Гришки было довольно ума, красноречия и смелости, он умел обходиться со всеми, выдавая себя за того, кем он не был»,—так позднее писал о нем Жолкевский⁹.

По этому же рисунку тогда же была издана гравюра на отдельном листе большого размера со следующей подписью: «Коронован лета христова 1605 г. имел 24 года и таковым как выше видишь Франц Снядецкий живописец Краковский в печать отдал». Ниже портрета помещена довольно бессвязная подпись, всем текстом говорящая о заслугах поляков в борьбе за престол для Лжедмитрия и об обещании «из великих Кончиц Юрия Мнишка, воеводы Сандомирского посадить Лжедмитрия на престол». Ввиду существующего у специалистов подозрения позднейшей подделки гравюры не останавливаемся на анализе этой гравюры¹⁰.

Гораздо интереснее третий портрет, появившийся в самый разгар событий, работы крупного немецкого гравера Луки Килиана, выполненный в 1606 г. в Аугсбурге. Неизвестно, кем был заказан этот портрет. Лука Килиан, из знаменитой семьи аугсбургских граверов, был тогда молодым художником, только начинавшим свою карьеру. Годы, предшествовавшие выполнению портрета Лжедмитрия, он провел в Италии (1601—1604), из них два года в Венеции. В 1604 г. Лука Килиан вернулся в Аугсбург и начал работать в процветавшем тогда издательстве Доминика Кустома¹¹.

Между Краковом и Аугсбургом издавна существовали крепкие торговые и культурные связи. Портрет Лжедмитрия — не единствен-

⁸ Д. А. Ровинский (Словарь гравир. портретов, I, 682—прим.) отмечает, что так как обручение Марины происходило 12/22 ноября 1605 г. и краковская поздравительная брошюра была отпечатана к этому времени, то нет сомнения, что помещенный в ней портрет Лжедмитрия — самый ранний из всех гравированных его портретов, а вместе с тем единственно достоверный.

⁹ Записки, стр. 78. 1871 г.

¹⁰ Д. А. Ровинский, „Словарь гравированных портретов“, т. I, 682.

¹¹ Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler Hans Vollmer, 1927, т. XX. Портрет Лжедмитрия, гравюра работы Килиана имеется в собрании ГИМ.

чем самый первый и наиболее достоверный портрет, краковский. Лжедмитрий был некрасив, угрюм, с жесткими прямыми волосами, большой бородавкой у правого глаза — таким и изобразил его Килиан¹².

Кроме перечисленных опубликованных портретов известно, что Рангони послал портрет (в красках) Лжедмитрия папе Павлу V. Но наиболее показательным, в смысле рекламирования, является акварельный портрет Лжедмитрия, привезенный в 1605 г. в Гейдельберг приехавшим туда польским посланником. В рукописи, находившейся в 1870 гг. в публичной библиотеке города Дармштата «*Thesarium picturarum*», по этому поводу имелась запись от «текущего 1605 года», а именно: «Года 1605 в октябре, прибыл в Гейдельберг знатный пославник из Польши, который приглашал и просил курфюрста и пфальцграфа, равно как перед тем и его императорское величество с другими курфюрстами и знатнейшими князьями немецкой нации на вторичную свадьбу своего короля»¹³. Польский посланник привез с собою подлинник прилагаемого изображения Дмитрия Ивановича, молодого бывшего монаха, который объявил себя природным наследником и законным преемником «великого княжества Московского и под этим видом, в прошедшем 1604 и текущем 1605 г. силою присвоил себе это владение, как при жизни, так и по кончине Годунова Федоровича, согласно нижеследующему обстоятельному повествованию, которое вышеупомянутый посланник привез вместе с изображением».

Видевший этот портрет Ровинский так описывает его: «Портрет акварельный, довольно грубо исполненный, поясной, в 4-ю долю листа, он напоминает известный портрет Килиана... На фоне золотом надпись: *Demetrius Jwanowice Magnus Dux Moschowiae 1604 aetatis suae 23*».

Очень любопытна цитированная выше немецкая запись, ясно трактующая Лжедмитрия согласно московским дипломатическим грамотам, разосланным Борисом Годуновым, именно: «бывшим молодым монахом, который объявил себя природным наследником»¹⁴.

Шестой портрет, помеченный 1606 г., относится уже к краху польской интервенции. Надпись на нем гласит: «Подлинный портрет великого князя московского, убитого своим народом 18 мая 1606 года» (текст французский). Далее: «Дмитрий великий князь московский Петр Иоде выполнил» (текст латинский). Портрет далек от сходства с достоверным краковским портретом. Портрет фантастический, но он интересен тем, что облик Лжедмитрия чисто польский: меховая шапка с пышным пером, шуба с меховым оплечьем, в целом похожие на костюмы поляков на портретах XVII в.: Льва Сапеги, Алекс. Конецпольского и других. Надпись подчеркивает народную расправу с Лжедмитрием¹⁵.

Таким образом, мы насчитали шесть портретов, появившихся за

¹² Изображение близко к описанию наружности Лжедмитрия, сделанному Чилии.

¹³ В Кракове одновременно были две свадьбы: Лжедмитрия и Марины и Сигизмунда III и Констанции, дочери австрийского эрцгерцога Карла.

¹⁴ „Русская старина“ 1876 г., апрель, стр. 871; также Д. А. Ровинский, „Подробный словарь русских гравированных портретов“, т. I, стр. 682, прим.

¹⁵ Приложен к книге „*La legende de la vie et de la mort du faux Demetrius*“, 1606 г., Amsterdam. Pieter Jode (1570—1634), гравер-рисовальщик и издатель, род. в Антверпене (словарь Vollmer'a, т. XIX, стр. 31).

1605—1606 гг., и из них пять, рекламировавших польского ставленника как истинного наследника царя Ивана IV Грозного. Уже одно количество их говорит о шумихе, поднятой вокруг личности Лжедмитрия I.

Но, кроме гравированных и живописных портретов, имеются изображения Лжедмитрия на медалях, свидетельствующие также о стремлении к его популяризированию.

Лжедмитрий, достигнув престола, заказывает в Польше медали, изображающие его со всеми атрибутами власти: в венце, со скипетром и державой. Эти медали предназначались для раздачи панам-родственникам (Мнишкам) и «приятелям», они были золотые и се-

Рис. 2. Серебряная медаль с изображением Лжедмитрия I (Государственный Исторический Музей)

ребряные. Несомненно, что медали, имеющиеся в собрании Государственного Исторического Музея, являются подлинными медалями 1605—1606 гг., выполненными высококачественными мастерами в Польше. Одна из них изображает Лжедмитрия *en face*, в венце, со скипетром и державой; на нем пластинчатые, западного образца латы, на плечах лежит цепь, на шее другая. Медаль имеет надпись: «Дмитрий Иванович божию милостью император России. Год жизни его 24»¹⁶. Русские цари, как известно, не носили тогда титула императора, а ловкий авантюрист, захвативший с помощью панов московский престол, сразу стал подписываться «непобедимым цесарем», императором — «*in perator*»¹⁷. Поляки, посадившие его на престол, считали, что это уже слишком, и послы Олесницкий и Гонсевский на официальном приеме подняли шум из-за титула. Папа Павел V, упорно стремившийся окатоличить Россию, пошел на уступки: он польстил Лжедмитрию и неофициально разрешил своему нунцию Клавдию Рангони написать: «*Serenissimo et invictissimo Monarchae Demetrio Joanis Caesari*»¹⁸.

¹⁶ А. А. Карзинкин, «Медали Лжедмитрия I», 1889 г., стр. 29. Надпись на латинском языке.

¹⁷ Собр. Гос. Грамот и Договоров, I, 229.

¹⁸ Действия Нижегород. архивн. ком., т. XIII, в. 3, стр. 78.

Пометка на медали «Год жизни его 24» сделана из расчета убедить сомневающихся в том, что он истинный сын Грозного, родившийся в 1581 г. и мнимо убитый десяти лет, в 1591 г., в Угличе.

Вторая из подлинных серебряных медалей Гос. Исторического Музея изображает «непобедимого цезаря» в профиль, без венца, в богатой парчевой одежде. Платье с поднятым воротником покрыто богатым шитьем, спереди оно застегнуто на шесть застёжек; на плечи накинут подбитый мехом плащ, застегнутый на шее, из-под плаща видна часть рукава, тоже покрытая шитьем, и обшлаг с разрезом; в правой руке скипетр, похожий на польскую полковничью булаву. На медали следующая надпись: «Дмитрий Иванович, божиею милостью царь и великий князь всея России и всех татарских коро-

Рис. 3. Серебряная медаль с профильным изображением Лжедмитрия I: слева—лицевая сторона, справа—оборотная сторона (Государственный Исторический Музей)

левств и иных многих государств московской монархии подслеглых господарь, король и обладатель и цесарь России и самодержец»¹⁹.

За подлинность медалей говорят: 1) надпись, соответствующая титулу, употреблявшемуся Лжедмитрием I в его грамотах, 2) сходство рисунка орла с рисунком орла на печати Лжедмитрия от 25 мая 1604 г., приложенной к известной записи, данной Мнишку, о предоставлении ему миллиона золотых, Северской земли и т. д.²⁰. Полонизмы, имеющиеся в этой надписи, определенно указывают на место изготовления медалей; об этом говорит также и западный характер изображения: в Московском государстве такого типа медалей до XVIII в. не существовало. Подлинные медали — документы своего времени — очень немногочисленны; очевидно, они уничтожались немедленно следом за ликвидацией самого самозванца и народной рас-

¹⁹ Карзинкин, Медали Лжедмитрия I, стр. 31. табл. II, № 4.

²⁰ Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. II, стр. 159—162.

правой с его польскими приспешниками: такая медаль, найденная у русских сторонников Лжедмитрия, могла им стоить жизни²¹.

В связи с портретами и портретными медалями, пущенными в оборот в целях агитации за «царевича», представляют также интерес печати Лжедмитрия, относящиеся к периоду подготовки интервенции. Государственный Исторический Музей имеет чрезвычайно ценный документ, относящийся к этому периоду.

Как известно, еще в Польше Лжедмитрий заказывает себе штамп для печатей, изменяя в сторону большей пышности московский герб двуглавого орла. Кроме двух маленьких корон на главках орла, совершенно таких же, как на печати Ивана Грозного, штамп Лжедмитрия имеет третью, большую, королевскую корону, помещенную над двумя маленькими; эта корона соответствовала титулу «император», который присвоил себе Лжедмитрий. Как указывает исследователь медалей и печатей Лжедмитрия А. А. Карзинкин, на печати, поставленной на грамоте 25 мая 1604 г., имеется следующая надпись: «Дмитрий Иванович божью милостью царевич московский». Шрифт надписи — переходный от устава к гражданскому, не употреблявшийся в то время в Москве; двуглавый орел, изображенный на печати, по рисунку сходен с орлом Римской империи, т. е. так же, как и тот, представлен парящим с расширенными крыльями и хвостом. На груди орла щит с Московским гербом — Георгия победоносца, поражающего копьем дракона. В целом эта печать впервые среди сохранившихся грамот Лжедмитрия I встречается на упомянутой выше «записи» от 25 мая 1604 г., данной в Самборе. К 1604 г. относится такая же печать на документе из собрания Государственного Исторического Музея на расписке Лжедмитрия, данной им 21 августа 1604 г. Юрию Мнишку в получении переданных от короля Сигизмунда III четырех тысяч злотых. Этот документ не был известен автору статьи о медалях Лжедмитрия I, который считал, что от 1604 г. осталась только одна печать (на «записи» 25 мая 1604 г.).

Расписка Лжедмитрия на польском языке, сохранившаяся в отделе рукописных источников Государственного Исторического Музея, представляет документ большого интереса. Это пожелтевший от времени листочек бумаги типа «верже», без всяких водяных знаков, размером 15 × 16,5 см, имеющий в верхней половине текст следующего содержания: «Дмитрий Иванович царевич Великой Руси, Угличский, Дмитровский, Гродецкий и других, князь, государств русских московской монархии подлеглых, государь и обладатель. Сим подтверждаю, что от ясновельможного пана Юрия Мнишка из великих Кончиц воеводы Сандомирского старосты Львовского, Самборского, по соизволению короля его милости взял на свои собственные нужды четыре тысячи злотых польских, на что я даю эту записку с подписью собственной руки и приложением собственной печати. Дан в Самборе дня 21 месяца августа, году божьего тысяча шестьсот четвертого».

Текст написан мелко, привычной к письму рукой, очень четкой; составляет десять строчек; чернила черные. Под текстом слева

²¹ Эти подлинные медали не следует смешивать с большим количеством новоделок XVIII и XIX вв., созданных в удовлетворение спроса многочисленных коллекционеров и антикваров. Они выполнены менее художественно, с различными отступлениями и даже со съехавшими штампами. В коллекции Гос. Исторического Музея их около 20. В титуле этих медалей встречается термин, не употреблявшийся в XVII в.: „Российский“ и „владелец“. Карзинкин, „Медали Лжедмитрия I“, стр. 9.

имеется собственноручная подпись Лжедмитрия: „Dmitr Carewycz“ крупными буквами, светлорыжевными чернилами. Сейчас же под подписью, примыкая вплотную к слову «царевич», оттиснута через бумагу сургучная печать вышеописанного типа. Она прекрасно со-

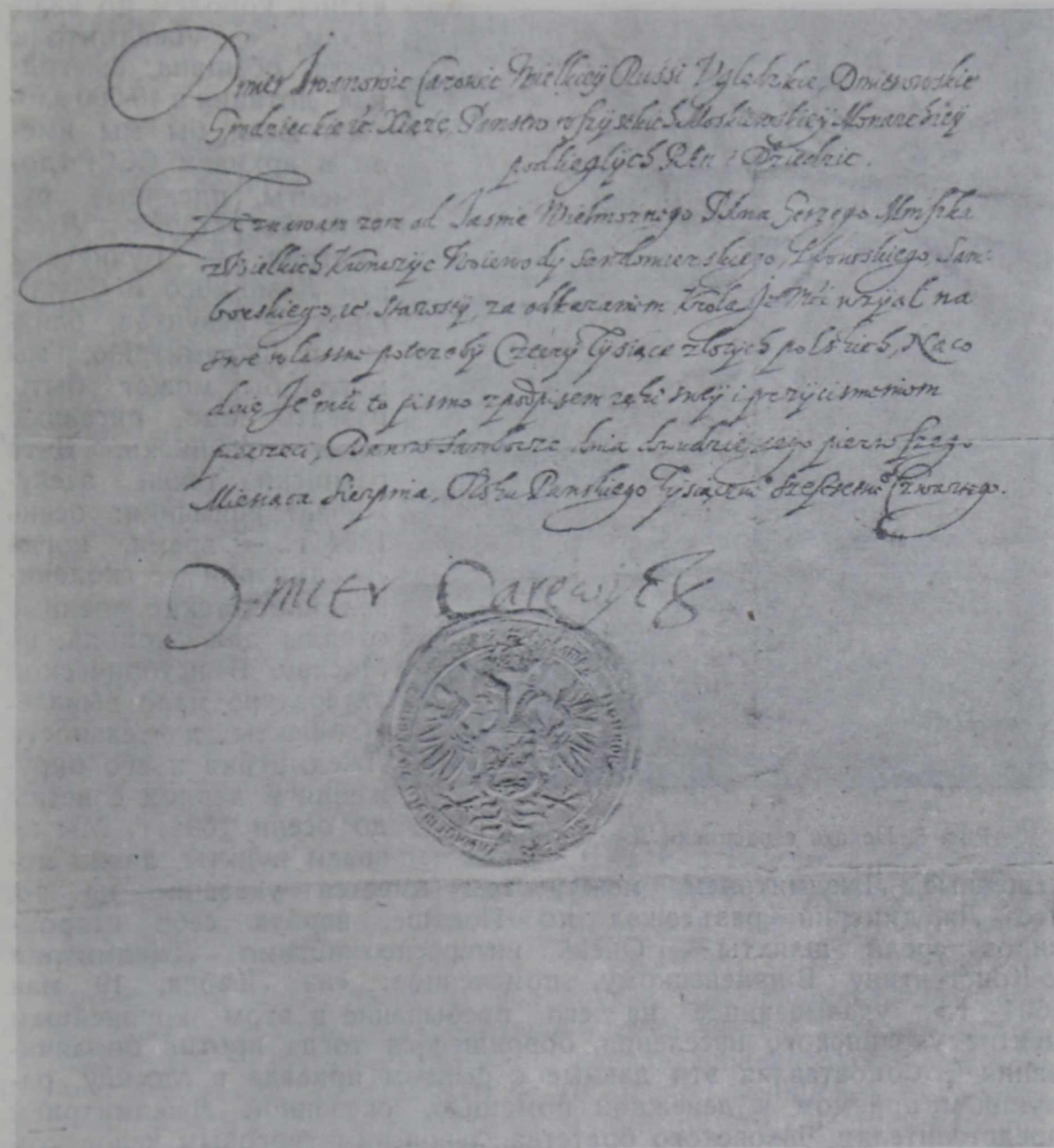

Рис. 4. Расписка Лжедмитрия I в получении четырех тысяч злотых (Государственный Исторический Музей)

хранилась, и ее полное тождество с печатью на грамоте 25 мая 1604 г. ясно различимо. В одном месте печати бумага треснула, и виден сургуч.

Расписка Лжедмитрия — чрезвычайно ценный документ для разоблачения его как польского ставленника; имея собственноручную подпись Лжедмитрия, она ярко демонстрирует личное участие короля Сигизмунда III в подготовке интервенции. Переданные 4000 злотых —

это уступка Лжедмитрию личных доходов короля с Самборского староста.

Сохранившаяся в отделе рукописных источников Гос. Исторического Музея расписка Лжедмитрия, несомненно, — одна из многих,

поскольку доходы получались королем по кварталам, а Лжедмитрию была обещана ежегодная дотация в 40 000 злотых. Если бы мы имели в архивах СССР документы, писанные рукой секретарей Лжедмитрия — Бучинских или Лавицкого и Савицкого, — иезуитов, близких к Лжедмитрию, мы могли бы, может быть, назвать лицо, писавшее текст расписки. Дата расписки также заслуживает внимания: осень 1604 г. — время, когда Лжедмитрий сколачивал шляхетские военные отряды для похода на Москву. В исторической литературе мало выявлены факты деятельности Лжедмитрия и его окружения в период с весны до осени 1604 г. Мы не знаем пункты, лично по-

Рис. 5. Печать с расписки Лжедмитрия I

сещенные Лжедмитрием, между тем имеется указание на то, что Лжедмитрий разъезжал по Польше, вербуя себе сторонников среди шляхты²². Очень интересно письмо Лжедмитрия к Константину Вишневецкому, помеченное: «из Львова, 19 мая 1604 г.», указывающее на его пребывание в этом крупнейшем центре украинского населения, боровшегося тогда против ополячивания²³. Сопоставляя эти данные с фактом приезда в Москву, радужным приемом и денежной помощью, оказанной Лжедмитрием представителям Львовского братства, львовским торговым человеком Иваном Демидовым во главе, можно предположить, что польский авантюрист учитывал все силы, полезные ему как будущему московскому владетелю, «истинному царевичу», что он, будучи во Львове, связался с Успенским братством — самым мощным и авторитетным по всей Украине²⁴.

Объединяя охарактеризованные выше портреты, медали и печать Лжедмитрия I в единый комплекс, мы получаем очень вырази-

²² Чилли, журн. „Маяк“ 1841 г., № 18, стр. 23.

²³ „Старина и новизна“, кн. 14, стр. 416. М. 1911 г.

²⁴ Собр. Гос. Грамот и Договоров, II, № 130.

тельный материал для доказательства того, что польским панством были предоставлены Лжедмитрию все средства к наилучшей агитации за него как истинного царевича, долженствовавшего проложить верные пути для польской интервенции в России.

II. Картины Государственного Исторического Музея цикла «Марина Мнишек» в свете наших представлений о польской интервенции начала XVII в.

В собрании Государственного Исторического Музея находятся пять картин, непосредственно связанных с событиями первой польской интервенции и являющихся, несомненно, социальным заказом польского панства. Эти картины следующие: парадные портреты Лжедмитрия и Марины и большие полотна — масло: обручение Марины Мнишек в Кракове 12 ноября 1605 г. (155 × 230), въезд Марины в Москву 3 мая 1606 г. (155 × 230) и коронование ее в Кремле 8 мая 1606 г. (170 × 375). Картины изданы Д. А. Ровинским в «Материалах для русской иконографии», с раскрытием сюжетики картин²⁵. Основные высказывания Ровинского следующие: он считает эти картины современными событиями и написанными неизвестным польским художником, «довольно плохой доморощенной работы». Ровинский считает, что портреты Самозванца и Марины — той же кисти, что и картины, причем отмечает непосредственную их связь между собою, выражающуюся в том, что на портрете Марины, на заднем плане повторена в миниатюре сцена коронования, составляющая часть композиции второй картины — «Въезд Марины». Это позволяет Ровинскому назвать все пять произведений одной «сюитой». Однако в другом месте Ровинский связывает одну из картин этой серии — «Коронование в Кремле» — с совершенно другого типа произведением — небольшой, написанной на доске картиной «Прием польских послов Лжедмитрием I», о которой речь будет ниже.

Все пять картин были переданы в 1876 г. в Исторический Музей (находившийся тогда еще в стадии организации) Александром III, в бытность его наследником, получившим их как дар от владельца Вишневецкого замка Толли.

Кроме этой серии, известна еще другая, состоящая из трех картин на те же сюжеты и представляющая собой копию художника второй половины XVIII в. Котерского с картин Вишневецкого замка²⁶. Подпись Котерского с указанием на то, что он копировал их с картин Вишневецкого замка, имеется на оборотной стороне трех картин. Однако картины Котерского, находящиеся в Оружейной палате с 1854 г. и тоже воспроизведенные Ровинским в его «Материалах» для русской иконографии, совершенно несходны с картинами Государственного Исторического Музея, а являются однородными только по сюжету.

Если присоединить к этим восьми картинам два портрета Лжедмитрия и один Марины, находящиеся в Киеве, аналогичные находящимся в Государственном Историческом Музее, но много интереснее

²⁵ Т. IV, стр. 124—130.

²⁶ Оригиналы этих картин не выяснены.

их по живописи²⁷, то одно обилие этих произведений, долженствовавших зафиксировать славу Мнишков и их окружения, показывает, какое значение придавалось в Польше первой интервенции. Все это — несмотря на жалкую судьбу «царицы московской» Марины, которая после авантюры с Лжедмитрием и Заруцким кончила свою жизнь в тюрьме, презираемая и ненавидимая русским народом.

Обратимся к рассмотрению содержания трех картин этой серии, находящихся в Государственном Историческом Музее. В целом все

Рис. 6. Картина „Обручение Марины Мнишек в Кракове“ (Государственный Исторический Музей)

три картины разоблачают действующих лиц и виновников интервенции, а также и тех из боярской верхушки, которые в своих личных интересах способствовали утверждению польского ставленника на русском престоле. Первая картина, «Обручение Марины», показывает ланско-католическую Польшу в момент подготовки второго акта наступления на Московское государство. В центре композиции — кардинал Мациевский, доверенное лицо короля Сигизмунда III и папы римского, друг главы иезуитов в Польше — Петра Скарги, двоюродный брат Юрия Мнишка. Он обращается с речью к жениху — Лжедмитрию I, представленному здесь особо думного дьяка Афанасия Власьева, в которой ясно намекает на роль Польши в деле продвижения Лжедмитрия. «Не место здесь говорить, какие милости и какую помощь получил царь от его величества...» (т. е. Сигизмунда III)²⁸.

²⁷ Принадлежат Центральному историческому музею в Киеве и музею Русского искусства, там же.

²⁸ Пирлинг, „Дмитрий Самозванец“, М. 1912 г., стр. 303.

За кардиналом сплошной стеной стоят князья католической церкви: прелаты, «бискупы», ксендзы, монахи; несомненно, здесь среди них Клавдий Рангони, папский нунций, основная фигура всей интриги, Петр Скарга, закулисный вдохновитель польско-католической агрессии, его сподвижник «отец» Лавицкий, иезуит при Лжедмитрии, посланный им в это время в Рим. На переднем плане картины вся правившая верхушка панской Польши, собравшаяся тогда в Краков по случаю двух свадеб — Сигизмунда III с германской принцессой и Лжедмитрия с Мариной. Среди типичных польских фигур в длинных кафтанах, богатых епанчах и шапках с перьями должны быть вели-

Рис. 7. Картина „Въезд Марины Мнишек в Москву“ (Государственный Исторический Музей)

Коронация Марины Мнишковны, Георгия, воеводы Сандомирского и Тарловны законнорожденной дочери, истинного Дмитрия Ивановича императора московского супруги—императрицы Московской империи, через архиепископа греческого обряда в столичном городе называемом Москвою, в присутствии легата короля польского Николая Олесницкого и в предстояние родителя самой императрицы, а также должностных сенаторов и знати, достаточно пышно совершенная в год от господя 1605, как свидетельствует Гванини

кий литовский канцлер Лев Сапега, громко хваливший на свадьбе Лжедмитрия, не смущаясь тем, что в январе этого же года, на вальном сейме, он дипломатично охлаждал стремления панов к поддержке авантюры и довольно ясно выражал сомнение в подлинности царевича («настоящий царевич нашел бы иные пути возвращения себе законных прав»²⁹). В толпе изображены родственники и приятели Мнишков — все те, которые через несколько месяцев двинулись с музыкой и песнями в далекую Москву, за добычей: отец, три брата Марины, зять Константин Вишневецкий, родственники по матери — паны Тарлы и пр. Многие из них изображены, повидимому, портретно. Чувствуется, что художник, который писал их, знал хорошо двор

²⁹ Пирлинг, „Россия и папский престол“, М. 1912 г., стр. 613.

Сигизмунда и изображал приглядевшиеся ему знакомые лица. Центральные фигуры — Марина Мнишек и представитель Лжедмитрия I — думный дьяк Афанасий Власьев, изображенный рядом с Мариной, — оба спиной к зрителю: Власьев в костюме московского боярина, в богатом кафтане с воротником козырем и в шапке-тафье, осыпанной драгоценными камнями. Это был дипломат высокой марки, человек бывалый, прожженный политик, знавший хорошо дворы западно-европейских монархов и не в первый раз приезжавший в Польшу. И можно думать, что анекдот, передаваемый о его реплике при обручении, свидетельствует скорее о дерзкой самоуверенности, чем о наивности отсталого москвитя ³⁰.

Вторая картина — «Въезд Марины Мнишек в Москву» — в своей левой части передает пышность свадебного поезда — карета Марины, запряженная шестеркой лошадей цугом, вокруг нее реют польские знамена, польские всадники в рыцарских доспехах на великолепных конях гарцуют вокруг экипажа. Мы знаем, что на самом деле это был отряд интервентов, насчитывавший 1960 всадников в полном боевом вооружении. Мы имеем полный поименный список польских панов и их военных отрядов в записках участника похода, Домантовского ³¹. Правая часть картины имеет как бы врезку, дающую другой сюжет: коронавание Марины. Она как бы возвещает зрителю, что въезд Марины в Москву — преддверие ее коронавания.

Третья картина — «Коронавание Марины в Москве» — является концовкой иконографического раскрытия интервенции. Это — кульминационный пункт и в то же время — начало катастрофы: всего девять дней отделяют торжество, изображенное на этой картине, от катастрофы 17 мая, которая смела всех участников авантюры. Картина интересна также как изображение смыкания части русской крепостнической верхушки с польскими интервентами. Правда, картина фиксирует последние дни этого союза. Польский ставленник оказался не по вкусу боярству: в своей напористости дерзкого авантюриста он мало считался с традициями и интересами боярской аристократии и вызвал тайное сетование последней перед Сигизмундом на неподходящего кандидата ³². Во всяком случае боярство, изображенное в роли участников торжества венчания Марины — в чинном, парадном шествии с Красного крыльца в Успенский собор — в лице знатнейших своих представителей — Шуйских, Мстиславских, Голицыных — уже готовило смерть Самозванцу и состоялось в заговоре.

Картина «Коронавание Марины» может быть комментирована в своем историческом содержании с достаточной полнотой. Сохранились русские и польские источники, говорящие об этой церемонии. Из русских мы имеем «Отрывок брачного обряда при Лжедмитриевой свадьбе с Мариною Сендомирскою, происходившей 1606 г. в мае» ³³ и «Розряд свадьбе, как женился Растрига на Маринке, который назвался царевичем Дмитрием» ³⁴. Первый источник представ-

³⁰ Костомаров, Собр. соч., кн. 2, стр. 163. Спб. 1906 г.

³¹ Al. Hirschberg „Polska a Moskwa“, стр. 23, 1901 г. и в записках Бера (Буссова). Устрялов, т. I, 54.

³² Соловьев, „История России с древнейших времен“, т. VIII, стр. 783. Во время посольства Ив. Безобразова в Польше осенью 1605 г. См. Записки Жолковского, 10.

³³ Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. II, 289.

³⁴ Древняя российская вивлиофика, ч. IV, 1896 г., стр. 101.

ляет собой детальный распорядок придворно-религиозных церемоний, которые должны были быть в строго определенном порядке выполнены, вплоть до той речи, которую должен был говорить боярин Вас. Ив. Шуйский Марине после обручения в столовой палате.

Приводим ту часть документа, которая целиком относится к левой стороне картины—шествие из дворца в Успенский собор.

„А вести государя под правую руку Воеводе Сандомирскому, а государыню вести под левую руку Мстиславской княгине... А перед государем итти стольникам и стряпчим, да воеводиным приятелем и послам, а за ними поезд, а за поездом нести скипетр князю Василию Васильевичу Голицыну, яблоко нести Петру Федоровичу Басманову, а достальным боярам и думным людям и дворянам и приказным людям и приятелям воеводиным итти за государем. А протопоп Федор в патрахили идет ко Пречистой перед государем и перед государыней, кропит. А на крыльце для береженья быть головам стрелецким двум человекам, а по пути устанавливати народы. По праву от Грановитые полаты головы два человека, а с ними 10 человек сотников, да 100 стрельцов; а по леву от судных полат головы два человека, а с ними 10 человек сотников да 100 человек стрельцов, а рыцарем и дробантам со своими капитаны стоять по чину по обе стороны, да с ними стрельцы Посников приказ Огарева“.

В этом документе интересны указания на состав военных отрядов почетной стражи во время церемонии, указание на стрелецкого голову Посника Огарева и расположение зданий: по правую сторону (очевидно, стоя лицом к дворцу) Грановитая палата, по левую — судные палаты.

Другой источник — «Розряд свадьбе» — является, по существу, росписью лиц боярско-дворянской верхушки, выполнявших то или иное назначение в свадебно-бытовом обряде.

„А венчал его в Пречистой соборной церкви патриарх Игнатий, а в отцово место был боярин князь Федор Иван. Мстиславский, а в Маринино место была боярыня княж Федорова княгиня Ивановича Мстиславского Прасковья Ивановна, тысяцкого боярин князь Василий Иванович Шуйский... А дружки княжие были бояре князь Дмитр. Ив. Шуйский да Григорий Федор. Нагой... А свахи были... а рынды были на свадьбе в белом платье князь Юрий Никитич Трубецкой, да князь Иван, да князь Андрей Володимировичи Кольцовы-Масальские, да князь Юрья Юрьевич Мещерской. А с мечом стоял князь Михайло Вас. Шуйской Скопин. Да на свадьбе были польского и литовского короля Жигмонта послы Микулай Алесницкий да Александр Гонсевский с дары“ и т. д.

«Розряд свадьбе» фиксирует действительно происходившие церемонии и действительных участников ее, в то время как первый — предположительный порядок. Из «Розряда свадьбе» видим, что главные заговорщики против Лжедмитрия выполняли первые роли: князь Фед. Ив. Мстиславский, кн. Вас. Ив. Шуйский, кн. М. В. Скопин-Шуйский, князь Юрий Никитич Трубецкой³⁵.

Приведенные отрывки ориентируют в понимании композиции картины, но развертывание сюжета шло, конечно, не по русским источникам, а по польским. Художник, писавший в Польше, по заказу польских панов, имел все возможности получить описания событий, имевшиеся на руках у участников интервенции. Картина написана по тексту дневника польских послов и дневника Марины Мнишек. «18 мая (н. с.) царица была коронована»... «через полчаса отправился (в церковь) и царь с супругою: впереди шли до полтора ста дворян в парчевой одежде, вслед за ними — родственники с бердышами, четыре господина, которые обыкновенно стоят при царе, и один пан с мечом. Тут несли другую корону, крест и скипетр. Царь

³⁵ Последние два, как доверенные лица Шуйского, были отправлены им против Болотникова через два месяца после восстания 17 мая 1606 г.

шел с короною на голове в драгоценной одежде. Под правую руку вел его посол пан Малагосский, а под левую князь Мстиславской. За ними шла царица в русской бархатной одежде вишневого цвета, усыпанной жемчугом и драгоценными камнями. Под правую руку пан воевода отец, а под левую княгиня Мстиславская. За нею шли паны родственники и шесть русских боярынь»³⁶.

Польская трактовка картины сказалась в целом ряде поправок, угодных полякам; например, Марина одета в западноевропейское платье французской моды, усвоенной женской половиной шляхетской Польши (мужчины носили национальный костюм), в то время как известно, что бояре добились, чтобы она венчалась в одежде

Рис. 8. Картина „Венчание Марины Мнишек“ (Государственный Исторический Музей)

русского покроя. Марину ведет воевода Мнишек и, судя по одежде, одна из приехавших с ней придворных магнатов, — вероятно, пани Сохачевская, а не боярыня-княгиня Мстиславская, как сказано в «Розряде». Там, где русские записи не расходятся с польскими источниками, они оставлены художником в силе. Лжедмитрия ведут польский посол Олесницкий и боярин князь Ф. И. Мстиславский. Перед ними — мечник Скопин-Шуйский, рынды Трубецкой, Кольцовы-Мосальские и кн. Мещерский, впереди — двадцать дворян («стольники и стряпчие»), по бокам шествия — по 100 стрельцов приказа Огарева Посника и наемные иностранные войска в латах и шлемах с развевающимися знаменами, под начальством трех капитанов: Маржерета, Кнутсена и Лантона.

Об этом войске Исаак Масса сообщает: „Познакомившись с москвитянами и их обычаями, он стал осторожнее и удвоил стражу во дворце. Из немцев и лифляндцев (Лжедмитрий) выбрал 300 человек самых рослых и храбрых и учредил отряд алебардчиков, состоявший из 200 человек, и отряд конных стрелков из 100 человек. Во время выходов Дмитрия они постоянно шли впереди и сзади него. Приказывая им роскошно одеваться, он давал им большое жалованье и поручал им выс-

³⁶ Дневник М. Мнишек. Устрялов, „Сказания современников о Дмитрии Самозванце“, 1834 г., т. IV, стр. 44.

шие должности. Он приказал также одеть их в немецкое платье. Над конными стрелками, между которыми было много шведских и лифляндских дворян, назначили начальником капитана Иакова Маржерета, бывшего прежде начальником немецкого отряда. Конные стрелки носили очень роскошную одежду из бархата и золотой парчи, дорогие плащи и золоченые протазаны с древками, покрытыми красным бархатом и увитые серебряной проволокою. Каждая сотня алебардщиков имела своего капитана. Один из них был шотландец, по имени Альбрехт Лантон. Другой капитан был Матвей Кнутсен, родом из Дании, поступивший на царскую службу во время царствования Бориса, после смерти герцога Иоанна. Эти три капитана, вместе с их лейтенантами, были пожалованы деревнями и землями и сверх того получали ежегодно большое жалованье³⁷.

Костюмы польской части персонажей этой картины чрезвычайно характерны для первой половины XVII в. Старинная одежда мужчин не затронута западной модой: длинные кафтаны, широкие плащи, часто украшенные тяжелыми меховыми воротниками, пышные шапки с султанами. Таков костюм Льва Сапеги на портрете, изображающем его в пожилые годы. Таков костюм Христофора Радзивилла (р. 1585, ум. 1640 г.): кафтан с пуговицами по середине, верхний плащ с застежкой, головной убор с пером сбоку — весь этот облик чрезвычайно близок к тому, как изображены Мнишек, Олесницкий и Гонсевский на картине «Коронование Марины». Женские одежды гораздо разнообразнее, соответственно менявшейся западноевропейской моде. Так, круглый кружевной стоячий воротник, как у Марины на гравюре 1606 г., мы видим на портрете Александры Корибутовны, княгини Вишневецкой, умершей в 1581 г. Костюм Марины в шестивии чрезвычайно схож с костюмом Катерины Радзивилл, умершей молодой женщиной в 1614 г.³⁸

Архитектурное окружение шествия показывает, что художник имел очень слабое представление о тех зданиях, которые ему нужно было изобразить. Художник не был в Москве и не имел рисунка зданий, упоминаемых в описаниях «венчания»: Грановитой палаты, Красного крыльца, Успенского собора. Шествие выходит не с Красного крыльца, а из каких-то ворот, напоминающих скорее проездные ворота кремлевских башен. Зрителю показан справа великолепный дворец итальянского типа с аркатурой нижнего этажа. Известно, что в период образования национального государства Иван III и Василий III возвели ряд гражданских зданий в Кремле, пригласив крупных итальянских художников. Это были: Грановитая палата, Золотая палата, «Казна», набережные палаты и жилые покои северной части дворцового комплекса. Мы имеем некоторое представление о расположении и внешнем виде этих зданий в интересующую нас эпоху на плане Москвы так называемом «Петровском», датированном 1597 г.³⁹ Судя по рисункам, изображенным на плане, можно думать, что дворец, мимо которого движется шествие, есть Золотая палата, только она дана фасадом, выходящим во внутренний двор, а не на соборную площадь. На плане 1597 г. ясно видны пять арок этого дворца, своим обликом напоминавшего дворцы Италии того времени, в частности, дворец дождей в Венеции. Но шествие фактически не могло двигаться мимо Золотой палаты, а, выйдя с Красного крыльца, имело это здание позади себя.

Еще менее правдоподобно изображение церковных зданий: если столп Ивана Великого можно хотя приблизительно узнать на карти-

³⁷ Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Спб., 1874 г., стр. 16.

³⁸ *Icones Familiae ducalis Radivillanae*, Спб., 1875 г.

³⁹ Датировка установлена М. И. Александровским в его докладе в 1937 г. в ГИМ

не, то купол собора напоминает скорее купол св. Марка или флорентийский, но никак не московский.

Правая часть картины, изображающая венчание Марины, вся построена из расчета прославления рода Мнишек. В центре — «лжепатриарх» грек Игнатий, назначенный Лжедмитрием на место с позором изгнанного Иова, одного из главных разоблачителей Лжедмитрия и автора «анафемы» на него. Игнатий возлагает венец на голову Марины, стоящей рядом с Лжедмитрием; справа — послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский и воевода Мнишек, слева два боярина и духовное лицо. Согласно «Розряду свадьбы», можно считать, что из бояр здесь изображены Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский; а фигура с крестом — протопоп Федор; на переднем плане — «приятели воеводины», как их называют русские документы: паны и панны, съехавшиеся на торжество, обещавшее им почет и богатую добычу в Москве. Это — Тарло, Сохачевская, Казановская, Гербуртовы и др., известные по перечислению свиты Марины. Здесь должен быть Константин Вишневецкий (вывезший из своего шляхетского гнезда на большой свет Лжедмитрия), секретари Лжедмитрия Бучинские, учителя Марины Стадницкие и др.

Но паны просчитались, и вместо удачи их ждал полный разгром. И все же ни расправа восставших москвичей с панским ставленником — «Трепушкой»⁴⁰, как назван Лжедмитрий в народных сказаниях, — и с сотнями поляков, ни позор бесславного возвращения домой после 1612 г., ни бранные речи на сейме по адресу Мнишков и поддержанного ими «проходимца» — ничто не смогло заставить их забыть часы успеха. Ясно, что картины были заказаны с целью возвеличить эту авантюру и показать Марину Мнишковну московской царицей и императрицей. Об этом говорят крупные надписи на латинском языке, расположенные по нижнему полю картин или на фоне портретов. Анализ надписей показывает, что во всех пяти случаях употребляется титул императора, который с первых дней воцарения присвоил себе Лжедмитрий: на портрете Лжедмитрий именуется императором, Марина — супругою императора московского; в картине «Обручение в Кракове» сказано: «с императором московским, представленным в лице Афанасия Власьева»; «Въезд в Москву» — «законная жена Дмитрия Ивановича, императора московского». В каждой надписи чрезвычайно подробно излагается событие и именуется главные персонажи. Любопытно, что даже портрет Олесницкого, находившийся в том же замке Вишневецких⁴¹ и относящийся, повидимому, к тем же годам, имеет надпись с той же направленностью в сторону прославления интервенции: «Николай Олесницкий, каштелян Малагосский, великий посол от короля и республики на свадьбу, некогда отпразднованную в Москве, Дмитрия, царя московского, с Марианной Мнишковной, воеводшею Сандомирскою, в 1605 г.».

Одна подробность, встречающаяся в двух случаях в этой серии надписей, ведет историка к чрезвычайно интересному наблюдению, а именно: надпись на картине «Въезд Марины в Москву» заканчивается словами: «Prout Gvagninius testatue», т. е.: как Гванини свидетельствует», а надпись на портрете Олесницкого кончается так: «de 2 v. Gvagninius» (из второго тома Гванини). Александр Гванини (1538—

⁴⁰ Песни, собранные П. В. Киреевским, М., 1868 г., вып. 7-й, стр. 3.

⁴¹ Воспроизведен в журнале „Старые годы“ за 1912 г., февраль—март.

od złota: y na nogách v koniá zloco sie iwiecilo: bo pod obtemá Kolány / byly ze zloca / iakoby manelle kowane. Te / y inſe koſtrowne tam v pomínki / eak Oycoroi / iakoy Carowey przyſley oddawano.

¶ Gdy do miáſta przyjezdziáli / zarázem w piecdziesiat bebndro vderſono / w ktore bezprzeſtánku Moskaltowie bili: takiez teſz wiele trab / y balamatoro bylo rozmáitich. Złote dziegi / y waſne portugaly troiákic po ludziach iniotano / aby ſie nie ciſneli.

¶ Gdy do Aktu przyſlo / weſele z takim doſtákiem bylo / ktore ieſlibyſmy mieli opiszowác / musielibyſmy druga kronike o nim ſládác. Osm dni ſpelná goduiacych bylo: ale kiedy práwie nalepſza dobra myſl bydz miáta / nagle ſie dziwiotego dnia w ſroga trwoſge / y trwáwy láment žalofnie jdrocila: Po-

Gody 1702
ſiewſkie Di-
mitra z Caros
wa.

wſtáli zdraycy ná Dimitra táiemnie / aby go záhili / vradziwoſty: czego gby zdchyera zdrádziecka przywaga / nocy iedney dokazáli / rwicili ſie do roſnych goſpod ná Polaki / ktorzy niczego ſie nie ſpodziwáiac / beſpiecznie ſobie ſpali. gdzie ty goſpody odlegle od ſiebie mieli / co im práwie nie na reke bylo. A ſeby ſie lotroſtwa tym wiecey zbiegálo / elutli we wſykie dzwony / iakó na taki gwalt / áſ ſie pod niebem rozlegálo / vdarwáiac ie gore: a w tumulcie ogym tak omylnym / kto ſie miał czego ſpodziernác: Wtadeo / tego foreclu ſtuſinie zúſyli / ſe zarázem ná wſykie goſpody Polſkie / zdraycy vderzyli / aby ſie nie poſtrzegli / porwác ſie do broní / albo koni co przedſey depadác / ſeby ſie ich okrucieſtwa / y zdrádzic tak wielkiey iakokolwiek odiać mogli. Wſykie zgoła chyroſć ſwa / y przywroene ſiutli (co im ieſt przyrodzona) ná to obrociſi / aby ich we ſpiaczké poſyli: bo ino- czeſz trudnoby mieli co wſtorác. Jákoſy / w tym ſereá zto nie mieli / aby ſobie me- ſnie podczynáli. Wo ſkoro do dworu Kſiaſzečia Wiſniowieckiego przyſlo / tak ſie im meſnie z eseládzia ſwa oparli / ſe ich zarázem kltá ſec ná plácu poloſyl: a po- eym drugich Swyſki inſz zemblynych pohánowal / ſe musieli odſtopic / a o por- kolu z Kſiaſzeciem rokorwác.

Zdráda 1702
ſiewſka.

G Ale niemnicy y Scádniccy ich niemieſney ſpiánny w ſwoey goſpodzie dozná-
li: bo ſkoro obaczyli iż ſie do nich Moſkwa ſyknie / ná odpor z ſługami ſwemi
pogotowin bedac / ięſze im wrotá otworzyli. Ale zdraycy nieſmieli ná nie ná-
rzec. Tám iednáł gdzie mogli tego nieoſtrojnie ná páſc / otrucięſtwo ſwoe nieo-
ludzkie ná b ſláchetna krówa Polſka wyſkonnywali / ná ſtan / ná plec / ná lácá / wzgle-
du nie máiac.

A ięſli ſtoga waſn mieli ná inſze oſoby / dáleko wiecey ná Káplany ſtugi Boże /
gdzie ácz wſyſtich dopáſc nie mogli / ſam Xiadz Pomáſki przy oltarzu ſyrodem
ſwym te krówa oſiáre záplácił. Zginelo tam Polaków pod tyſiac czlowieká /
ińkiey Kieſki oddawna ten ſláchetny naród nie miał / choć igrzyſká Marſowe ták
częſto zwozdžili / y w ziemie nieprzyjaciól tych zdraycow wpadali: teraz gdy ná

nieſzeſne przybyli wesele / o boiu niemyſl / c / ták wielka ich liczba poległa / ácz
przyćie przyed ſoba y Moſkwy polożyli uſmáto / bo widzac że iuż im ſto o reſte /
bronili ſie niektorzy áż do upádu. Dále to bierwe ieden portá S. K. wierſem
opisuiac ták mowi :

Byl wrzask po wſyſtich Moſkw / bylo nárzekanie /
Byl plác z martulony / bylo . ak lamánie :
Chodzily bledne zony między geſte kupy /
Doznawáiac zabite meſoro ſwoich trupy .
Chodzili y meſczyzni / a tam káidy ſwego
Ználayſy raczo zchorw / áże do iednego .
A z náſzych martwe ciála do nágá złupili /
X ná b niektorymi ſie po ſmierci paſtwili .
W tey burdžie iednáł miel , wzglad ná Woierowá /
Ze mu grodzem nie náſli náiego goſpoda :

Рис. 11. Страница из Хроники А. Гванини (Краковское издание 1611 г.) с портретом Марины Мнишек

из известной краковской поздравительной брошюры Гроховского (1605 г.), о котором шла речь выше. Чрезвычайно показательным является опущение портрета примаса Мациевского — ввиду переоценки события.

Это второе издание вышло в Кракове на польском языке, в то время как первое было издано на латинском. Хроника дает здесь продолжение обзора исторических событий, совершившихся в двадцатилетний период со времени первого издания. Глава, излагающая первую польскую интервенцию (она посвящена Льву Сапеге), явно враждебна московскому правительству: в ней помещена гравюра, дающая карикатурный портрет царя Василия Ивановича Шуйского. 1610 год принес Сигизмунду удачу: 24 июня гетман Жолкевский разбил войско Дмитрия Шуйского под Клушиным, 17 июня царь Шуйский был сведен с престола и затем увезен Жолкевским в Польшу. Польша спешила опубликовать свои успехи в популярной хронике и отомстить царю Василию Шуйскому, которого считала виновником майской расправы с поляками, упорной борьбы с тушинцами и длительной защиты Смоленска.

Таким образом, в этих приписках имени Гванини к надписям под картиной и портретом мы имеем попытку заказчиков этой серии исторических картин и портретов сослаться на печатный документ о событиях, для них столь значительных⁴³. Тем интереснее для историка выяснить до конца, кем заказывались картины, когда они выполнялись и кому из художников их можно приписать.

При разрешении этих вопросов приходится уделить некоторое внимание тому магнатскому гнезду, из которого картины, находящиеся в Государственном Историческом Музее, были вывезены, — Вишневецкому замку. Известно, что два пункта связывали Лжедмитрия I с его панями-родственниками: Самбор, где жила Марина, и замок Константина Вишневецкого, откуда вывезли Лжедмитрия I в качестве «царевича» к королю в Краков. Дворец в Самборе был разукрашен со всей хвастливой расточительностью, присущей Мнишку, привыкшему жить на чужие средства. Сигизмунд III, которому Самбор принадлежал как королевское староство, никогда не приезжал в этот дворец, и, повидимому, описание картин, находившихся там, не дошло до нас⁴⁴.

Вишневец принадлежал первой линии Вишневецких — княжеской, из которой наиболее известны: Дмитрий Вишневецкий — «Байда», служивший Грозному и основавший первую, «Хортицкую» полудегендарную Сечь; Константин Вишневецкий — племянник Байды, приятель Лжедмитрия, и Михаил Серваций (1742 г.), последний из этой линии. Тот замок, в котором завязывался узел польской интервенции, был сожжен в 1672 г. турками, во время похода Мухаммеда IV на Польшу. Место этого замка отмечено сохранившимися валами и рвами. Новый замок был выстроен рядом, последним Вишневецким, Михаилом Сервацием, в 1731—1744 гг.⁴⁵ и наполнен многочисленными собраниями родовых реликвий Вишневецких и Мнишков: портретов, картин, бюстов. Заполнение замка художественными произведениями

⁴³ Любопытно, что, несмотря на ученую ссылку дата свадьбы в обоих случаях дана неверно: „1605 г.“ вместо „1606 г.“.

⁴⁴ *Slownik Geograficzny*, 1893 г. Sambor.

⁴⁵ Лукомский, „Старые годы“, 1912 г., № 3—4, также *Slownik geograficzny*, 1893 г., т. XIII, стр. 615.

продолжалось при Фр. Салезии Мнишке, получившем Вишневец в наследство.

Ряд лиц, посетивших Вишневец в XIX в., описал его портретные и художественные собрания. Первый из них, автор монографии о Вишневце и его князьях, видел Вишневец в 1860-х годах, т. е., до передачи картин в Исторический Музей⁴⁶. Он видел эти картины в огромном вестибюле, стены которого были покрыты изразцами: «По обеим сторонам передней висят большие картины, изображающие свадьбу и коронацию в Москве Самозванца с Мариною». Впрочем, трудно сказать, видел ли он картины, о которых идет речь, или же те, которые копировал Котерский. Второй очевидец — Горленко, сотрудник «Киевской старины», посетил Вишневецкий замок, когда там была назначена в сентябре 1884 г. распродажа художественных ценностей. В это время вся интересующая нас серия картин была уже в Москве. Горленко уже не застал в вестибюле картины «коронация» Марины, но в Зеркальном зале Мнишков, в центральном помещении 2-го этажа, он видел картину «Венчание Марины и Самозванца». Он пишет: «В Зеркальном зале Мнишек сохранилась еще любопытная картина, изображающая венчание Марины и Самозванца». Далее он упоминает об уродливом собрании портретов польских королей, безобразной галлерее монахов, портретах Марины, ее отца, матери и Самозванца, проживавших когда-то в Вишневце. Здесь же он добавляет: «Оригиналы этих портретов отданы г. Толли в Московский музей наследника цесаревича. Изображения, находящиеся теперь в Вишневце, суть копии, но копии, современные портретам»⁴⁷.

Это замечание Горленко можно оспаривать. Достаточно сравнить портреты Лжедмитрия и Марины из собрания Государственного Исторического Музея с аналогичными портретами, находящимися в Киеве, в Центральном Историческом музее, чтобы прийти к заключению, что по качеству живописи киевские портреты, происходящие также из Вишневецкого замка, стоят несомненно выше, причем они дают изображения персонажей в рост в то время, как московские портреты — поясные. Можно также утверждать, что круглая форма московских портретов искусственная, позднейшая — это видно хотя бы по срезу герба на портрете Лжедмитрия. Повидимому, «наследник цесаревич» получил в дар не оригиналы, а копии. Однако интерес московских портретов в том, что латинские надписи на портретах роднят эти портреты с серией описанных выше картин и тесно связывают их с Мнишками.

Последнее обстоятельное описание Вишневецкого замка было сделано Лукомскими. К данной теме относятся приводимые им репродукции портретов матери Марины — Ядвиги Мнишек, сестры Марины — Урсулы, посла Олесницкого и сообщение об исторической картине начала XVII в. «Рокош Зебржидовского», 1606 г.⁴⁸.

Таким образом, экскурс в прошлое Вишневецкого замка не разрешает вопроса, где и когда писались картины. Замок выстроен в XVIII в., а картины, по мнению известного знатока иконографического материала Ровинского, «современны событиям», т. е. XVII в. Сведения о собраниях Вишневецкого замка указывают лишь на су-

⁴⁶ «Вестник Западной России», 1868 г., кн. 6 и 7, ст. Длугопольского.

⁴⁷ «Киевская старина», 1884, октябрь.

⁴⁸ «Старые годы», 1912 г., №№ 2—3. Картина находится в Киевском Центральном историческом музее.

ществование нескольких серий односюжетных картин. Для выяснения вопроса, кем были написаны картины, охарактеризованные на этих страницах, необходимо сопоставить их с несколькими картинами исторической живописи, относящимися ко времени второй польской интервенции начала XVII века и созданными в Польше; таковы «Сигизмунд III под Смоленском» и «Представление Шуйского на сейме 1611 г.». Обе картины дошли до нас в гравюрах, причем первая из них — в автогравюре художника Долабелла, кисти которого принадлежали оригиналы — большие полотна — масло, а вторая — в гравюре Маковского, польского гравера XVII в. Фома Долабелла (1570—1650), родом венецианец, был придворным живописцем Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. Он начал работать в Польше с 1595 г. и там окончил жизнь в 1650 г. Таким образом, его работа всецело обслуживала польское панство. Женатый на польке, дочери владельца друкарни в Кракове, он и по своим связям должен был близко войти в жизнь польского общества⁴⁹. Долабелла оставил большое количество портретов, религиозной живописи в церквях, а также писал исторические картины; многие из его произведений погибли. Сигизмунд III, тщеславный, стремившийся делать большую политику и любивший пышные инсценировки для самовозвеличения, приказывал фиксировать на больших полотнах свои политические успехи. Что это делалось стремительно, непосредственно вслед за ходом событий, показывает следующий факт: на гравюре «Сигизмунд III под Смоленском» имеется подпись: «To Dolabella pictor S. K. M. figuravit, sculpsit ed excudit Cracowia 1611»⁵⁰. Как известно, Смоленск был взят Сигизмундом в июне 1611 г., следовательно, изображение этого события было выполнено в том же году — картина (масло) и с нее гравюра.

Картина «Представление Шуйского на сейме 1611 г.» была одной из первых картин, украсивших новый дворец Сигизмунда в Варшаве⁵¹.

Если сравнить трактовку исторического сюжета, расположение фигур в этой второй картине Долабелла и в интересующей нас сюжете, то можно найти наибольшую близость с манерой Долабелла в картине «Обручение Марины в Кракове». Мы видим ту же плоскостность композиции, линейность в расположении групп людей, прием многоголовия, такое же помещение большой объяснительной надписи на картине. Это наводит на мысль об участии Долабелла в создании этих полотен. Пусть это будет не непосредственное их создание, а связано со школой Долабелла; или, может быть, это — копии с близких нашим картин Долабелла, погибших, как многие другие⁵². Долабелла был в Польше признанным мастером исторической живописи и вообще единственным крупным художником первой половины XVII века. Польский историк искусства Феликс Копера высказывает предположение, что картины на интересующую нас тему были выполнены Фомой Долабелла. «Картины Долабелла, представляющие современные исторические происшествия, производили впечатление

⁴⁹ Словарь Thime-Becker, IX, 382. В словаре Edward Rastawiecki „Słownik Malarski Polskich“, т. I, стр. 145, 1850 г., Долабелла отнесен к польским художникам.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Цветаев, „Царь Василий Шуйский и место погребения его в Польше“, 1912 г., т. II, Прилож., кн. I, стр. 75.

⁵² А. Л. Вейнберг высказано предположение, что мы имеем в данном случае дело с копиями, а не оригиналом, что художник не поляк, а итальянец.

и дали толчок к увековечению значительных событий, в особенности — связанных со славой отдельных родов. Так, Мнишки заказали картины «Венчание Марины», ее коронацию и портрет ее в короне». Однако Копера говорит о картинах, «находившихся в Румянцевском музее», что затемняет его высказывания.

Манера исторической живописи Долабелла в книге Ф. Копера характеризуется так: «художник главным образом акцентировал хроникальную и портретную точность. Когда он изображает внутренность зала с толпой, он успешно старается, чтобы наибольшее количество фигур было отмечено одинаковой ясностью, чтобы одна не

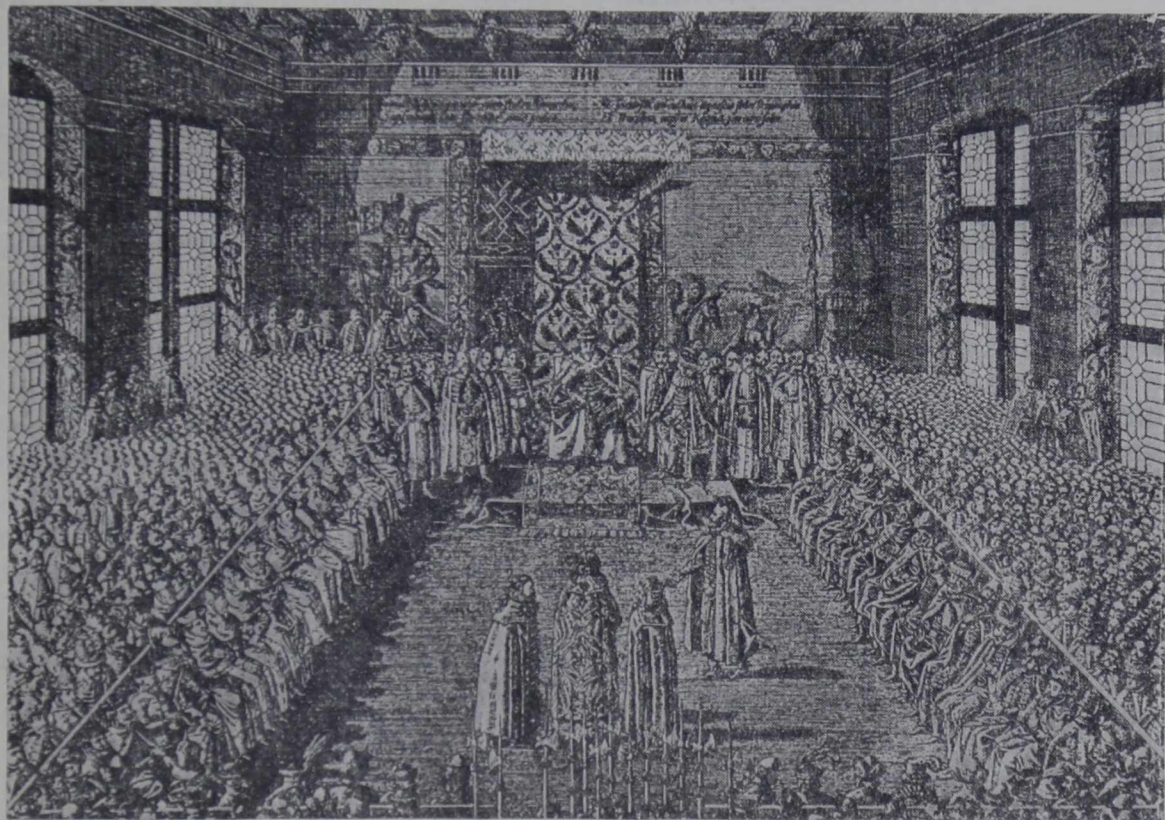

Рис. 12. Представление царя Василия Шуйского на сейме 1611 г. Гравюра Маковского XVII в. с картины Фомы Долабелла

заслоняла другую, чтобы зритель видел все детали. Ради этого обычно всю сцену включает в квадратный четырехугольник, благодаря чему происходит ряд композиционных колористических недочетов»⁵³.

Можно сказать, что картины серии Мнишков носят хроникальную точность и в некоторых случаях портретную близость. Однако полным противоречием в смысле портретности является «Венчание Марины»: художник, писавший в Польше, имел полную возможность дать основные персонажи портретно, однако нет даже отдаленного сходства в изображении Лжедмитрия, Марины, Юрия Мнишка и послов.

Также остается открытым вопрос о времени написания этих кар-

⁵³ Обе цитаты из книги Ф. Копера „Malarstwo w Polsce od XVI do XVIII v.“ 1921 г. приведены мною по тексту, любезно сообщенному проф. П. Д. Эттингером, давшим свою консультацию по вопросу атрибуции интересующей нас серии картин.

тин. Ясно, что они не могли быть сделаны, за исключением картины «Обручение Марины в Кракове», следом за событиями. Персонажи, изображенные на картинах, через 9 дней после торжества коронации были или убиты (Лжедмитрий, Басманов, часть свиты Марины), или арестованы Шуйским (Вишневецкие, Мнишки, послы Олесницкий и Гонсевский и множество панов), или бежали (Молчанов, лицо близкое Лжедмитрию, — с кем-то из поляков). Выпущенные в 1608 г. на свободу, они, несмотря на очевидную для них гибель Лжедмитрия, нашли себе подходящую марионетку в лице Тушинского вора, Лжедмитрия II, и продолжали грабить, разорять и захватывать русские земли, лишь бы «Мнишковна» вновь утвердилась московской царицей. 1611 год, когда вернулись в Польшу деятели этой бесславной авантюры, Мнишки и Вишневецкие, не был подходящим годом для изображения событий 1605—1606 гг. На сейме 1611 г. паны требовали предания суду Мнишка за утайку королевских доходов, не стесняясь, ругали, как неудачного инициатора похода на Москву, а его бывшего протеже называли проходимцем и Гришкой Отрепьевым⁵⁴. В 1612—1613 гг. героика борьбы русского народа с поляками сделала очень трудным возвращение потерянного: неудачные походы Владислава 1613 и 1619 гг. о том свидетельствуют. В 1619 г. на сейме, связанном с Деулинским перемием, сам канцлер Лев Сапега подвергся жесточайшей критике за московский поход. Лишь в 1632 г. Поляновский мир несколько ослабил напряженность отношений, а воцарение Владислава IV отодвинуло в исторические дали события предшествовавшего царствования. К этому времени — к 1630-м годам, можно думать, и относятся заказы картин на события, потерявшие остроту политического скандала и позволившие назвать их «некогда происходившими», как это сказано в надписи на портрете Олесницкого⁵⁵.

Таковы выводы, диктуемые соображениями исторического порядка. Было бы желательно, чтобы работа искусствоведа над интересующими нас картинами внесла свои поправки.

III. Картина «Прием польских послов» Лжедмитрием I, раскрывающая признание Речью Посполитой своей активной роли в интервенции.

В 1876 г. А. С. Уваров напечатал в «Древностях» статью под названием «Неизвестный русский памятник 1606 г.», в котором описал виденную им в Национальном музее Будапешта картину, считавшуюся в этом музее за «Прием венгерских послов Иваном III в 1469 г.»⁵⁶. Совершенно убедительно Уваров доказал несостоятельность данного названия картины и определил ее, как «Прием польских послов Лжедмитрием 3 (13) мая 1606 г.», приведя в своей статье описание этого

⁵⁴ Цветаев, указ. соч., т. I, стр. 58.

⁵⁵ К этому времени Долабелла был в зените славы, он уже написал множество исторических картин: „Въезд королевы Цецилии Ренаты“, „Коронавание королевы Цецилии“, „Посол короля Мирский перед папой Климентом VIII“ и др. Может быть, картины, прославлявшие Мнишкова, писались в его мастерской, его учениками?

⁵⁶ „Труды Моск. Археологич. об-ва“, 1874 г., т. IV., стр. 171—176.

приема из «Записок» Георгия Паэрле, из «Дневника Марины Мнишек» и из «Дневника послов польских»⁵⁷.

Действительно, сюжетное содержание картины настолько тесно связано с описаниями приема, настолько протокольно воспроизводит обстановку, размещение участвовавших в нем персонажей и их окружение, что никакого сомнения в названии картины быть не может.

В своей статье А. С. Уваров делает предположение, что картина писалась с натуры, что место, с которого художник изобразил прием послов, это — окно в западной части Грановитой палаты, в помещении так называемого «тайника», или, иначе, «смотрильной палатки». Статья Уварова не касается вопроса о том, кто писал эту картину, и не делает никаких исторических экскурсов в сторону оценки событий, здесь изображенных. Между тем, момент, изображенный на картине с такой исторической достоверностью, сам по себе чрезвычайно интересен. Как известно, послы короля Сигизмунда — Николай Олесницкий (каштелян Малагосский) и Александр Гонсевский — приехали в конце апреля 1606 г. на свадьбу Лжедмитрия и Марины. Это был уже второй приезд послов: в августе 1605 г. приезжал Александр Гонсевский с целью поздравления Лжедмитрия, польского ставленника, с восшествием на престол. За месяцы, протекшие с того времени, отношения между Сигизмундом и его ставленником подверглись охлаждению. С. М. Соловьев считает, что причиной этого охлаждения со стороны Сигизмунда являлось неудовольствие известной самостоятельностью в поведении Лжедмитрия со времени захвата московского престола, с одной стороны, а с другой — осведомленность о шаткости положения последнего.

Обращаясь к картине, мы увидим по жестам трех главных действующих лиц — Лжедмитрия, Олесницкого и Гонсевского, что неизвестный художник подчеркнул в картине тот момент, когда в Грановитой палате разыгрался довольно бурный инцидент. Лжедмитрий жестом руки и поворотом фигуры в сторону послов выражает отказ принять королевскую грамоту, в которой за ним не признается не только присвоенный им титул «непобедимого цезаря и императора», но даже великого князя-царя. Четвертое лицо — думный дьяк Афанасий Власьев — только что, повидимому, закончил протестующую против неправильного титула речь и получил приказание Лжедмитрия не принимать оскорбляющей его достоинство грамоты. Его разведенные в знак несогласия руки связывают его с фигурой Олесницкого, высоко поднявшего письмо, только что возвращенное ему обратно. То, что последовало за этим моментом, хорошо известно. Посол принял позу оскорбленного и просил разрешения покинуть зал, Лжедмитрий же, обращаясь к нему, разразился горячей речью в защиту своего права на цесарский титул, настаивая на отказе принять грамоту⁵⁸. Тогда Олесницкий кинул ему в лицо публично, в обстановке официального приема, те упреки, которые разоблачили истинную роль польских интервентов в деле продвижения самозванца на русский престол. Олесницкий крикнул ему: «Скоро забыли, ваше пресветлое господарское величество, что на сей престол (указав на оный рукою) вы взошли чудесным образом благодати божией, по милости

⁵⁷ Устрялов, 1859, т. I, стр. 182; т. II, стр. 179 и 208; также Соловьев, „История России“, кн II, т. VIII, гл. VI, стр. 781.

⁵⁸ Бутурлин („История Смутного времени“, 1832 г., т. I, стр. 215) ссылается на рукопись Пулавской библиотеки, излагающую текст речи.

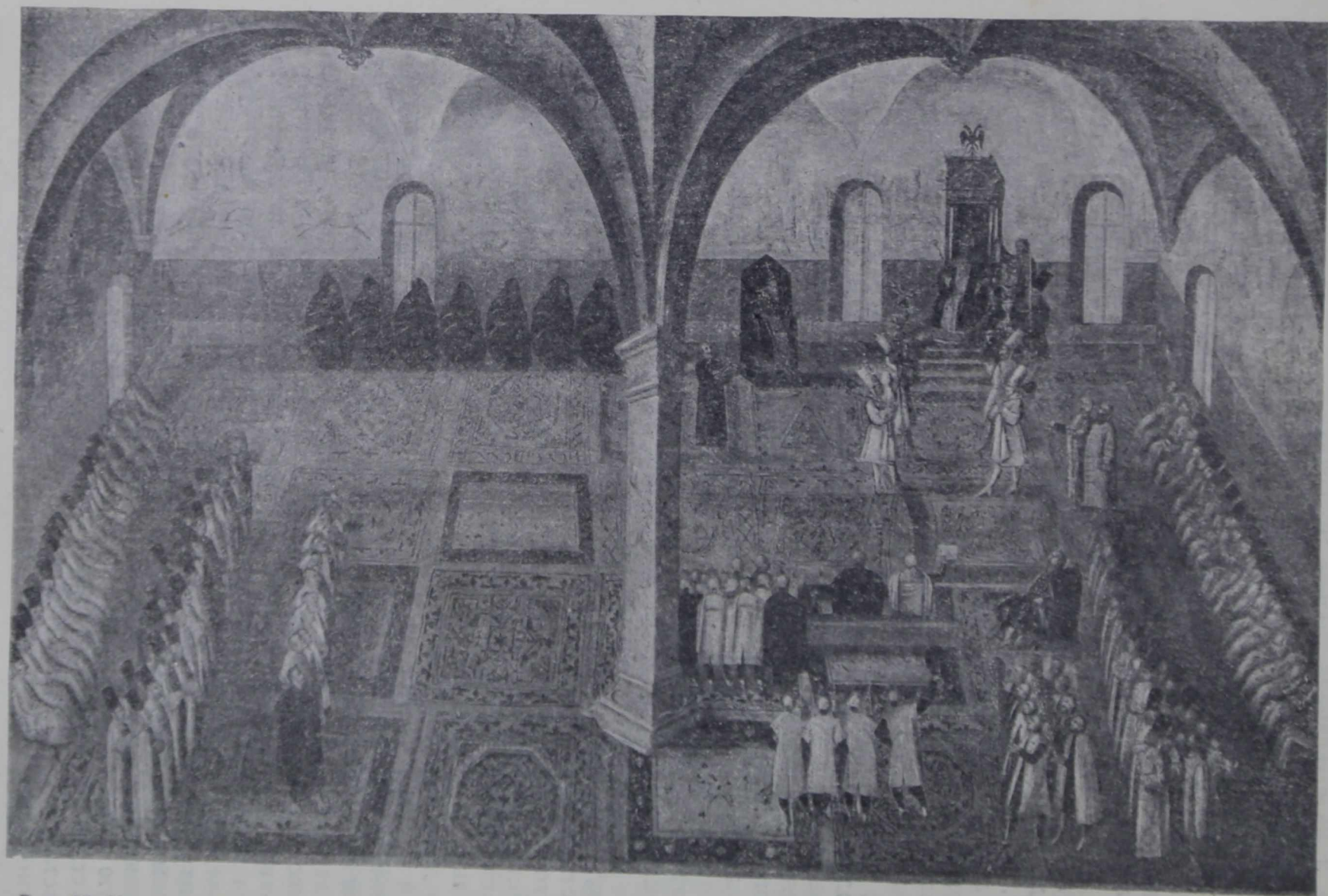

Рис. 13. Картина „Прием польских послов Лжедмитрием I“ (Государственный Исторический Музей—копия, оригинал в Будапеште)

его королевского величества, всемилостивейшего государя нашего, с помощью наших братьев поляков, проливавших кровь свою за ваше величество»⁵⁹.

Как сказано, имеется три редакции подробного описания этого приема: 1) в дневнике польских послов, 2) в дневнике Марины Мнишек и 3) в записках Георга Паэрле, голландского купца, приехавшего в марте 1606 г. по приглашению Яна Бучинского, секретаря Лжедмитрия, вместе с Андреасом Натаном и другими купцами, ко двору Лжедмитрия с ценными товарами.

Два первые мемуара почти буквально тождественны в передаче речей: очевидно, это официальные записи дипломатического характера. Третья редакция, Паэрле, представляет собой сокращенный и вольный пересказ очевидца, причем укор Олесницкого Лжедмитрию, что он забыл, кому обязан своим престолом, передан затушеваннее: «Вижу, — сказал, наконец, посол, — что ты забыл милости моего короля и преданность народа польского».

В собрании Государственного Исторического Музея имеется точная копия будапештской картины и по размеру, и по технике выполнения (масло)⁶⁰, с тем различием, однако, что оригинал написан на дереве и по левкасу, а копия сделана на холсте. Доска оригинала, как указывает видевший его Уваров, немного пострадала от трещины, но живопись красок вполне сохранилась.

Приведем описание приема 3 мая 1606 г. из дневника польских послов и сравним с содержанием картины:

„На высоком вызолоченном серебряном троне, — к нему вели четыре ступени, — сидел царь с золотою на груди цепью, со скипетром в руке, в богатой белой одежде, унизанной жемчугом и драгоценными камнями. По сторонам его стояло шестеро русских: четверо с секирами, обращенными острием кверху, пятый с обнаженным мечом, шестой с державою, которую он иногда подавал царю и принимал от него скипетр. По левую руку царя в отдалении сидели думные бояре, по правую подле трона сидел патриарх с крестом в руке. На сей же стороне находилось и прочее духовенство, только вдали; далее — русские дворяне, из коих одни сидели на скамьях, другие стояли. Послов посадили против царя, вдали от трона, почти на середине палаты, многочисленная свита стала за ними. Вся аудиенц-зала обита была разными коврами. Пан воевода Сандомирской сидел на своем месте против послов. Окольный Микюлин, став подле их высокомокий, сказал господарю: „Всепресветлейший и могущественнейший самодержец...“ и проч. В продолжение речи я пристально смотрел на царя, чтобы видеть собственными глазами, как он примет посольство. Когда пан Малагосский произнес слово „князь“, не упомянув титула цесарского, Дмитрий встал с места, поднял очи вверх и, подзвав одного сенатора, велел снять с себя корону, намереваясь сам говорить с послами. По окончании речи пан Малагосский вручил письмо Афанасию Власьеву, который тихо прочитал царю надпись и, как в ней не было ни слова о цесарском титуле, то Дмитрий дал Афанасию наставление, как должно отвечать. Власьев подошел к послам и сказал следующее“ и проч. (далее следует вышеприведенное выступление посла).

По отправлении посольства послов пригласили сесть. Григорий Иванович Микюлин прочитал список подаркам: „Божией милостью всесветлейшему и великому королю всея России Дмитрию Ивановичу от послов его королевского величества государю нашему всемилостивейшему: от пана Малагосского: большая золотая цепь на кольчугу, одиннадцать больших серебряных бокалов, по местам вызолоченных, два большие складные бокала, гнедой жеребец под попоною и т. д.“

Описание приема 3 мая 1606 г. в дневнике польских послов определяет персонажи, обстановку приема и ряд бытовых подробностей, но ни в одном из многочисленных описаний приема не указывается, что действие происходило в Грановитой палате: палата названа

⁵⁹ Устрялов, „Сказания современников о Дмитрии самозванце“, т. IV, стр. 134.

⁶⁰ Передана была из Главного архива министр. иностр. дел. Размер ее 43×68.

«большой». Оно могло происходить и в Золотой палате, но Золотая палата по отношению к Грановитой считалась «средней», а Грановитая — «большой палатой», и поэтому правильнее считать, что на картине изображена Грановитая палата. Художник передал четыре крестовых свода и центральный столб. Окна палаты представлены гораздо больших размеров, чем они были в первоначальном виде. Подлинный вид окон сохранился на примере окна восточной стороны Грановитой палаты во втором верхнем ряду. Грановитая палата еще в конце XVI в. называлась «подписною»⁶¹, стены ее были покрыты «божескою», т. е. историко-религиозной, живописью. Впоследствии Симон Ушаков, известный придворный художник царя Алексея Романова, возобновивший роспись Грановитой палаты в 1668 г., оставил описание сюжетов и порядок следования изображений. В числе композиций были: разделение вселенной между тремя мнимыми братьями Августа-цесаря; русской земли — между сыновьями Владимира; изображения Ярослава Мудрого и других князей и царей, кончая Федором Ивановичем на троне, подле которого стоял правитель Борис Годунов⁶². Последний сюжет доказывает, что роспись была произведена в царствование Федора⁶³.

В интересующей нас картине мы не найдем и следа изображения той росписи, которая подтверждается современником-очевидцем. Художник дал роспись стен чисто вымышленную: в правой части восточной, фронтальной, стены — пышное триумфальное шествие, в левой — подобие турнира на фоне крепостной стены западноевропейского замка; такова же роспись южной стены, слабо намеченная, не имеющая ничего общего с библейской.

В остальном картина близка к исторической действительности. Пол Грановитой палаты устлан, — как это было в обычае, — красным сукном, поверх которого положены 24 богатых восточных ковра. Место трона указано правильно, и общий его облик недалек от возможного. Мы не имеем аналогичного памятника начала XVII в. (или конца XVI в.), с которым могли бы сравнить. Все фигуры, расположенные в правой, центральной, части композиции, могут быть названы. Мы видим рядом с Лжедмитрием справа сына дьяка Афанасия Власьева, держащего «ширинку» — платок, и «великого мечника» — кн. М. В. Скопина-Шуйского. Четверо рынд — князь Юрий Никитич Трубецкой, два брата Кольцовы-Масальские и кн. Мещерский. Слева — патриарх Игнатий и семь фигур высшего духовенства — митрополитов и епископов. По стенам палаты сидят в праздничных кафтанах и горлатных шапках бояре, и рядами стоят дворяне.

Одежды их изображены близко к тому, как даются в книге «Избрание на царство Михаила Романова» (1672), следовательно, для художника-иностранца достаточно точно. Окольный Григорий Микулин и думный дьяк Афанасий Власьев стоят рядом, они — при исполнении своих прямых дипломатических обязанностей, Григорий Иванович Микулин, без бороды, дальше от зрителя, Афанасий Ива-

⁶¹ Забелин, „Быт царей“, М. 1862 г., стр. 126.

⁶² Карамзин, „История государства Российского“, Спб., 1892 г., т. X, стр. 153. Рукопись Симона Ушакова, которую имел в руках Карамзин, не сохранилась.

⁶³ О росписи Грановитой палаты упоминает в своих записках Маскевич. В своем дневнике он говорит, что на стенах этой палаты находились изображения всех великих князей и царей московских, писанных по золоту, а потолок искусно украшен был картинами ветхого завета. Устрялов, „Сказания“, т. V, 68.

нович Власьев — с окладистой бородой и дородной фигурой, ближе к зрителю, оба в золотных кафтанах и богатых шапках-тафьях, уни-
занных жемчугом и камнями. Послы показаны спиной к зрителю; правый из них, пан Малагосский (Олесницкий), держит королевскую грамоту в виде пакета с печатью.

Очень выразительна фигура пана воеводы Мнишка. Есть что-то от гротеска в той подчеркнутой важности, которую придал Мнишку художник. Откинутый на спинку кресла темнозеленый плащ похож на большой горб за его спиной. Он несколько развалился в кресле, почему его вытянутые ноги придают ему карикатурный вид, а пышное длинное перо на его шляпе еще увеличивает это впечатление. Кажется, что он позирует художнику. Со всем тем, что известно об этой позурной фигуре польского магнатства начала XVII в. и что говорили о нем современники, например гетман Жолкевский, особенно выразительной становится эта трактовка. Сделав на Лжедмитрии выгодную карьеру, освободившись от грозившей ему катастрофы полного разорения, он здесь почил на лаврах.

Подводя итоги, отметим: первое — можно согласиться с Уваровым, что картина (или карандашный набросок композиции) сделана с натуры — настолько она протокольна; второе — зарисовку делал не русский художник, а иностранец, — мы не имеем ничего аналогичного во всей русской живописи XVI в., и третье — картина документирует важнейший момент официального признания роли Польши в продвижении Лжедмитрия на московский престол.

IV. Скрытые руководители интервенции — Лев Сапега и Петр Скарга

Просматривая значительное количество польских картин и портретов, связанных с первой попыткой интервенции, мы встречаемся с тем фактом, что в иконографии этого периода отсутствуют современные событиям изображения тех лиц, которых надо считать вдохновителями и руководителями захватнического наступления на Русское государство начала XVII в. Две крупнейшие фигуры польско-католической агрессии — Лев Сапега и Петр Скарга — не фигурируют здесь. Возможно, что в густой толпе духовных и светских магнатов, окружающих Сигизмунда III на картине Долабелла «Представление царя Василия Шуйского на сейме 1611 г.», при детальном изучении ее и можно было бы найти фигуры сходственные, но трактовка их шла бы в плане «окружения», а не главных персонажей. ||

Между тем, как можно игнорировать роль Петра Скарги (Повенского) в проведении польской агрессии? Петр Скарга был «до того близок к Сигизмунду, что все официальные акты по поводу унии, грамоты, письма и универсалы были диктованы автором известной книги «О единстве церкви божией» (1577) ⁶⁴.

Деятельность Петра Скарги, стоявшего, как вице-провинциал, во главе всех польских иезуитов, была направлена на подчинение папскому престолу «еретиков» — украинцев, белоруссов и русских ⁶⁵. В отношении последних территориальные захваты и даже завоевание Московского государства были делом жизни Петра Скарги: это

⁶⁴ А. Демьянович, «Иезуиты в Зап. Р.» „Ж. М. Н. П.“, 1871 г., октябрь, стр. 257 и 259.

⁶⁵ Стельмашенко, „Политическая деятельность Петра Скарги“, Киевск. Унив. Изв., 1902 г., № 9, стр. 107.

подтверждается его активнейшим участием в продвижении внешне-политических планов Польши. Еще во время Ливонской войны Петр Скарга действует там, где самый узел политики: он приезжает в лагерь Батория под Полоцком, чтобы двинуть дело осады, а после падения Полоцка основывает там иезуитский коллегиум. Позже, вместе с Поссевиным, он, переезжая из обоза в обоз, упрашивает Батория покончить войну миром, учитывая возможность дипломатическим путем подчинить русскую церковь папе.

В 1584 г. друг Скарги и его сообщник Поссевин пишет кардиналу ди-Комо: «по мнению короля, пользуясь настоящим положением в Московском государстве (смерть Грозного. — Е. Д.), при содействии некоторых князей, можно в 3 года завоевать Москву»⁶⁶.

Как придворный проповедник Сигизмунда III, Петр Скарга всюду выступал с речами на политические темы. Доказательством этому служат его сеймовые речи (изданные в 1600 г.), его трактат об устройстве жолнерских отрядов, где он ставит вопрос о правильной организации войска и о военной мощи Польши. Историки, занимавшиеся Скаргой, считают, что многие реформы в Польше совершены под его непосредственным влиянием. Недаром участники рокоша Зебржидовского, большею частью диссиденты, с яростью обрушились на иезуитов, а главным образом на Скаргу, обвиняя его во вмешательстве в светские дела. Можно отвести роль Скарги в первой попытке интервенции указанием на его старость: в начале XVII в. Скарге было под 70 лет. Однако это не помешало ему в 1606 г. броситься в бой с рокошанами Зебржидовского «во славу» римской церкви. Он едет в лагерь рокошан, пытаясь силой своего красноречия поколебать их твердость. Он пишет против них и в защиту иезуитов «Отповедь на артикул об иезуитах Сандомирских, произнесенную в Вислице перед королем (1606)». Он добивается покорности своих врагов с помощью военной силы короля и заставляет их на коленях каяться в еретических грехах. Его последним, предсмертным выступлением была речь «На московскую победу». Она была произнесена в Вильне 25 июля 1611 г. по случаю взятия Смоленска.

Как могло такое лицо — направитель всей политики Сигизмунда III, человек, поставивший целью жизни подчинение украинского и белорусского народа папскому престолу, человек, непосредственно действовавший в гуще политических событий, на сеймах, на полях сражений, в лагере рокошан, — как могло такое лицо стать в стороне от подготовки первой интервенции, лишиться ее своей поддержки и руководства? Среди множества напечатанных материалов, освещающих события начала XVII в., подготовку и продвижение Лжедмитрия на русский престол, будь то материалы папской курии или польские, — имя Скарги нигде не упоминается: можно забыть, что он жил и действовал в это время. А между тем имя Скарги гремело тогда в Польше — его приверженцы и его враги диссиденты все ежедневно имели с ним дело, как с руководителем католического наступления. На картине «Обручение Марины в Кракове» мы видим в качестве центральной фигуры его ученика и друга, иезуита Мацеевского, архиепископа Краковского, венчавшего Марину и являвшегося двоюродным братом Мнишков, и можем вполне логично предполагать, что Скарга действовал со всей присущей ему энергией в на-

⁶⁶ „Ж. М. Н. П.“, 1885 г., август, стр. 312.

правлении захвата Москвы Польшей, что он вдохновлял Сигизмунда III на поддержку Лжедмитрия, что он выбрал ему в наставники иезуита «отца» Савицкого, в полковые священники — иезуита Андрея Лавицкого. Имеются интересные указания на наплыв иезуитов в Путивль, когда там весной 1605 г. обосновался Лжедмитрий со своим штабом, и на их активность по отношению к населению крепости и города.

Скарга был уже в могиле, а его продолжатели все тянулись к покорению «северных народов». Архиепископ гнезненский Гембицкий писал в 1617 г. из Кракова королевичу Владиславу: «Мы надеемся, что ты всеми мерами будешь стараться прибавить к нашим границам то, что было оторвано, и что, взявши за помощью божьею в свои руки управление, ты соединишь неразрывным узлом с Речью Посполитой... эти северные народы. Мы будем не только молиться богу об этом, но все меры примем к тому, чтобы Речь Посполитая не отказала тебе в помощи, когда она понадобится тебе. И на то следует обратить внимание, чтобы хватало у тебя на расходы денег...»⁶⁷.

Так же, как деятельность Петра Скарги, завуалирована и деятельность литовского канцлера Льва Сапеги. Будучи возвращен Скаргой в лоно католической церкви, Лев Сапега проводит политику Скарги вплоть до того, что на Брестском соборе 1596 г. зачитывает перед послами православной части собора речь, составленную Скаргой⁶⁸. Только Скарга умирает в период подъема интервенции, а Сапега живет еще после разгрома ее, и на сейме 1618 г., после крушения 20-летней политики агрессии, после Деулинского перемирия, он пожинает плоды своей неудачной захватнической политики. Паны на сейме к нему обращают свое негодование по поводу провала интервенции. Здесь уже ясно Сапега определяется как главный руководитель захватнической политики, и ширма, прикрывавшая его около двадцати лет, падает.

Между тем, он стоял в центре событий первой интервенции и хорошо знал русско-польские отношения, русскую феодально-крепостническую верхушку. Отправленный королем Сигизмундом III послом к царю Борису для переговоров о заключении вечного мира в октябре 1600 г., он пробыл в Москве полгода⁶⁹.

Жолкевский пишет, что все дело Самозванца шло через него и что в то время (1605 г.) никто, кроме Сапеги, не знал, например, о тайном поручении бояр послу Безобразову — довести до сведения Сигизмунда, что бояре недовольны присланным им человеком и предпочитают иметь царем Владислава.

Лев Сапега лично вел переговоры со Смирным-Отрепьевым, посланным правительством Бориса в Варшаву в 1605 г. для разоблачения Лжедмитрия. Он категорически отказал Смирному в очной ставке с Лжедмитрием: «Сапега неустанно следил за Дмитрием... У литовского канцлера были шпионы и доносчики. Его уведомяли пограничные воеводы, а в Москву посылались особые разведчики»⁷⁰.

Сапега действовал рука об руку со Скаргой.

⁶⁷ Стельмашенко, указ. соч., стр. 209.

⁶⁸ Стельмашенко, указ. соч., стр. 146.

⁶⁹ Соловьев, т. VIII, стр. 23; Устрялов, т. I, стр. 287.

⁷⁰ Пирлинг, „Названный Дмитрий и польские ариане“, Русск. старина, 1908 г., апрель, стр. 9.

V. К вопросу измены боярской верхушки. Портреты стольника Г. И. Микулина и думного дьяка Афанасия Власьева

Героическая борьба русского народа против польских интервентов в период развернутой интервенции велась, по существу, с двойным врагом: крепостническая верхушка — часть боярства и дворян — изменила родине, открыла 21 сентября 1610 г. ворота Москвы войскам интервентов и повернула центральный правительственный аппарат Русского государства в сторону обслуживания врагов.

Таковым было правительство, называемое «Семибоярщина», выполнявшее все приказания польских начальников в Кремле, Гонсевского и Струся. В согласии с ними, как верные слуги Сигизмунда III, действовали хорошо известные изменники-бояре Мих. Глеб. Салтыков, кн. Масальский, М. Молчанов, думный посольский дьяк Ив. Тар. Грамотин и другие. Все они по грамотам Сигизмунда III за подписью Льва Сапеги награждались чинами, землями, деньгами⁷¹.

В числе лиц центральной администрации, помогавших польской интервенции в первый период ее осуществления, мы видим двух московских дипломатов: думного дворянина Григория Микулина, близко стоявшего к Лжедмитрию I, и посольского дьяка Афанасия Власьева, возглавлявшего внешнюю политику при Самозванце и позднее, в 1610 г., назначенного Сигизмундом III государственным казначеем. История сохранила нам прекрасные по качеству художественного выполнения портреты этих лиц. Об изображениях Афанасия Власьева на картинах «Обручение Марины в Кракове» и «Прием послов» уже говорилось выше.

Портрет Афанасия Власьева, сохранившийся в краковской похвальной брошюре 1605 г. и воспроизведенный вторично в «Хронике» Гванини (1611 г.), представляет значительный интерес, поскольку Афанасий Власьев — очень крупная фигура среди московских дипломатов начала XVII в. и поскольку самый портрет — гравюра на дереве — выполнен чрезвычайно выразительно⁷². Мы видим, несомненно, портретно-реалистическую передачу натуры. С гравюры на зрителя смотрит самоуверенное, энергичное, хитровато-умное лицо человека средних лет, плотного, здорового телосложения. Власьев одет в вышитый жемчугом кафтан с высоким воротником-козырем и шапочку, сплошь унизанную жемчугом и украшенную драгоценными камнями. В 1605 г., когда выполнен был портрет, Власьеву было около 45 лет, он имел уже взрослого сына, участвовавшего в посольстве 1605 г. в Краков⁷³. Афанасий Власьев уже не был «высокий сухой мужчина, молодой и крепкий», каким его видели в первый его выезд за границу, в 1595 г., в Праге⁷⁴. За десять лет он сделал большую карьеру, из подьячего Посольского приказа, достигнув

⁷¹ Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. II, № 208, стр. 451; № 211; стр. 463; № 213, стр. 465.

⁷² Позволяем себе высказать предположение, что его выполнил Лука Килиан. В „свадебной брошюре“ портрет Афанасия Власьева фигурирует рядом с портретом Ю. Мнишка, гравированный портрет которого был сделан Килианом в 1606 г. Только гравюра на меди в свадебной брошюре заменена более дешевой гравюрой на дереве. По силе реализма и мастерству портрет А. Власьева не уступает портрету Мнишка, выполненному Килианом.

⁷³ Н. Устрялов „Сказания современников о Дмитрии Самозванце“, 1859 г., ч. II, стр. 133.

⁷⁴ Сборн. „Старина и новизна“, т. XIV, стр. 324, прим.

I Gdy tedy już siedział bezpiecznie na swoim dziedzicznym państwie / po-
stano mu po ślubna oblubienice / pzyrzeczona Maryna Włuskorone / do Pol-
ski. Ophanás maż wrody okazały był postem / którego jest ten wizerunek / y o-
pisanie osoby :

Własna twarz Ophanás / który w nasze strony /
Od Cára Moskiewskiego / Postem był po żone.
Maż cnoce / y rozumem wielkim zawołany /
Jaki z Moskwy oddarona w Polsce był widziany :

Ktorego y wiazd do Polski / y wiazd z Cárom z Polski / dosyć był po-
zorny. Pzyczym też y Postowie Arola J. M. byli / Pan Glesnicki Ráscellan
Málogoscki / y Alexander Gosinski z Ł. L. Było dwozjan y slug z obu stron
wiele : były poczety ozdoby konnych y piechoty. Droge pzyjednimi wszedzie ná-
prawowano : samych mostow piećset y czterdzieści ná chwile stánelo / od granic
zaraz licząc / aż do stołecznego miásta Moskwy.

I Pod Smolensk gdy pzyiecháli / z innásta im w pominku wystano kóscio-
wne / y troje sáni wstano s bolami drogiemi / y teniś podktydy podbito / a po
wierzchu nákrzyo sárlatem. Pzyed ktoremi było kon dwánaście / wszytko bias-
lych / ktore wiedli Boiárowie w slotogłowy pzybráni : drudzy zinnad rozne wpo-
minki nieśli. A Czerncy chleb z sola / co znaczyło tegi wozel slubu / y pzystręgi
pániey swoey pzyznosili. Ná miesyce pzyiejdziac / wyzra poczety ozdoby w
polu czekájac / y niektore ku sobie lekko poslepniácc.

I Tamże były dwa namioty / w których sie Cárowa w sáry pzybierá : gozic
też to od Dimitrá Postowie witáli. W drugim nannecie Woiwode witáli /
ktoremu od Cára oddano w pominku / kon drogo pzybrány : ktorego ná sto-
tyściey czerwonych zloeych sácowano. iákoż sloto y kámienic ktore ná nim by-
lo / bez wácpienia tákowa summe wynosilo. Był iárczał szerozłoty / sizer-
mioná / tebienká / y bebenek tákowyś z obu stron wisiał / w których dwánaście czar-
szerozłotyś mistrzney roboty bylo. Tuż czápiąg / rzad / y wodze / wszytko było

Рис. 14. Страница из Хроники Гванини (Краковское издание 1611 г.) с портретом Афанасия Власьева

звания думного посольского дьяка и посла, отъелся на жирных хлебах и раздобрел. На примере Афанасия Власьева можно проследить, как формировались люди, терявшие понятие родины, связь со своей страной, со своим народом и изменявшие ему. Афанасий Власьев не был родовит, он начал с подьячего. От природы он был, несомненно, очень умный человек, а служба в Посольском приказе, с частыми выездами за границу для дипломатических поручений, сделала его очень осведомленным и влиятельным человеком. «Он — посланник, человек очень хитроумный, очень рассудительный, ему 40 лет, и можно удивляться, что под таким мрачным небом, как Москвы, существуют такие *acuta ingenia* (люди острого ума), как там, где нет никакого гнета». Так отзывался о Власьеве бранденбургский чиновник в донесениях своему государю, маркграфу Ансбахскому, в письме от 9 марта 1600 г. В другом месте этого письма он сообщает: «посланник держит себя с очень высоким достоинством, смешанным с какой-то грубой спесью»⁷⁵. Как представитель мощной страны и как бывалый дипломат (Власьев приезжал уже второй раз к венскому двору — к имп. Рудольфу), Власьев был окружен большим и подозрительным вниманием, его аудиенции добивались, ему подносили подарки, о его образе жизни и высказываниях мелкие дипломаты общались своим государям, германским князьям⁷⁶.

Круг иностранных связей у Афанасия Власьева был велик. И не только по его положению начальника Посольского приказа (после Андрея Щелкалова), но и благодаря особым качествам его ума и характера. Афанасий Власьев не бывал при лондонском дворе, однако посол английский Томас Смит только с ним желает иметь дело в трудный для дипломата момент, когда умер Годунов, росли слухи о Дмитрии и когда иностранцу трудно было ориентироваться в создавшемся положении. В журнале Т. Смита есть запись: «Никто не взялся бы с такой готовностью и не сумел бы столь же успешно исходатайствовать (ему) разрешение уехать, как дьяк Афанасий»⁷⁷. Власьев — близкий человек английскому послу, который из Архангельска летом 1605 г. пишет ему письмо за письмом.

Английский купец Джон Мерик во время своего пребывания в Москве имеет дело с Афанасием Власьевым, называет его «достопочтенный канцлер» и ищет его расположения⁷⁸.

Горсей, говоря о ранних дипломатических выступлениях Власьева в Праге в 1595 г., уже тогда называет его «мудрый статс-секретарь».

Известно, что Власьев пользовался большим доверием Годунова, что в 1599—1600 г. он был послан в Вену с тайным поручением сватать эрцгерцога Максимилиана в женихи царевне Ксении.

Поворотной вехой в поведении Афанасия Власьева надо считать его участие в посольстве в Польшу в 1601 г. Этому посольству пред-

⁷⁵ Сборн. „Старина и новизна“, т. XIV, стр. 317—318.

⁷⁶ Например, „посланнику Максимилиан подарил два высоких позолоченных кубка и прекрасную позолоченную флягу (сборн. „Старина и новизна“, т. 14, стр. 312). „Его зовут Афанасий Иванович Власьев, он — канцлер царств Казанского, Астраханского и Сибирского, и предполагают, что когда он вернется, он будет генеральным канцлером... Императорский золотых дел мастер работает в квартире посланника очень усердно“ (там же, стр. 318).

⁷⁷ И. М. Болдаков „Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России“, стр. 45. Спб. 1893 г.

⁷⁸ Письма от 1604 г., „Старина и новизна“, т. 14,

шествовало почти полугодовое пребывание Льва Сапеги в Москве, в течение которого он, по сообщению И. Массы, раз двадцать бывал во дворце у Годунова, ведя дипломатические переговоры⁷⁹.

Несомненно, Афанасий Власьев, доверенное лицо Годунова, должен был знать весь ход русско-польских переговоров и хорошо познакомиться с главным деятелем готовившейся Львом Сапегой интервенции. Ответом на посольство Льва Сапеги было московское посольство (1600—1601). Посольство возглавлял будущий сподвижник польских интервентов Михаил Глебович Салтыков. Подробный статейный список⁸⁰ (может быть, написанный Власьевым) чрезвычайно ярко изображает польский двор, центральное место в котором после Сигизмунда занимал Лев Сапега. Он возглавлял переговоры и непосредственно воздействовал на Салтыкова и Власьева.

Отметим, что Исаак Масса, характеризуя Власьева как умного, очень знающего и красноречивого человека, утверждает, что он вел какие-то сношения со Львом Сапегой, до сих пор не выясненные.

Несомненно, что в польских магнатских кругах к Власьеву было очень благосклонное отношение — его считали своим агентом. Не даром на краковском портрете Власьева стоит надпись, необычайно лестная для этого хитрого карьериста: «Собственное лицо Афанасия, который в нашу страну от царя Московского был послан за женой. Сей муж обладал благородным и большим умом, каких давно из Москвы не посылали». Не удивительно поэтому, что после гибели Федора Борисовича Власьев спешит в Тулу навстречу польскому ставленнику Лжедмитрию и сразу получает при его дворе почетное место «великого секретаря и надворного подскарбия». Здесь же, в Туле, Власьев уже ведет дипломатическую переписку Лжедмитрия, о чем говорит, например, грамота Лжедмитрия I Джону Мерику, помеченная — дана в Туле 8/VI 1605: «ввиду чего отдали мы приказ, как относительно надобных для тебя ямских лошадей, так и твоего представления нашему посольскому дьяку Афанасию Власьеву. Дано в Туле 8/VI 7113 г.»⁸¹.

В дальнейшем Власьев связывает свои интересы с интересами интервентов. Он — правая рука Лжедмитрия в деле брачных связей с польской магнаткой, свой человек в Кракове, главное лицо в придворных церемониях. Через месяц после воцарения Лжедмитрия, некто иной, как Власьев, едет в Краков с дипломатическим поручением к Сигизмунду, у которого он вместе со своим сыном имеет аудиенцию 14 и 18 ноября 1605 г. Он проводит всю зиму в Польше и возвращается только к весне 1606 г. Надо отметить, что держится он с панами очень уверенно, о чем свидетельствует его письмо от 4 мая 1606 г. к послу Александру Гонсевскому, зарвавшемуся в своих требованиях по снабжению его свиты (а по существу — военного интервенционистского отряда)⁸².

В то время, когда у населения Москвы накопилась ненависть к наглым интервентам, Власьев является уже самым интимным человеком в польско-панской клике. 12 мая Лжедмитрий давал обед полякам, «переодевшись в гусарское платье, Лжедмитрий танцевал сперва с царицей, а потом — с паном воеводой. Никого из русских не было,

⁷⁹ Сказания Массы и Геркмана, 1874 г., стр. 74.

⁸⁰ Сборник Русск. историч. об-ва, т. 137.

⁸¹ Болдаков, указ. соч., стр. 93.

⁸² Устрялов, «Сказания», т. II, Дневник польских послов, стр. 202—203.

кроме Афанасия и Масальского». В польских источниках Власьев часто называется просто Афанасием, — настолько он был свой человек. Разгром поляков в Москве свалил и Власьева. В дневнике Марины записано: «Афанасий сослан в Сибирь»⁸³. В грамоте Шуйского в Литву он назван «вор и разоритель христианства, советник вору Отрепьеву»⁸⁴.

Надо отметить, что через некоторое время после ареста, 8 июля 1606 г., Марину и Мнишка со всей прислугой перевели из дома Бориса Годунова «за крепостную стену в дом Афанасия». Это — любопытная черточка⁸⁵.

О пребывании Власьева в Уфе в годы царствования Шуйского сведений нет. В исторической литературе считается, что он вернулся в Москву в 1610 г. Жолкевский в своих записках отмечает, что Власьев был одним из главных агентов Польши по приглашению на московский престол в 1610 г. королевича Владислава. Осенью 1610 г. водворившаяся в Москве польская банда формировала центральный аппарат. Сохранился чрезвычайно интересный документ (от 1611 г., без числа) с визой Льва Сапеги. Это черновая запись в виде столбца, истертая, ветхая бумажка, которая названа «раздача должностей» (Rozdawanie Urzedow). «Быть на Москве в приказах в Стрелецком боярину Ивану Михайловичу Салтыкову..., в Челобитном — Федору Ивановичу Андронову...» В конце столбца рукою канцлера Льва Сапеги добавлено: «Лев Плещеев — кравчий» (Кгаусзу), а на полях другой рукою «казначей Офонасий Власьев»⁸⁶.

Очевидно, если Лев Сапега приложил руку, документ составлялся не в Москве, а в лагере Сигизмунда. Имеется и другой, аналогичный, документ — беловой, от 20 января 1611 г., официальное назначение на должности⁸⁷. Почти все намеченные в черновике люди — агенты Польши — остались на своих местах. Но Афанасий Власьев не упомянут. Умер ли он в 1611 г. или выехал в Польшу — не выяснено.

Другой представитель московской правившей верхушки, связавший свои интересы с целями польских интервентов, Григорий Микулин, был фигурой куда менее крупной, чем Афанасий Власьев — профессиональный дипломат, крупнейший делец всего периода интервенции, одна из самых ярких фигур аппарата Московского государства рубежа XVI и XVII вв. Известность Микулина связана главным образом с пребыванием его в Англии в качестве посла царя Бориса к королеве Елизавете Английской, зимой 1600—1601 г. Довольно длительное пребывание при дворе Елизаветы, удачное выполнение дипломатического поручения и личные качества Микулина сделали имя московского посла известным в дипломатических кругах Западной Европы начала XVII вв. Этому способствовало и портретное изображение Микулина, выполненное в Лондоне и остававшееся в Англии до середины XIX в. В экспозиции Исторического Музея портрет Микулина представляет собой самое раннее изображение русского политического деятеля, выполненное живописной манерой (масло) 1600 г. — уже это делает его чрезвычайно интересным. Портрет хорош

⁸³ Устрялов, „Сказания“, т. II, Дневник Марины Мнишек, стр. 177.

⁸⁴ Ровинский, указ. соч., т. I, стр. 385.

⁸⁵ Устрялов, там же.

⁸⁶ Акты исторические, т. II, № 314, стр. 372. Документ был найден С. М. Соловьевым в Стокгольмском архиве.

⁸⁷ Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. II, № 219, стр. 486.

и в художественном отношении. Лицо посла дано очень выразительно в смысле психологической характеристики: умное и спокойное, глаза немного скошены по-татарски и выдаются скулы, небольшие усы, бороды нет. Одет Микулин по сравнению с позднейшими портретами послов — П. С. Потемкина, Чемоданова и др. — довольно скромно. Кафтан без «kozyря» (стоячего воротника) украшен оплечьем, шитым жемчугом и камнями, на голове шапка-колпак, отороченная мехом. Мы не знаем, как выглядел портрет первоначально, может быть, окружение и было пышнее, потому что портрет дошел до нас в сильно урезанном виде вследствие порчи при пересылке из Англии в Россию⁸⁸. Портрет писан на доске. Рама портрета новая, но дощечка с надписью сохранена со старой рамы, на ней имеется надпись: «Gregorius Evanowich Me Colin, imp. Russiae Legatus. 1600». Имя художника, писавшего Микулина, неизвестно; может быть, оно и имелось на портрете, но исчезло вместе с погибшими частями изображения.

Портрет несколько архаичен, если сравнить его с изумительными по реализму изображениями лиц правящих кругов Англии, которые принадлежат кисти Гольбейна Младшего, работавшего в Англии, с перерывами, с 1526 по 1543 г. Портрет Микулина относится к тому

периоду, когда в Англии не было еще национального портретного искусства, когда короли и аристократия прибегали к помощи выписываемых из-за границы крупных художников. Но распространение портретного искусства в быту вызывало, несомненно, формирование местных художников, учеников приезжих мастеров. К сожалению, нет никакого намека в статейном списке Микулина, кем и при каких условиях был заказан в Лондоне его портрет.

Григорий Микулин был, повидимому, дворянином незнатного

Рис. 15. Портрет стольника Г. И. Микулина. Масло. 1600 г. (Государственный Исторический Музей)

⁸⁸ Сведения о портрете Микулина и его посольстве в Англию см. в книге Чарыкова „Посол в Англию—дворянин Гр. Ив. Микулин“, 1878 г.

рода и небольшого состояния. Как помещик, он имел оклад 600 четвертей, в реальном же пользовании у него было 499 четвертей в двух станах Вяземского уезда⁸⁹. Позднее Микулин имел дом в Ярославле, настолько благоустроенный, что в нем мог остановиться английский посол Томас Смит в 1604 г.⁹⁰. Служебная карьера Микулина была обычной военно-административной. В 1591 г., во время русско-шведской войны, Микулин во главе отрядов черемис-мари и мордвы сражался под Нарвой. Под начальством воеводы Ивана Токмакова он участвовал в штурме города⁹¹. В 1595 г. мы видим его вторым воеводой в небольшой сибирской крепости Пелыме⁹². Почему именно Микулин, до 1600 г. не выделившийся ни военной, ни придворной службой, назначается Годуновым в качестве посла в крупнейшую западноевропейскую державу, связанную с Россией в XVI в. целой цепью политических и экономических интересов, остается неясным. Тем более этот вопрос напрашивается, что после посольства Григорий Микулин никаких видных дипломатических поручений не несет, а возвращается к рядовой военной службе. Исключением является участие его в порубежном межевании с Польшей, производившемся после заключенного 7 января 1602 г. перемирия царя Бориса с королем польским Сигизмундом III. В мае 1602 г. отправлены были на съезд по порубежным делам между Черниговом и Путивлем воевода и наместник Шацкий, кн. Василий Андреевич Звенигородский, Григорий Микулин и дьяк Петр Палицын⁹³.

Таким образом, посольство в Англию — самый яркий эпизод карьеры Микулина, если говорить о периоде до начала интервенции⁹⁴.

Что можно извлечь из материалов о посольстве Григория Ивановича Микулина для характеристики его личности и дальнейшего поведения в период первого этапа польской интервенции?

Во-первых, нужно думать, что Микулин хорошо ориентировался в чуждых ему условиях и обладал качествами, располагавшими к нему людей. Не только королева Елизавета положительно характеризовала его в ответной грамоте Борису Годунову⁹⁵, но так же отзывались о нем и австрийские дипломаты, бывшие одновременно в Лондоне. Сохранилось письмо англичанина Эдварда Хоби, адресованное Микулину, где он в самых дружественных выражениях просит принять рекомендуемого им соотечественника⁹⁶.

Затем за известную интеллектуальную развитость Микулина говорит то, что Годунов доверил ему устное выступление перед королевой на приеме, не зафиксировав подробностей в грамоте. Посланному поручено было словесно исполнить свое поручение: «Мы приказали ему, тебе, сестре нашей любительной Елизавете, королеве, говорить речью и что тот наш посланник и дворянин Григорий учен тебе говорить и ты б ему верила — то есть наши речи»⁹⁷.

⁸⁹ Писцовые книги XVI в., изд. Калачевым, ч. II, 1872—1877 гг., стр. 653. Сведения относятся к 1594 и 1595 гг.

⁹⁰ Болдаков, указ. соч., стр. 24.

⁹¹ Симбирский сборник, 1844 г., стр. 109.

⁹² Русская историч. б-ка, т. II, стр. 120.

⁹³ Сборник Русск. историч. об-ва, т. 137, стр. 170.

⁹⁴ Опускаем сведения о пребывании Микулина в Англии, поскольку они обстоятельно изложены в книге Чарыкова.

⁹⁵ Грамоты. В делах посольства (Сборн. Русск. историч. об-ва, № 38) ее нет.

⁹⁶ Чарыков, указ. соч., стр. 36, прим.

⁹⁷ Гамель, „Англичане в России в XVI—XVII вв.“, Спб. 1865—1869 гг., стр. 228, прим.

Кроме того, на Микулина возложена была обязанность воспользоваться пребыванием в Англии, чтобы вообще познакомиться с политическим положением этой страны ⁹⁸.

Наконец, выполняя дипломатическое поручение, Микулин по существу данных ему заданий должен был разобраться в русско-польских отношениях и вдуматься в политику короля-агрессора Сигизмунда III, который вел в то время сильную агитацию против Московского государства ⁹⁹.

События, связанные с первой польской интервенцией, застают Микулина в Орле. В 1605 г. он служил в «стрелецких головах» вместе с Истомой Михневым. В это время Северщина полна повстанческих крестьянских движений и на Орловские места войною приходят «околенские волостные мужики и кромчане». Григорий Микулин и Истома Михнев выделяют из своих частей Ал. Собакина с сотнею стрельцов и направляют против восставших. В Разрядных записях есть сведения, что стрельцы «мужиков побили» и сеунчом (курьером) к Годунову был послан Собакин, раненый в бою ¹⁰⁰. Вслед за тем Микулина переводят в Белгород «с стрельцы».

Как совершается переход Микулина к Лжедмитрию, неясно. Разрядные записи показывают Микулина в числе русского дворянского окружения Самозванца с момента его движения из Путивля к Кромам, т. е. после измены Борисова войска — 7 мая 1605 г. «А как растрига из Путивля пришел в Кромы, а бояр с ним пришло — князь Борис Татев, князь Вас. Масальский, кн. Борис Лыков, окольниковый кн. Дмитрий Туренин, думные дворяне Ортем Измайлов, Григорий Микулин» ¹⁰¹. Таким образом, Микулин с первых дней успеха Лжедмитрия включается в близкое к нему окружение и получает от него чин думного дворянина ¹⁰². Микулин раньше, чем Афанасий Власьев, входит в непосредственное окружение польского ставленника — так же, как князь Василий Масальский, ближайшее доверенное лицо Лжедмитрия. В исторической литературе ставился вопрос о форме перехода Микулина в стан Самозванца: изменил ли Микулин царю Борису в Белграде или был выдан Лжедмитрию белградцами, отложившимися от Годунова? Последняя версия опирается на Разрядные записи, где отмечено, что к Лжедмитрию «отвели из Белграда князя Бор. Мих. Лыкова, да голов» (имена последних не приведены) ¹⁰³.

Правда, мы имеем примеры и того, как принудительные переходы бывали политической уловкой для дворянства: Масса указывает, что под Кромами изменившие Борису воеводы сами приказывали себя связывать, чтобы создать впечатление принудительного перехода на сторону Лжедмитрия ¹⁰⁴. Если факт перехода Микулина на сторону Лжедмитрия остается неясным, то этапы дальнейшего возвышения его по службе хорошо известны. Доверие и почет, оказывав-

⁹⁸ Чарыков, указ. соч., стр. 21.

⁹⁹ Там же, стр. 16. В связи с этим интересно отметить письма Сигизмунда III к королеве Елизавете, в которых польский король указывает Елизавете на опасность, которая проистечет для всей Зап. Европы, если Россия «чрезвычайно преуспеет в образовании и вооружении через установление правильных сношений с Западом» (Юрий Толстой, «Первые 40 лет...», № 9).

¹⁰⁰ Белокуров, «Разрядные записи за Смутное время», 1911 г., стр. 238.

¹⁰¹ Там же, стр. 5.

¹⁰² Известия Русского генеалогического об-ва, т. III, стр. 14, прим.

¹⁰³ Белокуров, указ. соч., стр. 5.

¹⁰⁴ Сказания Массы и Геркмана, 1874 г., стр. 144.

шиеся Микулину Лжедмитрием, видны из того, что Лжедмитрий предполагал послать его в Краков для сватовства Марины. На это мы имеем указания в дипломатической переписке того времени — в донесении Вильяма Скотта (члена английского посольства Томаса Смита) к графу Салисбюри: «Григория Микулина, бывшего послом в Англии, предположено отправить в Польшу по делу о браке»¹⁰⁵. Есть мнение, что близость Микулина к Самозванцу объясняется его родством с Нагими, о чем свидетельствует подпись Микулина на «данной» грамоте Федора Михайловича Нагого¹⁰⁶.

Думается, что не в одном этом надо искать объяснения возвышения Микулина. Польские связи могли завязаться во время пребывания Микулина на московско-польской границе в 1602 г. Земли крупнейших польских магнатов — Вишневецких, Льва Сапег — граничили с владениями Московского государства, и бесцеремонные захваты панам русских земель были постоянной причиной пограничных споров. Время межевых переговоров — время усиления террора Годунова (дело Романовых 1601 г.) и роста боярских интриг, смыкавшихся с Польшей. Именно здесь возможно искать начало польских связей Микулина. Решающим же моментом нужно считать исключительно энергичное выступление Микулина в пользу Самозванца в момент военного заговора против него, весной 1606 г. Как известно, более близкое знакомство с новым царем в первые же дни породило резкое и определенное движение против польского ставленника. За заговором Шуйского следовал ряд открытых смелых обличений Лжедмитрия в самозванстве дворянином Петром Тургеневым, посадским человеком Петром Калашниковым, казненными после пыток: «главы отсекоша среди царствующего града Москвы»¹⁰⁷. Вслед за этим вспыхнуло возмущение против поляков, вовлекшее тысячи москвичей (дело шляхтича Липского) и замятое Лжедмитрием через фиктивную выдачу трех поляков-зачинщиков¹⁰⁸. С ростом выступлений против польского засилия и его ставленника рос террор, тайный и явный, со стороны Лжедмитрия. Об этом ярко говорит Авраамий Палицын в своем сказании¹⁰⁹. В обстановке такой политической напряженности среди части стрельцов возник заговор против Лжедмитрия, быстро ликвидированный стрельцким головой Микулиным. О выступлении Микулина имеются два сообщения: одно русское — в Новом летописце, другое — показания поляков Бучинских, арестованных боярами после восстания 17 мая 1606 г. Новый летописец, сообщив, что «Гришка... зело велику тесноту народу учиниша, и никто смееше им что противно рещи», рассказывает далее о начавшемся брожении среди стрельцов: «Начася же мысль между стрельцами, како бы могло обрести пристанище в таком бурном волнении; един же от них шед к советнику Гришки Отрепьева, к Петру Басманову и возвести ему оную мысль. Он же, слышав сие, шед, сказа Ростриге; он же повеле их поймав привести на дворец и

¹⁰⁵ Сборн. „Старина и новизна“, т. XIV, стр. 253.

¹⁰⁶ Статья Кобеко в „Известиях Русск. генеалогич. об-ва“, т. III, стр. 14, прим., и „Тверские акты“ С. Шумакова, 1896 г.

¹⁰⁷ Русск. Историч. б-ка, т. XIII, стр. 492—493. Также письмо В. Скотта, адресованное гр. Салисбюри: „Последние, дошедшие к нам новости,—это измена одного из Шуйских и его помилование, в чем принимало участие духовенство; говорят и думают, это подготовка к перевороту. „Старина и новизна“, сборн. № 14, стр. 253.

¹⁰⁸ Бутурлин, „История Смутного времени“, т. I, 1832 г., стр. 164.

¹⁰⁹ Русск. историч. б-ка, т. XIII, стр. 492—493.

и повеле их в том умышлении спросити ему Петру Басманову, егда же их начат спрашивать, они же не боязненно поведаша истину и обличаху Гришку Отрепьева. В то же время прилучися ту голова стрелецкой Григорей Микулин, возбесился от ярости и поби оных стрельцов до смерти и мертвые их тела в части иссече, никому же повелевающу. Рострига за оное окаянное убийство пожаловал Григория Микулина думным дворянством ¹¹⁰.

Показания Бучинских интересны тем, что датируют событие — оно произошло весной («великим постом») 1606 г.—и акцентируют на самоуверенности Лжедмитрия, похвалявшегося после расправы: «На кого только укажу, что изменник мой, тот же уже не пробудет, все де, от меня блюдась, делают, что велю» ¹¹¹. Таким образом, оба сообщения свидетельствуют о том, что расправа Микулина со стрельцами не только ликвидировала угрожавшую польскому ставленнику опасность военного мятежа, но и утвердила Лжедмитрия в успехе его новой террористической политики. Микулин выступил в этом деле как доверенное лицо Лжедмитрия, его горячий приверженец. После этого становится понятным то выдвижение Микулина, которым отмечены последние недели польского засиления. Например, во время приема польского посольства 3 (13) мая 1606 г. Микулин уже в звании окольного встречает польских послов, представляет их Лжедмитрию и прочитывает список подарков. На картине, изображающей этот прием, о котором речь шла выше, Микулин изображен рядом с А. Ф. Власьевым. Во время свадебной церемонии Микулину поручается устройство царского места для обряда венчания, а во время пира — потчевание гостей совместно с ближайшим «приятелем» Лжедмитрия — Петром Басмановым.

Последние известия о поведении Микулина в период первой попытки польской интервенции дает Исаак Масса. Сообщая о бегстве Михаила Молчанова на рассвете 17 мая 1606 г., он добавляет: «другой ближайший советник Лжедмитрия, Григорий Микулин, ускакал на царской лошади и хотел пробраться в Польшу, но был схвачен в Вязьме, в шести милях от Москвы» ¹¹².

Что Микулину не поздоровилось после воцарения Шуйского, ясно видно из того, что поведение Микулина по отношению к стрельцам было обнародовано новым правительством, а оставшиеся в живых родственники и близкие растерзанных по его приказанию стрельцов были ему серьезной угрозой. Стремительное бегство Микулина не случайно.

О ближайшей судьбе Микулина сведений, повидимому, не сохранилось. Через год-полтора после разгрома первой попытки польской интервенции, которую Микулин, изменяя интересам своего народа, поддерживал, он умер: его фамилия значится в разделе умерших в 7116 (1608) г. в послужном списке бояр, дворян и окольных ¹¹³.

* *
*

Мы сделали попытку в данной работе собрать в одно целое и дать историческое истолкование довольно богатому изобразительному материалу, связанному с польской интервенцией начала XVII в.

¹¹⁰ «Новый летописец», изд. 1853, стр. 73.

¹¹¹ Собр. Госуд. Грамот и Договоров, т. II, стр. 297.

¹¹² Сказания Массы и Геркмана, 1874 г., стр. 208.

¹¹³ Древняя российская Вивлиофика, т. XX, стр. 82. У Карамзина (т. XII, стр. 161) Микулин (без имени) фигурирует при Лжедмитрии II в перечислении лиц, отказавшихся служить Марине и ее сыну.

Все эти материалы — за исключением портрета Григория Микулина — создавались в стане врагов, их заказами, в их интересах.

Если мы обратимся к материалам русской иконографии, то в них мы не найдем отражения событий начала XVII в. Интереснейшие миниатюры, богато иллюстрирующие историю XVI в., прерываются, как известно, на казанском походе, а позднейшие относятся уже к середине XVII в.

В русских народных исторических песнях Лжедмитрий, Марина, польские захватчики нашли некоторое отражение. «Спустил на нас велик-тяжкий грех. Сослал нам, боже, прелестника, вора Гришку—Разстрижку Отрепьева», «Прельстил вор-собака три земли», «Берет вор-собака в проклятой Литве у Юрья пана Страдомирского...»¹¹⁴. «Заполонили-то Москву погана Литва, погана Литва»¹¹⁵, проклята Польска сторона — как уж жил тут поживал нечестивый Гужмунд»¹¹⁶.

Ярче всего сила и всеобщность восстания против ненавистных интервентов выражены в строках сказаний XVII в., например: «И утвердил все единодушно православные христиане от мала и велика и сущие младенцы и немощная плоть женская — всем омерзело его проклятое, законопреступное дело... Люди же Московского государства приидоша вкупе... всенародное множество со всяким оружием и дреколием и камением»...¹¹⁷ Участие всего населения Москвы, обою пола и всех возрастов, в восстании 17 мая 1606 г. против поляков проходит красной нитью через все сказания (например, в повести Катырева-Ростовского—«собрався множество народа с оружием и дреколием»). Всего образнее это событие описано в Сказании о Гришке Отрепьеве: «И бысть звон велик и крик и вопль и шум и поидоша православнии христиане с подворей своих, конницы же и пешие, князи и воеводы и дворяне и дети боярские и вси приказные люди и пушкари, и с снарядом и самопалы и с копыя и с рогатицами и в доспесех и в латах и шеломах и со всяким бранным оружием... и поступиша на поганую Литву и побивающе их по улицам и переулкам, по рядом же и по перекресткам и во дворах, где которого засташа, ту и секуще и колюще и побивающе их всех».¹¹⁸ В этом отрывке яркость образов и динамичность их подачи достигают необычной для русских повестей XVII в. силы. Это — картина в словах, которую можно считать прекрасной концовкой той серии изображений, которую мы использовали для разоблачения польских интервентов.

В итоге нужно отметить, что круг изобразительных материалов по той же тематике может быть расширен новыми объектами, как, например, план Москвы со въездом Марины, приложенный к сказанию Исаака Массы, несомненно, стоящий в связи с интересами интервентов, портрет Марины 1609 г., писанный, очевидно, в Тушине, и ряд других.

В данной статье сделана попытка — на основании анализа памятников, относящихся к начальному периоду интервенции, внести ряд дополнительных данных, усиливающих те положения, которые раскрыты в последних исторических работах на эту тему.

¹¹⁴ Авенариус, „Книга былин“, 1907 г., стр. 334.

¹¹⁵ Поляков в XVII в. в Русском государстве называли Литвой.

¹¹⁶ Песни, собранные Киреевским, в. 7, стр. 18.

¹¹⁷ Русск. историч. б-ка, т. XIII, стр. 741.

¹¹⁸ Там же, стр. 748.

КАРТА АЗОВСКОГО МОРЯ 1699 ГОДА

Среди материалов Кабинета исторической географии и картографии Государственного Исторического Музея хранится карта Азовского моря, представляющая интерес, с одной стороны, как памятник картографии конца XVII столетия, с другой — как первая русская карта Азовского моря.

Карта рукописная, размером 47×71 см, склеена из целого листа бумаги 58×46 см и дополнительного придатка размером 14×46 см, на бумаге конца XVII столетия, что подтверждается имеющимся водяным знаком (щит, пересеченный наискось слева направо тремя линиями и увенчанный геральдической лилией), вычерчена по меркаторской проекции. Долготы проведены через 1° , широты через $30'$. Крайняя западная долгота приблизительно $59^\circ 30'$, восточная— $64^\circ 30'$. Широта — $45^\circ - 47^\circ 30'$ сев. Определяя направление первого меридиана, находим, что он пройдет через группу Канарских островов (т. е. в согласии с Птоломеем, который проводил меридиан через остров Счастливый, один из Канарских островов). Вокруг карты линейная рамка, по которой означены градусы широты и долготы и их части. Берега подкрашены синей и красной красками, реки подсинены, города турецкие обозначены квадратиками с кружком внутри и полумесяцем над ними. Роза ветров (компасный знак), помещенная между 63 и 64° долготы, типична для XVII столетия. Надписи сделаны чернилами, немецкой транскрипцией; по морю нанесен в двух направлениях путь с промерами глубин в футах, и на нем обозначено в разных местах 7 якорей. В правом нижнем углу незаполненное, обведенное линейной рамкой, место для титула карты и масштаба, в левом нижнем углу — три профиля берегов у г. Керчи. Наверху карты над рамкой помета (позднейшая) «1699 году». На обороте карты надпись чернилами, современными выполнению карты: «чертеж»; чернилами несколько другого оттенка: «четыре ланкарты», «Иван Дозоров». Карта в XVIII столетии подклеена льняным холстом клейстером из черной муки; на задней стороне холста пометы почерком начала XIX столетия: № 12 №^о + 2. Книга 2-я».

Масштаб карты определяется по имеющимся признакам, а именно, один градус равен 12,5 см (5 дюймам). В общих очертаниях берегов карта приблизительно верна. Сохранность карты плоха: пообтрепались края, частями порвана, левый край подмочен, потемнел и вздулся пузырями.

Сравнивая эту карту с картами Азовского моря, относящимися к тому же времени (или самому началу XVIII в.), надлежит остановиться на двух картах, а именно: на карте, гравированной Шхонебе-

Карта Азовского моря 1699 г.

ком в 1701 г.; и на карте, находящейся в Атласе Крюйса, изданном в Амстердаме около 1703 года¹. Первая карта, гравированная Шхонебеком, представляет редкую гравюру размером 60 × 51 см и известна в трех отпечатках: первые, сделанные при изготовлении, плохо отпечатанные, сальные, с плохо очищенной доски; вторично были сделаны оттиски в половине XVIII в. (при Елизавете Петровне) на бумаге Нотанпа очень хорошие и, наконец, третьи, очень слабые, находятся в книге Теодози: «Житіе и славныя дела Петра Вел.»².

Карта Шхонебека³ представляет Азовское море и прибрежные части в пределах приблизительно 59°30'—64°30' восточной долготы и 44°30'—47°30' сев. широты. В правой стороне листа помещена картушь, изображающая война со знаменем в левой руке; на полотнище значка изображена монограмма Хр(иста), под ним символ крепости (Азов, над — двуглавый орел (?). Знамя упирается в глобус, увенчанный полумесяцем. В правой руке воин держит пальмовую ветвь; рядом с ним фигура священника с крестом в левой руке. Между ними коленопреклоненная фигура — прислужник подает чашу с влагой припадающим к ней освобожденным представителям народностей (казак, калмык и др.), к ногам сложены турецкие знамена, бунчуки и другие трофеи⁴. В венке лозунг: *Super garrantes et undos proferet imperium*. Далее идет титул карты: «Восточная часть моря палусь меотисъ и ныне называется азовское море; великій монархъ Петеръ первый императоръ ЦАРЬ и самодержецъ всероссійскій ходилъ, позналъ и открылъ (1699) году и по его великого Государя указу выгрыдорывалъ на меди зографъ Адрианъ Шхонбекъ (1701) году. Чертежъ преславнаго и предивнаго похода морскаго Божию милостию пресветлейшаго и державнейшаго Великаго Госидаря (так!) царя и великого князя Петра Алексеевича всея великія и малыя и белыя Росіи самодержца которой дарованиемъ божіимъ от высокаго разума своего корабельной караванъ противъ всехъ чаяніи всемъ наудивление аінымъ настрахъ, такую векъ кораблями неездимую дорогу чрезъ многія мелности, и пещаныя морскіе места. Новой путь морской, взыскал и построилъ. А ОтАзова рекою дономъ доморя, и по морю докрыма и подкерча. и отътоле своего посла скораблемъ и с своего каравана посылалъ въ Царьградъ и чрезъ великое брежение и безугомоннаго оусмотрения, караванъ свои от керча назадъ привелъ. лета от рождества христова в (1699) году. А постаромъ російскомъ обыкновеннымъ счете в (1707) году. обретается же всемъ чертеже город азовъ совсеми странами, которой чрезъ его великаго Монарха непоколебимое оружие взять лета (1696) мь году и совсеми принадлежащими городами и реками, которые всеи карте описаны име-

¹ В архиве Главн. гидрографич. управления должна храниться „новая карта от всего моря Полес и Меотис от Азова до Керчи, зделан на ворониже 1702“. Быковский, „Картография“. М.-П. 1923. Ср. Эвальд, „Каталог атласов и карт в Депо... Гл. Гидрограф. Уп-ния, 1917. № 1843. Видеть ее и получить сведения о наличии не удалось.

² „Житіе и славныя дела Петра Великаго, самодержца всероссійскаго с приложением очерка о Россійскомъ государстве“... Спб., 1744.

³ О Шхонебеке см. Пекарский, „Наука и литература в России при Петре В.“ Ровинский, „Подробный словарь русских гравированных портретов; его же, „Подробный словарь русских гравированных портретов; его же, „Подробный словарь русских гравированных портретов; его же, „Разбор сочинений Д. Ровинского“, Обзорение русского гравирования на металле и дереве до 1725 г.

⁴ Ср. гравюру, изготовленную Петром у Вильде, — „Торжество христианства над мусульманством“ под смотрением Адр. Шхонебека (Пекарский, *op. cit.*, 1).

нами, А которымъ для скудности и оутеснения мѣсть имена не подписаны и те есть словомъ означены изде въ порожнемъ мѣсте приписаны къ темъ приведены и имена описаны: О мѣстах каторые ради оутеснения имена неподписаны и те азбукою означены: а город петровской стоит наполоуночной стороне реки Дону, супротивъ азова задоном: б новокрепленная каланча и ныне городъ Сергиевъ стоит наполоуденной стране Дону реки в каланчинска башня городъ Никонской супротивъ города Сергиева заДономъ: г. городъ святая троица. д. город павловский. е. город миюсъ. ж. шанцы илоусть ерика и повозка. з. белой камень. З. оулусъ на кривой касе.

Роспись началнымъ людемъ и кораблямъ, каторые по указу великаго государя были въ походе. въ морскомъ караване. А кто имена и кораблямъ какъ прозвание. и то писано ниже сего» (далее следует подробное перечисление кораблей, бывших в Керченском походе, с обозначением, кто каким кораблем командовал, и числа людей и пушек, бывших на каждом из них)⁵. После перечисления кораблей следует посвящение боярину адмиралу Федору Алексеевичу Головину, которому эта карта, как и ряд других, была поднесена Адрианом Шхонебеком.⁶ В правом углу посвящения герб Головина, а слева перечисления кораблей вторая виньетка: фигура русского воина в собольей шапке и кафтане с мечом в руке, держит четыре связанных цепями фигуры. В левом верхнем углу карты нанесен линейный масштаб в три строки: первая строка: «разделена на 6 частей по 10 минут каждая, всего 1 градусъ». Вторая линия масштаба, равная первой, разделена на 6 частей с небольшим излишком и над делениями представлено «5.. 10... 40.42 верст, а в версте 240 саж.». Третья линия разделена на три деления, и над ними «5.10.15 мілень»⁷. По морю нанесены, как и на рукописной карте, промеры в футах и якоря, причем промеры рейда Таганрога более подробны, в остальных частях точно совпадают с рукописной картой.

⁵ Ввиду того, что перечисление кораблей, бывших в Керченском походе, их наименования на карте Шхонебека отличны от перечисления и наименований в других источниках, считаем не лишним выписать здесь полностью это перечисление с карты Шхонебека: „А. Боляринъ и адмираль Ѳеодоръ Алексеевичъ головинъ, а корабль его именовалса скорпиюмъ а на немъ было людей 300 человекъ да 52 пушки, половина медныхъ, а другая чюгунныхъ, данатомъ же корабле капитанъ былъ абрамъ рейсъ: в фись адмираль Корнелиусъ Крююсъ, а корабль его именовался на чанье благодатства, а нанем 165 человекъ да 36 пушекъ медныхъ дачюгунныхъ г. шходбенахтъ иоанъ рейсъ а карабль его именовался светъ воинской, а нанемъ было 175 человекъ да 36 пушекъ чюгунныхъ. д. Капитанъ ПИТЕРЪ (оставлено свободное место), а корабль его именовался отворены врата, а нанемъ было 240 человекъ да 42 пушки медныхъ е. капитанъ Питеръ фам памберхъ, а корабль его именовался, сила, ананем 160 человекъ да 36 пушекъ. с капитанъ симонъ рожюсъ кинъ, а корабль ево именовался мочь, ананем было 160 чело да 36 пушекъ. з. командeurъ ян бекаръ, а корабль его именовался буйство, ананемъ было 150 чело да 36 пушек: и. командeurъ еронимусъ меиръ, а корабль ево именовался безстраху, а нанемъ было 150 человек 36 пушек; д. командeurъ ендрикъ фохтъ, а корабль ево именовался прозваниемъ святаго апостола Петра и нанемъ было 125 человек да 28 пушек; и. командeurъ янъ варлантъ, а карабль его именовался меркюриусъ, ананемъ была 125 человек да 28 пушек и (? капитанъ лукасъ делисин, а галера его именовалася правда а наней было 375 человекъ пять пушекъ да двадцать две басы 12 капитанъ (оставлено свободное место) стациюсъ а галера его именовалася заецъ стоячей а наней было 375 человек да 5 пушек да 22 басы: шесть бригантиновъ да шесть суркатовъ да четыре судна казацкихъ.“ Лигатуры, титлы и цифры, которые в перечислении у Шхонебека в зде выражены славянскими буквами, раскрываем.

⁶ Ср. Изображение оказания морских берегов... от Азовского моря... до Константинополя... Христ Отто... 1700 г.

⁷ Доска не сохранилась (см. Ровинский, „Подробный словарь русских граверов“).

Вторая карта Азовского моря находится в Атласе Крюйса (Cruys), изданном в Амстердаме без обозначения года. Атлас встречается редко⁸, а потому представляется не лишним дать более подробное его описание. На выходном листе гравированное изображение Петра I в рост с аллегорическими атрибутами: мечом в одной руке и короной в другой. На этом же листе помещен первый малый титул атласа на русском и голландском языках следующего содержания: «Прилежное описание реки Дону или Танаиса Азовского моря или Езера Меотскаго понта Эуксинскаго или Черного моря; при сем приложено изображение покспа воеже Илавлу в'вести камышенкою рекою в'Волгу или вастраханскую реку яжебъ тем илавлинскимъ наводнениемъ в'водити издону илавлою и камышенкою реками в'великую реку Волгу корабли и протчие водные суды от болшия части собственнымъ изобретаниемъ гд-на Корнелиа Крейса надъ Его Самодержавнейшаго царского Величества морскими силами вице-адмирала». Внизу под изображением еще следующие строки: «Вамстердаме оу Генрика дункера книгъ чертежныхъ художествъ продавца Винбургской улице Вкормчем орудии с привилиею». Тот же титул повторяется и на голландском языке. На втором листе помещен большой титул атласа также на двух языках следующего содержания: «Новая чертежная книга содержащая Великую реку Дон или Танаисъ по ея истинному положению, расширению и течению из города Воронежа, даже до того где она в море впадает совсеми текущими реками, островами, городами, деревнями, монастырями и проч. Присем зело любопытный чертежъ Азовского моря или Езера Меотскаго и Понта Еуксинскаго или Черного моря со всеми их глубинами, мелями, принадлежащими реками, пристанми, городами, присем приложено Изображение Прокопа, во еже и Илавлу въ вести Камышенкою рекою Въ Волгу или Въ Астраханскую реку яжебъ темъ илавлинскимъ наводнениемъ въ водити из Дону илавлою и камышенкою реками Въ Великую реку Волгу карабли и протчие водные суды. Все зело прилежно и собственнымъ изобретаниемъ собрано мерою оловянною водяною вымереной. Приписано или поручено Его Пресветлому Височестию Алексию Петровичю Наследственному Принцу Кесарствъ, Королевствъ, Княжествъ, Государствъ Его Государя Отца Его Самодержавнейшаго Царскаго Величества Корнелиа Крейса над его вышереченного Величества морскими силами Вице-Адмирала в Амстердаме Оу Гендрика Дункера книгъ чертежныхъ художествъ продавца В иноруской улице В кормчемъ орудии с привилиею».

Из 17 карт этого атласа на 16-й карте изображено Азовское море. Размер карты 56 × 49 см. Восточная часть моря, как и на указанных выше двух картах, изображена до 64°30', западный же берег положен произвольно, приблизительно по 59°20', здесь обозначен Перекоп, в действительности находящийся западнее. Южная граница карты проведена по 44°30'. На карте также нанесены промеры глубин в футах и 7 якорей и обозначены прибрежные места. В левом верхнем углу помещен масштаб в трех строках, в первой строке: „Gemeene duytsse Mylen van 15 in een Graad, во второй „Moscovische Wursten van 42 in een Graad“, в третьей — „Engelse en Fran. Mylen 20 in een Graad“. В правом нижнем углу — титул карты на голландском языке следующего содержания: „Nieuwe Seer Accurate en Naauwkeu-

⁸ Ср. Геннади.

rige Kaart van het Palus Meotis en Asofsche Zee mer aennysinge van alle der selven, dieptens, droogtens etc. Afgemeten int Jaer 1699 in tegenwoordigh vanden Grooten Heer Czaar en Grot Jorst Peter Alexiwitz door Godes genan Keyser van geheel, groot kleyn en Wit Rusland mitzgaders van veele andere Oostelyke, Westelyke en Noordelyke Coninkryken Heerschappyen Vorstendommen en landen Syner Hooghwaarde Vader en Vooryarderlyke eryl Heer en Beheerschen Selfs houder Mitzgaders althoos onderwinnelyke en vermeerder des Kykx et ceter. aan Wien dese Kaart in alle Eerbiedigheyd werd opgedrajen door syn Majesteyts alder ootmoe digste en gehoorsaemste Dienaer Cornelius Cruys Majesteyts Zeemacht... tot Amsterdam by Hendrick Doncker inde Nieuwburg Steeg in't Stuurman Gereetschop met Priv⁹.

В этом титуле особое внимание обращают на себя следующие слова: «Afgemeten int Jaer 1699 in tegenwoordigt... Peter Alexiwitz». (вымерено в 1699 году в присутствии Петра Алексеевича). Этими словами устанавливается точно время составления карты — август 1699 г., когда Петр с флотилией сопровождал своего посла Украинцева до Керчи¹⁰. Об этом говорит и Голиков: «Украинцеву было повелено вести исправный журнал пути своего от Азова до Константинополя, а капитан фрегата того Памбург Черному морю, берегам онаго и въезду в Константинополь снял карту... А между тем «под собственным смотрением (Петр) повелел г. Крюйсу сочинить карту Азовского моря»¹¹.

Эта карта имела, надо полагать, общий оригинал с картой Шхонебека, посвященной Керченскому походу 1699 г., и была составлена тогда же, как о том и говорит Голиков в упомянутом месте.

Дата выполнения рукописной карты Государственного Исторического Музея может быть установлена, кроме данных, материала — бумаги XVII в., на которой она изготовлена, также и путем сопоставления разбираемых нами трех карт.

Сравнивая карты, мы видим, что все они дают изображение «восточной части» Азовского моря, причем границы изображения совпадают, так как западное побережье на карте Крюйса нанесено произвольно, не с натуры, на картах же Шхонебека и рукописной тождественны¹².

На всех трех картах подробности очертания берегов также совпадают, кроме южной части, где на картах Крюйса и Шхонбека нанесены часть Черного моря, чего нет на рукописной; совпадают также изображенные на картах впадающие в Азовское море реки, вдающиеся в него косы и прибрежные населенные пункты, вполне совпадает также изображение устья Дона, причем в тех случаях, где на рукописной карте надписи хотя и отсутствуют, в большинстве имеют обозначения этих мест¹³.

⁹ Об атласе см. Вестн. Г. О. 1857 г., кн. VI, 1858 г., кн. III, „Отечест. Записки, 1824 г., № 53—56. Экземпляры атласа встречается раскрашенными и черными.

¹⁰ Соловьев, „История России“, т. III, р. 1231—32.

¹¹ Голиков, „Деяния Петра В.“, т. I, стр. 347.

¹² Карта Крюйса была воспроизведена Н. Фишером под следующим титулом: „Nouvelle Carte Geographique de la Mer d'Asof ou de Zabache et des Palus Meotides. Exactement dessinée et mise en lumiere par Nicolas Visscher“. (На этой карте также обозначены промеры и якоря, но путь следования флота не обозначен, и все цифры потому как бы случайны), а также М. Seuttero'м: „Nova Mappa Geographica Maris Assoviensis vel de Zabache et Paludis Maeotidis, accurate aeri incisa et in luce(m) edita per Matthaeum Seutter, S. C. M. geogr“.

¹³ См. Приложение 1.

Близкое родство всех трех карт подтверждается также нанесенными на них промерами глубин, которые, как видно из приложенной таблицы ¹⁴, совпадают почти до точности.

Наконец, что рукописная карта стоит в непосредственной связи с другими двумя картами, подтверждается и следующими, кроме общих, частными наблюдениями: на рукописной карте и карте Крюйса обозначена река «Trimili» (современная Карпили), на карте Шхонебека река обозначена, но название не надписано, — может быть, следствие неточности названия и его неясности на подлиннике, с которого Шхонебек резал свою карту; на рукописной карте и карте Крюйса к северу от Бердянской косы обозначено озеро и вместо названия дано буквально то же объяснение: рукописная — «Einer Seesende Salts Sees», карта Крюйса — «Kom of Staande Meer Waer in Sout gonden Wort». Между картами рукописной и Шхонебека таких взаимных влияний может быть отмечено еще больше, — взять хотя бы устье Дона и район около Таганрога. Таким образом, на основании вышеизложенного можно признать, что и рукописная карта Исторического Музея относится к 1699 г. и имеет общий с картами оригинал, если не является сама таковым.

Невольно внимание исследователя этих карт останавливает на себе еще один вопрос: что обозначают на всех трех картах те два пути с промерами, которые нанесены от Таганрога до Керчи и обратно, и те 7 якорей, которые означены в разных местах этих путей? Что они сделаны одновременно и что они нанесены на все три карты с одного источника, это доказывается их точным совпадением, что могло произойти только в том случае, если промеры делались в одно и то же время на одном рейсе. Известен только один морской рейс в это время по Азовскому морю — это поход Петра с флотом под Керчь в августе 1699 г. Из сопоставления данных, которые можно извлечь из Походного журнала 1699 г. ¹⁵ о пути флота и его стоянках на якоре во время пути с направлением пути и местами, обозначенными якорями на картах, невольно напрашивается вывод, что путь, обозначенный на картах, есть путь флота в августе 1699 г. под Керчь и обратно, а промеры глубин сделаны во время этого похода. Крюйсу было поручено составить карту Азовского моря, и он это поручение выполнил во время похода под Керчь, и тогда же были сделаны промеры ¹⁶. Другого более удобного времени нам, на основании источников, неизвестно.

Таким образом, рукописная карта Исторического Музея относится к 1699 г. и, можно полагать с вероятностью, выполнена именно в этом году. Эта карта является оригиналом, с которого затем были сделаны карты Шхонебека в 1701 г. и карта Крюйса, помещенная им в атласе, изданном в Амстердаме в 1703 г. ¹⁷. Эта карта одна из тех «четырёх ландкарт», послуживших оригиналами для карт, находящихся в атласе Крюйса: Таганрогский рейд, Азовское море, Черное море и карта входа в Константинополь. Это подлинная карта Азовского моря, составленная «под смотрением» самого Петра в 1699 г. во время Керченского похода.

¹⁴ См. Приложение 2.

¹⁵ См. Приложение 3, по изд. 1853 г.

¹⁶ Ср. выше, титул карта Крюйса. между прочим, слова: „мерою оловянную водяною (лот.) вымереной“.

¹⁷ См. выше сноску 9.

ТАБЛИЦА

названий на картах Азовского моря—рукописной Государственного Исторического Музея, Шхонебека 1701 г. и Крюйса в его Атласе 1703 г.

Рукописная ГИМ	Шхонебека	Крюйса
Birutschia Kasa	Бирючья коса	Beritzky Cossa
R. Moloschna	Река Молошна	R. Moloschna
Nischna Berda	Нижняя Берда	Niesna Berda
Wersneu Berda	Верхняя Берда	Berdinsko Cossa
R. Berdinka	Река Бердинская	R. Berda
Belosaraiska Kasa	Белосарайская коса	Bello-Seriansky Cossa
R. Kalmius	Река Калмиусь	Calmius
R. Jalandic	Река Аланчик	Iallanchieca
Kriwa Kasa	Кривая коса	Kriwoi Cossa
R. Mius	Река Миусь	R. Mius
R. Sambek	Речка Самеек (так!)	R. Sambek
R. Morskoi Tschulik	Морской Чюликъ	Morschoi Tschulik
R. Donetskoi Tschulik	Донецкий чюликъ	Donetzkoi Szschulik
R. Nischnei Thtzhalter	Реч. Нижней Чалтер	} Tzschalter
R. Wergnei Thschalter	Реч. Вер. Чалтер	
R. Kagalnik	Речка Кагалникъ	Kagalnick of R. Kamsick
Tzschumburska kasa	Чюмбургская коса	Schibaer cossa
Trimili	—	R. Trimeli
St.	Город Отчуй	Ootchoe
R. Kuban	Кубань река	R. Koeban
Jerik	Ерикъ	Jerik
S. Temruc	Город Темрукъ	Temroeck
S. Taman	Город Тамань	Taman
S. Kiseltasa	Город Киселташ	Kieslitas
S. Kertzch	Город Керчь	Kirtz
Azof	Городъ Азовъ	Az f
(две каланчи) ¹⁸	Две каланчи	Kalantzcha st Nikon
(город Лютик)	Городъ Лютикъ	Kalantzcha st Serie (так!)
(улус у Кривой косы)	Улуз	Lutik
А	Старинное строение ша- нецъ	—
(Проставлены буквы, но обозначение не указано, можно предполагать с точ- ностью)	р. Куторма	Kuturme
Einer Seezende Saltz sees	р. Лагутиик	R Labutnic
	р. Донъ	Rivier Don
	Донец	R Donetzka ¹⁹
	(не обозначено)	обозначено озеро с над- писью: „Kom of Staande Meer Waer in Sout geron- den Wort“
Ein Stuck von Krim	Кримска часть	—

¹⁸ Места, заключенные в скобки, на карте не надписаны, а только обозначены.

¹⁹ На карте Крюйса обозначено несколько названий на Кубанской стороне, которых нет ни на карте Шхонебека, ни на карте рукописной. Они могли быть нанесены дополнительно, так как Атлас имел целью не только дать карту Азовского моря, но и места, лежащие южнее,—Черное море.

ТАБЛИЦА

промеров в футах глубин Азовского моря, обозначенных на картах—рукописной Государственного Исторического Музея, Шхонебека и Крюйса

Рукописная ГИМ	Шхонебека	Крюйса
От Таганрога до Керчи		
11, 10, 13, 18, 25, 23		11, 10, 13, 16, 18, 19, 24. 23.
24. 25. 24. 23. 25. 30	Совпадают с рукописной	24. 25. 36. 42. 36. 30. 24.
30. 36. 42. 42. 36. 30. 24		24. 20. 24. 48. 54. 54. 46.
24. 20. 24. 24. 20. 24. 36		36. 42. 30. 24. 18. 20. 17.
48. 54. 54. 48. 36. 42. 30		16. 15. 14
24. 18. 20. 17. 16. 15. 14		
От Керчи до Таганрога		
20. 18. 24. 30. 36. 42	Совпадают с рукописной	Совпадают с рукописной, кроме 2 цифр: 48—45; 36— 26 (вп. возможная описка).
48. 56. 54. 49. 48. 44		
42. 36. 44. 48. 42. 42.		
36. 30. 36. 25. 24. 23		
23. 20. 17. 15. 14. 13. 11. 12.		

Приложение 3

ВЫПИСКА ИЗ „ЮРНАЛА 207-го и 208-го ГОДОВ“

(Походного журнала за 1699 г.)

- Август: 14. В 4 часу дня пошли в путь ветромъ Норденъ тень остень и шли во весь день доброю погодою...
Шли во всю ночь и проехали Долгую косу.
15. До вечера за 2 часа стояли на якори.
16. После полуночи пол 3 часа, вынувъ якори, пошли в путь нордомъ и шли во весь день. К вечеру увидели Никольский острогъ²⁰. Стали на якори за противнымъ ветромъ...
17. Стояли за противнымъ ветромъ.
18. По утру рано вынувъ якори, пошли в путь нордомъ; в полдни пришли подъ городъ Керчь.
25. После полудня пол 2 часа пошли зюденъ-остень.
26. В 6 часу дня увидели берегъ, в 9-м стали на якорь за противнымъ ветромъ. В 4 часу ночи пошли въ путь и шли суйтъ ветромъ часъ и стояли за тихим ветромъ 10-ть часов; пошли сюдь-тень-остень...
29. ...передъ вечеромъ пошли зюденъ-тень вестомъ; в ночи стали на якори...
30. Передъ вечеромъ пошли въ путь остень-норденъ и шли во всю ночь доброю погодою.
31. После полудня пришли къ Таганрогу.

²⁰ Witzen в „Noord en oost Tartarye“ говорит: „Op de Westelijke hoek, binnewaerts staet een Klooster eertyds ter gedahtennisse van St. Nicolaes gebouwt, doch nu werwoest en verlaten; alwaer de naem aen desen hoek noch bewaert helft de Kaep van St. Nicola“ (Witsen op c. t. II, p. 590. Amst. 1785. Ср. там же карту „Palus Maeotis... door Witzen 1690).

Л. И. ЯКУНИНА

ОТПЕЧАТОК НА ШЕЛКУ ГРАВЮРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИМИТРИЯ КАНТЕМИРА

В 1926 г. в Государственный Исторический Музей вместе с одним частным собранием¹ поступила оригинальная гравюра работы Ивана Зубова и Григория Тепчегорского, напечатанная на шелку. На ней изображена аллегорическая сцена перехода в русское подданство молдавского господаря Димитрия Кантемира; гравюра датирована 1712 г.

Отпечатки гравюр на ткани представляют для этого времени исключительную редкость². Нам известны лишь четыре оттиска на шелку русских гравюр XVIII в. Две из них находятся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и две — в Кабинете консервации документов Академии Наук СССР.

Одна из гравюр Публичной библиотеки, датированная 1714 г., без подписи, оттиснута на белом байбереке 87 × 62 см и изображает Петра I, над которым держат корону два гения³.

Другая гравюра в той же библиотеке — на белом атласе 185 × 118 см. — известна под названием «Тезис Обядовского»⁴ и заключает изображения Петра и Ивана Алексеевичей.

Из гравюр на тканях, хранящихся в Кабинете консервации документов⁵, — первая 1716 г., подписанная П. Пикаром и Ал. Зубовым, на белом атласе, представляет бракосочетание Петра I и Екатерины I⁶, а вторая 1724 г., с доски, резанной Ив. Зубовым, отпечатана на китайском белом атласе, затканном овальными клеймами, содержащими стилизованных драконов, и изображает коронацию Екатерины I⁷.

Ткань, на которой сделан оттиск гравюры с изображением Димитрия Кантемира (в собрании Исторического Музея) — плотный шелк, шириной 80 см. Эта ткань называлась в древней Руси байберек⁸. Байберек часто встречается в разнообразных предметах XVII в.

¹ Уваровых, из „Поречья“. Кн. пост. ГИМ № 57520/71 (отд. бытов. иллюстрации).

² Если не считать специфической категории культовых предметов, так называемых „антиминсов“, печатавшихся как с деревянных, так и с медных досок на полотняных, шелковых и бумажных тканях.

³ В. Стасов, „Галерея Петра Великого в Публич. б-ке“, т. I, ч. 1, Спб. 1903 г., стр. 5, № 26; под этой гравюрой текст: „Под надзрением... генерала фельцейх мастера Якова Вилимовича Брюса от библиотекаря В. К.“ (Василия Киприянова).

⁴ Там же, стр. 2, № 9; Д. Ровинский, „Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX в.“. Спб., 1895 г., т. II, стр. 1232.

⁵ К сожалению, обе они подклеены и наложены на тюль.

⁶ Эта гравюра у Ровинского отсутствует.

⁷ Д. Ровинский, Подробный словарь русских гравированных портретов, Спб., 1887 г., т. II, стр. 760, № 93.

⁸ О байбереке см. Сборник Оружейной палаты М. 1925 г., стр. 51—53.

В Государственном Историческом Музее хранятся знамена Петра I, сделанные из черного байберека⁹, ширинка — байберек алый¹⁰, спорок покрывки для митры — байберек оливковый¹¹ и пр.

Байберек, на котором отпечатана описываемая гравюра, чисто шелковый, негустого оливкового цвета и, можно думать, китайского происхождения¹². Самая ткань по своему строению принадлежит к одному из сортов граденаплевого переплетения. На ней выткан узор из мелких одноцветных семиточечных звездочек, расположенных параллельными рядами¹³. Узор образуется от перекидки основных нитей, под которыми проходит уточная нить. Уток и основа имеют по две ссученных нити, чем определяется особая прочность ткани. Плотность нитей на основе 40 на 1 см², по утку — 36. Ткань поражает своей прочностью — почти ни малейшего повреждения, хотя прошло более 225 лет, как гравюра вышла из-под резца мастера и — надо думать — сделан настоящий оттиск.

Узор ткани отнюдь не нарушает ясности рисунка гравюры; напротив, он, давая рельефный фон, оживляет контуры рисунка и придает ему большую пластичность. Размер гравюры 157 × 120 см. По оттиску можно видеть, что гравюра сделана на меди. На ткани ясно видны контуры восьми досок.

Общая композиция, а отчасти и детали гравюры¹⁴, находят себе объяснение в исторических документах, относящихся к изображенному событию и лицу; с другой стороны, гравюра полна символов и эмблем, которые искусство того времени черпало в первую очередь из знаменитой книги «Символы и эмблемы», изданной впервые на семи западноевропейских языках в Амстердаме в 1691 г. и затем в 1705 г. — по указу Петра в Амстердаме же, но для России, с надписями на русском языке¹⁵.

В 1711 г. в русское подданство переходит молдавский господарь Димитрий Кантемир, отец известного русского писателя Антиоха Кантемира. В то время Молдавия состояла под протекторатом Турции. Во время шведской войны, когда русские войска двигались к югу, Порта была заинтересована в том, чтобы иметь во главе Молдавии человека ей близкого, которому она могла бы вполне доверять. Султан по совету шведского короля и крымского хана назначает мол-

⁹ ГИМ, по описи знамен №№ 4526/4527.

¹⁰ Из собр. П. И. Щукина № 20796, хр. в ГИМ.

¹¹ ГИМ, № Р. Б., 1140/20560.

¹² В отделе тканей Гос. Историч. Музея имеется образец черного байберека

XVII в. с семиточечными звездочками (№ $\frac{364}{21552}$ — из собрания П. А. Щукина).

Конец образца заработан — на нем выткана надпись на китайском языке. Так как ткань, на которой сделана гравюра, — той же выделки и очень схожа с упомянутым байбереком, то ее можно отнести также к китайским тканям.

¹³ Ткань схожа с байбереком упомянутой выше гравюры Публичной библиотеки, но только узор байберека, на котором оттиснуто изображение Д. Кантемира, состоит из пятиточечных звездочек.

¹⁴ Ровинский в своем „Словаре гравированных портретов“ (т. II, стр. 1060), говорит о гравюре (на бумаге), во всем совпадающей с нашей, за исключением того, что на последней Кантемир изображен безбородым, а в описании, даваемом Ровинским, — с большой окладистой бородой. К сожалению, ни в одном собрании нам не удалось найти оттисков гравюры, описанной Ровинским. Не исключена возможность, что Ровинский описывает гравюру, совпадающую по изображению с нашей, ошибочно приняв за „большую окладистую бороду“ мясистый, со складками, подбородок Кантемира.

¹⁵ П. Пекарский, „Наука и литература при Петре Великом“, ч. II, 1862 г., стр. 112.

давским господарем Димитрия Кантемира. Но когда Турция объявила войну России, «Кантемир, слабый между двумя сильными, прибегнул к оружию слабого — хитрости»: он вошел в тайные сношения с Петром и в это же время испросил у визиря разрешение «прикинуться другом русских, чтобы лучше проникнуть их тайны»¹⁶.

Для того чтобы привлечь турецких христиан на сторону России, Петр I старался придать войне с Турцией характер религиозной борьбы против врагов православной церкви. В своей грамоте к черногорцам Петр пишет: «С любезноверными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаем против врага, ибо должно презреть страх и трудности за церковь и православную веру и не только воевать, но и последнюю каплю крови пролить, что от нас по возможности и учинено будет... ибо мы себе иной славы не желаем, только да возможем тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить... и поганина Магомета наследники будут прогнаны в старое их отечество, пески и степи Арапские»¹⁷. Отзвуки этого обращения нам встретятся в трактовке, которую получило в гравюре изображенное на ней событие. То же касается обстоятельств и условий самого перехода Кантемира в русское подданство.

Когда Петр, следуя за войсками, прибыл в Луцк, Димитрий Кантемир прислал к царю «греческого врача Поликола с предложением подданства своего: государь принял сие предложение и послал к нему диплом за своею рукой, в котором в семнадцати статьях описаны с одной стороны обязанности князя, вступающего в подданство России, а с другой обещаваемые ему и потомкам его от государя за верную их службу выгоды»¹⁸.

Эти условия (*conclusiones*) непосредственно входят в состав печатных надписей (тезисов) гравюры.

Договор был заключен 13 апреля 1711 г., и Димитрий Кантемир с одной тысячей молдаван переселяется в Россию: как показано будет в дальнейшем, этот именно момент и запечатлен в символическом виде на описываемой гравюре.

По переходе в русское подданство Кантемир был признан «светлейшим князем», получил обширные поместья, в числе их город Дмитров в бывш. Орловской губ. и 17 000 душ крестьян¹⁹.

Димитрий Кантемир может считаться весьма образованным человеком своего времени. По словам его жизнеописателя проф. Беера, «главное его удовольствие всегда составляли науки»²⁰. Кантемиром

¹⁶ С. Соловьев, „История России с древнейших времен“, кн. IV, стр. 60.

¹⁷ Там же, стр. 62, грамота царя Петра к черногорцам.

¹⁸ И. Голиков, „Деяния Петра Великого“, М., 1788 г., ч. III, стр. 323.

¹⁹ Е. П. Карнович, „Замечательные богатства частных лиц в России“, Спб., 1885 г., стр. 113.

²⁰ „Происхождение родословия князей Кантемиров“, в книге „История о жизни и делах молдавского господаря Константина Кантемира, сочиненная Петербургской Академии Наук профессором Беером“, 1783 г., стр. 281.

Беер дает следующую любопытную характеристику Димитрию Кантемиру и его образу жизни (стр. 312): „Князь Димитрий был среднего росту, более сух, нежели толст. Вид имел приятный и речь тихую, ласковую и разумную. Вставал он обыкновенно в пять часов поутру, и, выкурив трубку табаку, пил кофе по турецкому обыкновению; напоследок в кабинете своем упражнялся в науках до полудни; он было часом его обеда. В столе любимое его кушанье цыпляты, изготовленные с щавелем. Он не пил никогда зельного вина с тех пор, как случилось ему быть болну две недели от излишества оногo: сей случай вселил в него омерзение к питию. Он имел привычку несколько спать после обеда, потом возвращался паки к учению до семи часов. Тогда он входил в домашние свои дела и надзирал над своим семейством. Он ужинал с оным в десять часов, и ложился в пол-

составлен целый ряд монографий, не потерявших интереса и до наших дней, например, «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», переведенное на русский язык и изданное Левшиным в 1789 г., «Древняя и новая история Дакии», «История образования и падения Оттоманской империи», написанная автором по-латыни и переведенная в XVIII в. на английский, немецкий, французский и итальянский языки. Известны и другие его произведения, в том числе написанная на русском языке «Система турецкого вероисповедания». Кантемир свободно владел рядом восточных языков, а также французским, итальянским и греческим.

Центральное место на гравюре занимает изображение самого Дмитрия Кантемира верхом на коне, у ног коня — сброшенные Кантемиром с себя шлем со страусовыми перьями, пика и прочие военные доспехи: он — безоружный, с непокрытой головой переходит в новое подданство (рис. 1). Сброшенный головной убор подчеркивает, что Кантемир уже свободен от обязательств, вытекающих из обряда, который выполнялся, со времени зависимости Молдавии от турок, при посвящении молдавских господарей, т. е. со времени Богдана III. Этому обряду предписывал «по соизволению (Султанскому) «вздеть на князя шапку, искусно сделанную из страусовых перьев»²¹. «При чем, — как добавляет Кантемир, — сия головная покрывка есть собственно наряд янычаров²² и князю за тем возлагается, что имеют они место в янычарском корпусе».

Правая рука Дмитрия Кантемира держит повод коня, а левой он указывает на следующих за ним молдаван. Конные молдаване выступают из турецкого города-крепости, где на православных церквах водружен полумесяц.

На стене города стоит Афина-Паллада, — олицетворение военной мудрости²³, в руках у нее постоянный ее атрибут — копье²⁴ и щит с головою Медузы²⁵; Афина-Паллада сопровождает уходящих словами Вергилия: «*Neu fuge crudeles ferras, fuge littus avarum*»²⁶ (Virg., 2,25 — «О, беги от ужасных земель, беги от алчного берега»). Голова Дмитрия Кантемира обнажена, длинные кудри напоминают прическу на портретах Петра I²⁷, лицо бритое, с небольшими усами, южного типа»²⁸ (рис. 2).

Одет Кантемир на гравюре несколько фантастично: на нем латы, под ними длинное, ниже колен, платье, поверх лат мягкий, матерчатый пояс и через плечо лента, а сверху наброшен плащ или епан-

ночь. Впоследствии будучи сделан членом сената, находил себя обязанным переменить образ жизни. Сверх того должно было уделять несколько часов и для молодой своей супруги. Государственные дела, с одной, и прелести любви достойной особы, с другой стороны, не очень вместины с приманчивостью ученого кабинета».

Д. Кантемир похоронен в Греческом мон. на Никольской улице в Москве.

²¹ Д. Кантемир, «Историч., географич. и политич. описание Молдавии», перев. Левшина, 1789 г., стр. 148.

²² Несколько таких головных уборов янычар издано у де-ля-Марсеньи, «Военное состояние Оттоманские империи с ее приращением и упадком», Спб., 1737 г., ч. 1., стр. 51—57.

²³ L. Preller, „Griechische Mythologie“, Berlin, 1887 г., т. I, стр. 216.

²⁴ Там же, стр. 214.

²⁵ Там же, стр. 192.

²⁶ Орфография гравюры.

²⁷ См. портрет 1697 г. работы Годфрида Кнеллера, изображенный и на заглавном листе книги „*Symbola et emblemata selecta*“ (1707 г.).

²⁸ На гравюре, описанной Ровинским (см. выше, примеч. 14), Кантемир представлен с большой окладистой бородою. Д. Ровинский, „Подробный словарь гравир. портретов“, т. II, стр. 1060.

Рис. 1. Димитрий Кантемир переходит в русское подданство (гравюра 1712 г.)

ча. У седла — ольстра (пистолетный чехол); на ней изображение молдавского герба (бычьей головы). Конь Кантемира попирает своими ногами турецкую «тугру» (султанский знак) и османские знамена с изображением луны.

Перед Д. Кантемиром, несколько выше, на троне сидит женская фигура, с короной на голове, с двуглавым орлом на правой стороне одежды — символическое изображение «Величества царского», олицетворяющее Россию.

Рис. 2. Погрудное изображение Дим. Кантемира (с гравюры)

В «Иконологическом лексиконе» мы читаем: «Величество царское представляется в образе сидящей жены важного вида, в богатом одеянии, голова убрана царским украшением. В одной руке держит скипетр, а в другой орла. Птица сия была у египтян знаменованием царской власти, по той причине, что Юпитер, по баснословию, дал ей преимущество над всеми прочими птицами»²⁹. На описываемой ткани «сидящая жена важного вида» правую руку положила на один из эфесов, которые символично держат перед нею народы; в левой руке она держит скипетр и древко от большого стяга, на котором изображен символ императорской России — двуглавый орел. Левая нога «сидящей жены» покоится на преклоненном перед нею знамени, на котором изображен кронованный лев — герб

шведского государства. Надо думать, этим подчеркивается полтавская победа Петра I над Швецией. Возле лица этой женской фигуры, от ее щеки к стягу, простирается надпись, сделанная по-латыни: «Eum, qui venit ad me, non ejiciam» («не отвергну приходящего ко мне», ев. Иоанн, гл. VI, 37).

За сидящей женской фигурой расположены склоненные знамена и трофеи побед, а над ними в левом углу — распятие, как символ объединения турецких христиан. Объяснение этого символа можно

²⁹ «Иконологический лексикон или руководство к познанию живописного и резного художества, медалей, эстампов и пр.". С франц. переведен Академии Наук переводчиком. Иваном Акимовым, Спб., 1763 г., стр. 40.

найти в грамоте царя Петра I черногорцам: «Народы, почитатели распятого Христа бога нашего, через его же все надеемся в царствии его внити, добросердечно потрудившись за веру и церковь»³⁰.

От распятия исходит сияние. Один из пучков света падает на Кантемира. В этих световых полосах даны изречения, взятые тоже из евангелия, например: «*qui sequitur me, non ambulat in tenebris*», т. е.: «кто следует за мной, тот не ходит во тьме» (Иоанн, 8, 12), или: «*Et ego si exaltatus fuero a terra, omnia traham ad me ipsum*», т. е.: «И когда я вознесен буду от земли, всех привлеку к себе» (Иоанн, 12, 32) и пр.

У Ровинского все изречения на описываемой им гравюре названы «богословскими»³¹. С этим определением согласиться нельзя, так как большинство из них либо политического характера, либо взяты из художественной литературы (например, цитаты из Виргилия), и лишь часть тезисов носит богословский характер, но и они применены непосредственно к данным политическим обстоятельствам.

Над описанным стягом, держа его правой рукой, парит над Дмитрием Кантемиром «Слава», в левой руке у нее — венок, которым она венчает Кантемира. Приводим опять в пояснение выписку из цитированного выше «Иконологического лексикона»: «Слава — аллегорическое божество, представляется в виде прекрасной женщины, в пребогатом одеянии...; и в руках своих держит золотые лавровые венцы для награждения тех, кои прославились храбрыми или иными какими похвальными делами»³². «*Bonis avibus*» («в добрый час») — говорит надпись, исходящая от «Славы». Над «Славою», в правом углу гравюры в облаках, опять-таки символично, изображены «мученик Дмитрий», имя которого носит Кантемир, и «пророк Моисей», который, по библейскому сказанию, вывел евреев из-под ига египтян (намек на вывод молдаван из-под ига турок). Налево от Моисея у его ног сидит женская фигура в современном платье с державой на голове — повидимому, олицетворение Молдавии.

В нижнем левом углу гравюры стоит фигура безбородого юноши или женщины с солнечной диадемой на голове и с развернутым свитком в руках, на нем текст, озаглавленный «*Conclusiones*».

Здесь приводится на латинском языке³³ то «заключение», те 17 пунктов, на основании которых молдаване переходят в подданство России³⁴. Самая эта фигура, повидимому, олицетворяет собой мудрость, по «Иконологическому лексикону»: «Лакедемоняне, желая изобразить Премудрость, представляли ее в виде молодого человека...»³⁵ и далее: «Премудрость божия обыкновенно представляется в виде солнца, которое служит ей вместо диадемы»³⁶.

В нижней части гравюры центр занят щитком с несколько стилизованным гербом Молдавии, включающим в себя эмблему Молдавского господарства — голову буйвола (бычью), а кругом буквы — D. C. S. R. I. P. P., т. е. «*Demetrius Cantimir Sancti Rossiaci Imperii*

³⁰ Соловьев. «История России с древнейших времен», кн. IV, Спб., стр. 62.

³¹ Д. Ровинский, «Словарь грав. портретов», т. II, стр. 1060.

³² «Иконологич. лексикон...», стр. 267.

³³ Нужно отметить, что все надписи сделаны по-латыни, кроме «Мученик Дмитрий» и «Пророк Моисей».

³⁴ Полное собрание законов Российской Империи, т. IV, 1830, стр. 659, 2547.

³⁵ «Иконологический лексикон...», стр. 242.

³⁶ Там же, стр. 243.

Patricius Princeps («Димитрий Кантемир Священной Российской Империи Светлейший князь»).

Уже на монетах Богдана I, прозванного Мушатом, во второй половине XIV в., мы видим надпись: «Bogdan Vojevoda Moldaviensis» и изображение буйволоу (бычьей) головы со звездой между рогами³⁷ (рис. 3).

Сам Димитрий Кантемир рассказывает следующее о происхождении герба Молдавии, приурочивая его к одной из поездок Драгоша, сына короля Богдана (XIII в.), через горы: «На пути оном попался ему невзначай буйвол, называемый по-молдавски «джимбир», и будучи от него гоним, сбежал к подошве гор. Как молодая любимая его гончая собака, кою кликал он «Молда», бросилась на буйвола и очень прытко, то вскочил он в реку, где и убит стрелами. Собаку, искавшую бегущего буйвола на воде, унесло быстрое стремление реки. На память сего случая Драгош во-первых назвал реку сию Молдою, а месту, где было оное присшествие, дал именование по имени народа своего Роман и буйволоу голову принял в герб нового своего княжества, и земля стала называться по реке Молде Молдавией»³⁸.

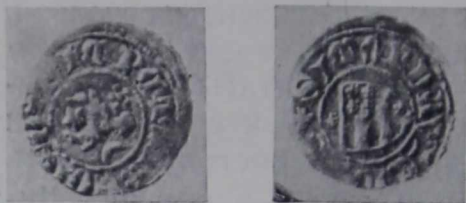

Рис. 3. Монета Богдана I с изображением бычьей головы. XIV в.

Рис. 4. Подпись гравировщиков: „Грыдоровали на меди Иван Зубов и Григори Тепчегорски“

Под щитком с гербом — развернутый горизонтальный свиток с надписью по-латыни, которая устанавливает дату памятника: «Dedavit et Conclusiones defendit in Collegio orthodoxo Rossiaco S: C: M (Suae

³⁷ „Numismatische Zeitschrift, B. IV, 1892, стр. 5; или „Traité de Numismatique du moyen âge par Arture Engele et Raymond Serrure“, Paris, стр. 1406. Снимок дается с монеты, хранящейся в Эрмитаже (любезно предоставлен нам Н. П. Бауером).

³⁸ „Димитрия Кантемира, бывшего князя Молдавии „Историческое, географическое и политическое описание Молдавии“ с немецкого предлодения перевел Василий Левшин, 1789 г., стр. 3—4.

Caesareae Majestatis) Moscuensi R: p: (Reverendissimus pater) Jeromonachus Lavrentius Transylvanus de corona consumptus Theologus Praesidente R: p: (Reverendissimo patre) Theophylacto Archimandrito in eodem Collegio ordinario Theologiae Professore et Rectore 1712» (т. е. «обнародовал и заключения защитил перед православной Российской его царского величества московской академией иеромонах Лаврентий Трансильванский при председателе архимандрите Феофилакте, ординарном профессоре богословия и ректоре той же Академии 1712 г.»).

У левого края гравюры, примерно на одной трети расстояния от низа, имеется другой щиток с двуглавым орлом и надпись: «Грыдорovali на меди Иван Зубов и Григори Тепчегорски» (см. рис. 4). Зубов Иван Федорович, «грындорованного дела мастер», сын известного жалованного иконописца — «государева знаменщика и иконописца» при Оружейной Палате — Федора Евтихиева Зубова, родился в 1667 г. Получив основу своего обучения у художника голландца Адриана Шхонебека³⁹, поступившего на русскую службу в 1693 г., Иван Зубов работал затем под руководством другого искусного гравера, пасынка А. Шхонебека, Петра Пикара⁴⁰.

Вместе с Пикаром Иван Зубов в 1708 г. назначается на работу на московский печатный двор, где и работает до 1727 г. в типографии подмастерьем, с жалованьем 40 руб. в год. Иван Зубов награвировал целый ряд портретов, в том числе Петра I и Екатерины I; из гравированных им видов интересны очень редкие листы — виды села Измайлова. Он известен и как исполнитель колоссальных «тезисов», которые он гравировал в сотрудничестве с Григорием Тепчегорским и Михаилом Карновским. Григорий Павлович Тепчегорский известен как «маляр, гридер, куперштыхатор и стихотворец»⁴¹. Большую известность он приобрел как гравировальщик «тезисов».

Описанный нами памятник связан с именами крупных русских мастеров гравюры первой четверти XVIII в. — Ивана Зубова и Григория Тепчегорского. Он представляет не только специфически музейный интерес как наиболее ранний из известных пока образцов гравюры, отпечатанной на шелку, но также является историческим документом по своему сюжетному содержанию: он запечатлел событие большого значения в истории русского и молдавского народов.

Этот документ приобретает особо актуальный интерес в наши дни в связи с совершившимся возвращением Бессарабии в семью народов СССР.

³⁹ „В 206 году Мая 13 дня принят в службу великого государя галанец резного дела мастер Андреян Шханебек резать на медных цках чертежные карты и глобусы и персоны и иные пропорцы в травах и в мелочи, и печатать на листах и в книги, да ему учить при своей работы русских трех или четырех человек“. В числе этих учеников был Иван Зубов. А. Викторов, „Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов“ (1619—1725), вып. 2, „Приходо-расходные дела и документы“, М., 1883 г., стр. 483, л. 193; Д. Ровинский, „Русские граверы и их произведения“, М., 1870 г., стр. 29—30; Д. Ровинский, „Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв.“, т. I, Спб., 1895 г., стр. 75 и 372—380.

⁴⁰ „В 1702 г. февр. в 26-м числе по указу великого государя и по доношению Андрияна Шханебека выехал к Москве из Амстердама пасынок его Андрианов, Петр Пикард, для помоществования ему в вышеупомянутых его работы делах“. Викторов, указ. соч., стр. 483.

⁴¹ Д. Ровинский, „Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в.“, Спб., т. I, 1895 г., стр. 996.

М. И. ДУБОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Среди изобразительных материалов первой четверти XVIII века в фондах Государственного Исторического Музея имеются в числе портретов Петра I и лиц, его окружавших, три портрета, неизвестные в литературе. Один из них — миниатюра работы Григория Мусикийского, два другие — гравюры Пикара.

Миниатюра Григория Мусикийского поступила в Государственный Исторический Музей в 1931 г. как портрет Екатерины I¹. Изображение поясное, $\frac{3}{4}$ влево, в открытом голубом платье с отделанной гор-

Рис. 1. Миниатюра на финифти работы художника Григория Мусикийского, 1715 г. (Гос. Исторический Музей)

Рис. 2. Обратная сторона миниатюры на финифти работы художника Григория Мусикийского, 1715 г. (Гос. Исторический Музей)

ностаем красной мантией, накинутой на левое плечо; фон коричневый; на оборотной стороне надпись: «В Санктъ Петербургѣ 1715 ГРИГОРІЙ МУСИКІЙСКІЙ». Материал — финифть на золоте, размер $3,5 \times 3$ (рис. 1 и 2).

Портретная живопись на эмали впервые появляется в России в конце XVII в. как одно из новшеств, заимствованных Петром I с Запада. Это искусство достигло к этому времени во Франции и Англии высокой степени совершенства благодаря работам художников Петито, Руке и Буата.

¹ Кн. пост. № 72738; по инв. книге отдела бытовой иллюстрации, V, № 1338.

Из них последний² занял определенное место в истории развития этого искусства в России. В 1698 г. во время своего путешествия на Запад Петр I встретил Буата в Лондоне и заказал ему большое количество миниатюр со своего портрета, писанного Кнеллером. Вторично он встретил этого художника в Париже в 1717 г. и дал ему новое поручение по изготовлению своих миниатюрных портретов, на этот раз — с оригинала Моора. Сообщая Екатерине о своем намерении заказать на парижской гобеленной мануфактуре ковры со своим портретом (по Моору) и портретами Екатерины (по Моору и Натье), Петр просил о присылке ему в Париж, кроме названных портретов для «тапицерейной» работы, «также и финифтяных маленьких, ибо еще тот мастер жив, кой делал в Англии при мне, а ныне здесь...»³.

Эти портреты, писанные на эмали, требовались в значительном количестве, так как Петр часто жаловал их своим приближенным. Все полковники времени Петра носили его миниатюрные портреты в петлице, часто оправленные «в золотые запоны с алмазы»⁴. По примеру царя заказывают свои портреты в новой манере лица его ближайшего окружения, в том числе члены его семьи.

Не ограничиваясь заказами таких портретов за границей, Петр привлек к их изготовлению и русских мастеров, используя в первую очередь художников Оружейной палаты, в том числе Ивана Адольского, Андрея Овсова и Григория Мусикийского. Они и явились первыми русскими портретистами на финифти. Самая техника живописи по эмали была вполне усвоена русскими мастерами несколько раньше⁵.

Имя Григория Мусикийского впервые встречается в документах в 1709 г. К этому году приурочивается сведение «о выдаче денег живописцу Григорию Семеновичу Мусикийскому» за письмо на финифти «живописных 11 персон светлейшего князя Меншикова». То же в 1710 г.: «Выдача денег живописцу Григорию Мусикийскому за написание на финифти 4 персон великого государя, которые поданы ему, великому государю, в Преображенском», и далее «о выдаче денег живописцу Григорию Мусикийскому за письмо на золоте 2 финифтяных персон его царского величества и персоны кн. Меншикова, посланные в СПб»⁶.

В 1721 г. тот же Григорий Мусикийский, в качестве «финифтяного дела мастера», получает три червонца на изготовление панагий для Невского архимандрита Феодосия⁷.

Следующие сведения о Мусикийском мы имеем от 16 июня 1735 г. Канцелярия от строений поручила Андрею Матвееву вместе с архитектором Земцовым осмотреть в новом Сенатском зале места, где

² Шарль Буат—Charles Boit—шведский эмальер (родился в 1663 г. в Стокгольме, умер в Париже в 1727 г.) работал в Англии как портретист на эмали (U. Thieme und F. Becker, „Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler“, B IV, S. 233).

³ „Письма русских государей“, письмо от 2 июня 1717 г., на стр. 67.

⁴ В 1711 г. такую ювелирную работу выполнял „иноземец Крестьян Болдан“, А. Виктор, „Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов“, М. 1883, в. II, стр. 488.

⁵ Достаточно указать на те изделия строгановских мастерских (усольская эмаль) конца XVII в., покрытые пестрою росписью по белому фону (цветы, травы, животные, человеческие фигуры и пр.), которые предназначались как для гражданского обихода, так и для религиозного культа (Н. Н. Померанцев, „Финифть Усольского дела“ в „Сборнике Оружейной палаты“, М., 1925 г.).

⁶ Виктор, указ. соч., стр. 486—7.

⁷ Выписка из расходных тетрадей кабинетского подьячего Ив. Григорьева „Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом“, М., 1872, т. II, стр. 90.

должны быть картины, «чертежи которых представил живописец Григорий Мусикийский и Гзель»⁸.

П. Н. Петров в своей статье «К вопросу о том, возможна ли история русской живописи на финифти»⁹, относит рождение Гр. Мусикийского, на основании исповедальных росписей, к 1670 г., а смерть к 1737 г. В прощении его сына (1730 г.) Гр. Мусикийский именуется мастером «конторы мануфактурных дел финифтяной работы»¹⁰.

Музеи чрезвычайно бедны произведениями Григория Мусикийского. В Москве их совсем нет, если не считать Оружейную Палату, где находится панагия с надписью «1720 Г. М. С. П. Бурх.», приписываемая работе Григория Мусикийского. В ленинградских музеях работ Мусикийского только две; находятся они в Государственном Русском Музее, а именно: портреты Екатерины I, 1724 г. и 1727 г. Сравнение подписи Григория Мусикийского на нашей миниатюре с подписью его же на ленинградском портрете Екатерины I 1727 г., а также на воспроизведенном в печати портрете Екатерины, работы Мусикийского 1724 г.¹¹, не оставляет сомнений в подлинности этой миниатюры.

По литературе известно большее количество работ Григория Мусикийского¹², причем все они также относятся ко времени после второго путешествия Петра за границу, т. е. после 1717 г. Таким образом миниатюра, датированная 1715 г., является самой ранней из известных работ этого художника, заполняя отчасти тот пробел, о котором говорит Е. М. Гаршин в своем «Очерке истории русской живописи на финифти»¹³: «Мы не знаем, куда разошлись портреты на эмали, сделанные в промежуток времени с 1698 по 1717 г.».

Что касается изображенного лица, то уже простое сравнение

⁸ А. И. Успенский, «Словарь художников в XVIII в., писавших в императорских дворцах», М., 1913 г., стр. 118.

⁹ «Художественные новости», 1889 г.

¹⁰ Напечатано в Материалах для истории имп. Академии Наук, т. I, стр. 641.

¹¹ Н. Н. Врангель, «Очерки по истории миниатюр в России», «Старые годы», 1909, X, стр. 509.

¹² В статье П. Сумарокова «Три портрета, находящиеся у кн. М. А. Оболенского» («Моск. Городской листок» 1847, № 67) упоминается портрет Петра I в латах с подписью «Григорій Мусікійскій Санкт Пітербурхъ 1716». Эти сведения являются первым литературным указанием на работы Мусикийского. На Исторической выставке портретов лиц XVI—XVIII вв. в Петербурге 1870 г. был экспонирован портрет Екатерины I, миниатюрный, поясной, типа Натье, монограмма Григория Мусикийского, год 1724. На той же выставке был парный портрет Петра I, но не подписанный (П. Н. Петров, «Каталог Исторической выставки портретов лиц XVI—XVIII вв.», Спб., 1870 г.). Кроме того, Ровинский («Подробный словарь русск. гравир. портретов», т. IV, стр. 300) упоминает еще о двух портретах Петра работы Мусикийского, принадлежавших Оболенскому (где сейчас эти портреты, неизвестно): один погрудный, с оригинала Моора, в латах и андреевской ленте с надписью: «Санкт Пітербурхъ 1717 г.» (по дате не совпадает с упомянутым в статье Сумарокова), другой — конный портрет, в треугольной шляпе, с подписью: «Г. Мусікіскі, 1719 Санкт-Петербургъ». В галлерее Петра I в Эрмитаже находились следующие работы Мусикийского (Н. Н. Врангель, «Очерки по истории миниатюры в России», «Старые годы», 1909 г., X, стр. 555): 1) Семья Петра I, «1717 г. Григорий Мусикийский»; 2) Екатерина I «Г. М. 1724» (очевидно, это и есть миниатюра, бывшая на выставке 1870 г. и ныне находящаяся в Русском музее); 3) Екатерина I «1724 г. СП-Бурх Г. Мусикийскій» (миниатюра репродуцирована в «Старых годах», 1909 г., стр. 508); 4) Екатерина I «1727 Г. Мусикийскій» (повидимому, та, что ныне в Русском музее). Кроме того на первом листе указанной статьи Врангеля (стр. 508) воспроизведена миниатюра Петра I «Г. М. Санктпітербурх 1728 г.», не упомянутая в приводимом им перечне работ Мусикийского.

¹³ В «Вестнике изящных искусств», 1886 г., т. IV.

этой миниатюры с имеющимися портретами Екатерины I убеждает в ошибочности указанного выше определения миниатюры как изображения второй жены Петра. Известно, что с натуры Екатерину писали Таннауер в 1714 г., Натье и Моор в 1717 г., Каравакк в 1722 г. Кроме того, П. Н. Петров в каталоге исторической выставки портретов лиц XVI—XVIII вв. (Спб. 1870 г.) упоминает о портрете-копии с Риго (1717 г.), находящемся в Ленинграде. Следовательно, Мусикийский, не писавший с натуры, а «по своему» копировавший портреты с чужих оригиналов¹⁴, мог писать Екатерину с портрета Таннауера; однако сходства ни с ним, ни с каким другим упомянутым портретом наша миниатюра не обнаруживает.

Рис. 3. Екатерина I. Миниатюра художника Григория Мусикийского, 1724 г. (Гос. Русск. Музей, Ленинград)

Рис. 4. Екатерина I. Миниатюра художника Григория Мусикийского, 1727 г. (Гос. Русск. Музей, Ленинград)

На миниатюре изображена полная женщина с более светлыми волосами, чем на известных портретах Екатерины, с длинным, несколько нависшим носом, с чрезвычайно короткой шеей, с очень полным круглым подбородком, да и по возрасту она несколько старше, чем была Екатерина в 1715 г. Совершенно не похожа миниатюра и на изображения Екатерины I, писанные тем же Мусикийским в 1724 и 1727 гг. (рис. 3 и 4).

Против принадлежности этой миниатюры Екатерине I говорит и отсутствие короны, в которой она обычно изображалась.

Последующие сопоставления с женскими портретами первой четверти XVIII в. позволили установить, что миниатюра в действительности изображает любимую сестру Петра I — Наталью Алексеевну: те же черты, выражение и овал лица, ту же линию плеч и высокую своеобразную прическу мы видим на портрете ее, работы Ивана

¹⁴ „Художественные новости“, 1889 г.

Никитина, находящемся в Гос. Третьяковской галлерее ¹⁵ (рис. 5). Так как Иван Никитин писал Наталью Алексеевну еще при ее жизни (Н. А. умерла в 1716 г.), вполне возможно, что Григорий Мусикийский сделал свою миниатюру в 1715 г. именно с этого портрета. Миниатюра Исторического Музея в художественном отношении несколько груба и пестра, но она является едва ли не старейшим образцом русской портретной миниатюры на финифти и по своей технике и бытовому назначению характеризует новое явление в русской культуре начала XVIII в.

Два других публикуемых изображения из собраний Гос. Исторического Музея представляют собою гравированные портреты Петра I. Оба они отсутствуют в известных нам справочниках; нет таких портретов и в собраниях Гос. Русского Музея и Отдела эстампов Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также в кабинетах гравюр Музея Изобразительных искусств и Гос. Третьяковской галлерее в Москве.

Один из публикуемых портретов ¹⁶ — ранний, сделанный, видимо, с Петра I во время первого его путешествия за границу. Петр изображен в рост, $\frac{3}{4}$ влево, в одежде голландского матроса и круглой шляпе, с трубкой в зубах. Он стоит на скале, вдали — волнующееся море и две парусные лодки. Внизу подпись: «P. Pickaert fec. Pet. Schenk exc Amst C. P.».

Рис. 5. Царевна Наталья Алексеевна. Портрет художника Ивана Никитина (Гос. Третьяковская Галлерей)

¹⁵ Живописец и пенсионер Петра I Никитин Иван Максимович (Ровинский в „Словаре гравированных портретов“, т. IV, стр. 712) или Никитич (в Русском биографическом словаре, где приведена и дата его рождения—1688 г.), числится уже в 1715 г. мастером живописного искусства. Весной 1716 г. он послан был с другими тремя учениками (братом Романом, Федором Черкасовым и Михаилом Захаровым) в Италию, где и учился во Флоренции у Томаза Реди. Побывав затем в Париже, в школе у Ларжильера, Никитин в 1720 г. возвратился в Петербург. С 1721 г. жил безвыездно в Москве. В 1736 г. вместе с братом обвинен был в деле „о составлении пасквиля на Феофана Прокоповича“, бит плетью и сослан в Тобольск, откуда возвращен по указу Анны Леопольдовны в 1741 г. и вскоре умер. П. Н. Петров (в „Вестнике изящных искусств“, 1888 г.) датирует рождение Никитина 1685 г. и смерть—летом 1741 г. в Тобольске.

¹⁶ Дашковское собрание, сундук I, папка 8, № 7.

Сомневаться в том, что это портрет Петра I, не приходится ввиду очевидного сходства этого изображения с портретом Петра работы Шхонебека и еще более — с изображением Петра на гравюре того

Рис. 6. Петр I в одежде голландского матроса. Гравюра И. Пикара (Гос. Исторический Музей)

же Шхонебека «Взятие Азова»¹⁷. Несмотря на то, что на портрете Шхонебека Петр изображен в парадном платье, в парике и шляпе с пером, а на нашей гравюре в рабочем костюме, все же ярко высту-

¹⁷ Подпись Шхонебека и дата: 1699 г.

пают общие черты — одинаковый разрез глаз, линия бровей, форма рта¹⁸.

Мы не сравниваем портрет Пикара (Piccaert) с известным портретом Петра I работы Кнеллера (1697): изображение на публикуемой

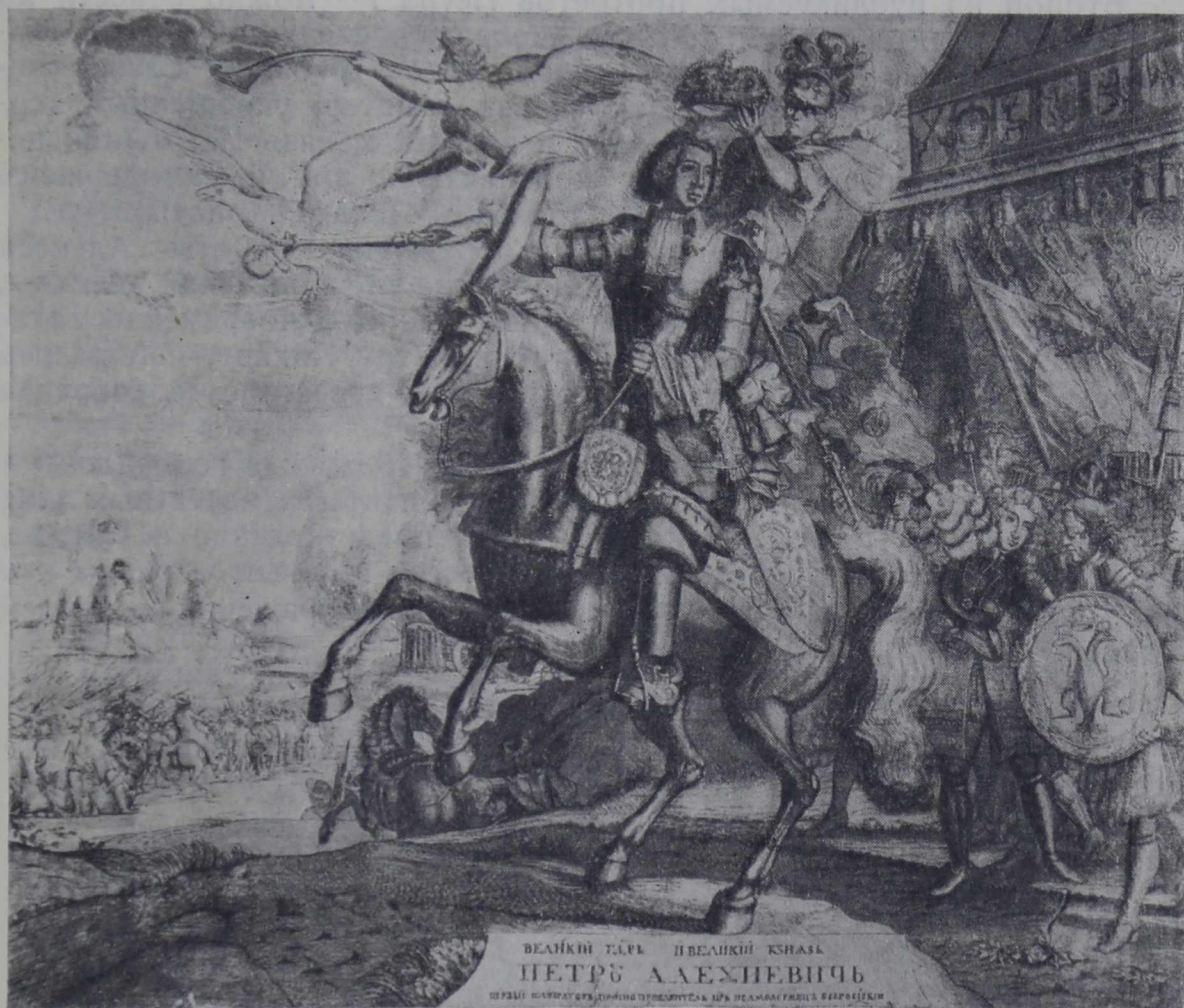

Рис. 7. Петр I на коне. Гравюра И. Пикара (Гос. Исторический Музей)

гравюре носит эскизный характер, тогда как работа Кнеллера — официальный портрет, для которого Петр позировал. Но даже и в этих двух вещах выступают общие характерные черты Петра I.

Еще в словаре Наглера¹⁹ фигурируют два разных лица «Picart», и «Piccaert», при этом последний значится как амстердамский художник, события жизни которого остаются неизвестными, а известны лишь несколько его амстердамских работ, начиная с 1686 г. (между прочим, гравированный портрет Якова II, короля Англии и Шотландии, с работы художника Ларжильер); Наглер указывает также, что одна из работ Р. Piccaert'a сделана совместно с Шхонебеком. В вы-

¹⁸ Если на портрете Шхонебека овал лица кажется несколько круглее, то это может отчасти происходить от окаймляющего лицо Петра длинного парика, а отчасти может быть объяснено тем, что Шхонебек писал его несколькими годами позднее (Ровинский относит его к 1703 г.).

¹⁹ Nagler, „Neues Allgemeines Künstler-Lexikon der Bildenden Künstler“, XI Band, München, 1841, стр. 26.

шедшем в 1932 г. XXVI томе словаря Фольмера²⁰ отмечается, что Р. Рискаерт не кто иной, как Р. Рикарт, работавший позднее в России, а мы знаем, что с Пикаром Петр I сблизился еще в Амстердаме, и поэтому считаем вполне возможным, что данный портрет сделан Пикаром с Петра I еще в Голландии.

Второй из публикуемых портретов Петра I²¹ можно отнести ко времени Ништадтского мира. Петр изображен скачущим влево, Минерва надевает на него корону, впереди летит трубящая Слава, слева — в глубине — сцена сражения, справа — шатер, украшенный гербами. Внизу подпись: «Великій гдрь и великій къязь Петр Аликсиевичь первыи императоръ прйсно прибавитель црь и самодержецъ Всеросійскій. Подал его великого гдря рабъ Пикарт» (рис. 7).

Портрет близок к аналогичному изображению работы Алексея Зубова — разница только в типе лица Петра и в деталях одежды. Очевидно, после Ништадтского мира было дано одновременно задание двум художникам, Алексею Зубову и Петру Пикару, изобразить апофеоз Петра, и каждый художник проявил известное своеобразие в деталях²².

Обе публикуемые гравюры Пикара (Петр I в одежде голландского моряка и Петр I на коне), давая новые варианты к известным уже типам трактовки Петра, изменяют и наше представление о Пикаре, который до настоящего времени был известен главным образом как автор планов, карт, видов русских городов, изображений кораблей и садов.

²⁰ Hans Vollmer „Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler“, XXI Band, стр. 589.

²¹ Инв. кн. отдела бытовой иллюстрации, III, 2545.

²² Так было и при изображении „Вшествия русских войск в Москву 21 декабря 1709 г. после Полтавской победы“, исполненном теми же А. Зубовым и П. Пикаром.

А. Я. БРЮСОВ

ПОИСКИ ЗОЛОТА В КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В КОНЦЕ XVIII в.

При археологических работах в 1933 г. в Ругозерском районе КФСР я произвел беглое обследование заброшенных рудников близ дер. Евжезеро. Впоследствии в архиве Петрозаводска я нашел в деле № 22/107 по разделу Олонецкого горного правления (часть неструктурная) ряд документов, относящихся к этим рудникам. Результатом обработки этих документов является данная статья, касающаяся вопроса, который имеет не только историческое, но и практическое значение.

I

«... я надеюсь, что через четыре недели для нас станет ясным все, что касается работы на Воицком. Я очень прошу Вас возможно скорее прислать все то, что потребует от Вас офицер в своем рапорте; это абсолютно необходимо, так как мы ежедневно открываем все больше истины на будущее благо нашей жилы». Так писал 25 января 1788 г. вызванный Екатериной II из Венгрии инженер граф Гарш уже через три дня после своего прибытия на Воицкий золотой рудник, где он должен был восстановить работу по добыванию золота.

Как известно, этот злополучный рудник, находившийся у истоков р. Выга из Выгозера, начал работать в 1742 г. и два раза закрывался до приезда Гарша, в 1770 и 1783 гг. После работ Гарша он снова был закрыт на год, потом вскоре опять открыт, проработал около года и закрылся окончательно. Темная история с этими многократными открытиями и закрытиями Воицкого рудника вызвала ряд переосвидетельствований его в XIX и XX вв., последний раз — Геологическим комитетом с применением электроразведки. Все результаты освидетельствований были отрицательными: золота обнаружено не было. Причины же неоднократного восстановления работ, особенно последнего, на которое затрачены были большие средства, оставались не вполне ясными.

Странным образом в многочисленных статьях и заметках по истории Воицкого рудника, — помимо вообще ряда противоречивых дат и данных, — почти отсутствуют указания на период работ под управлением Гарша, если не считать глухих упоминаний Бутенева и Гавеловского о возобновлении в 1787 г. протоочки и промывки старых руд и отвалов. А между тем знакомство с этим периодом не только разъясняет загадку Воицкого рудника, но и доказывает, что многократные переосвидетельствования его шли по ложному пути.

Из сохранившейся переписки Гарша с тогдашним и. о. олонецкого и архангельского губернатора Т. И. Тутолминым и вице-губернатором Н. А. Вердеревским и из других документов видно, что первым

намерением Гарша по его приезду было произвести широкую разведку месторождений на значительном пространстве. В цитированном выше письме Гарш говорит о предполагаемых поездках к Каличьему острову, Пергубе, Лебязьей горе и т. д. Отмечу при этом один факт, послуживший отчасти причиной последующих недоразумений. При выдаче Гаршу прогонных на эту поездку Горная экспедиция не могла вычислить требуемой суммы, так как расстояния между намеченными Гаршем пунктами были ей неизвестны. Вероятно, следствием этого было то, что документы о последующих работах Гарша получали в канцелярии Горной экспедиции заголовок «О работах при Воицком руднике и около него», тогда как некоторые пункты находились от Воицкого рудника в расстоянии более 100 км.

Разведки Гарша продолжались дольше, чем он вначале предполагал, — с начала марта 1788 г. до начала апреля, так что Тутолмин даже отправил на поиски его присяжного курьера. Разведки производились, повидимому, также частично на основании заявок местных жителей; во всяком случае в документах говорится об «объявлении» новых приисков крестьянами дер. Ондозеро, И. Гавриловым, дер. Шушковской, А. Мельтиным, дер. Парандово, И. Анушиным и другими. Значительные сведения Гарш мог получить также от сопровождавшего его помощника, берг-гешворена И. Толстого, хотя едва ли можно предположить, что с последним у Гарша могли быть хорошие отношения, так как в документе о выдаче Гаршу прогонных денег на первую его поездку говорится, что он «имеет отправиться на Воицкий и Лебежегорский рудник для обозрения, у празнения господ подпоручика Чернышева и берг-гешворена Толстого», заведывавших до приезда Гарша этими рудниками.

Кроме широких разведок Гарш ставил задачей возобновление работ на толчейной и промывальной фабрике Воицкого рудника. По докладной записке Гарша вице-губернатору Н. А. Вердеревскому ему были даны для этого материалы и рабочие. Из рапорта штейгера И. Копырева видно, что работы по восстановлению фабрики были почти закончены к 29 декабря, а в январе 1789 г. на Воицкий рудник были отправлены квалифицированные рабочие — обер- и ундерштейгеры, два штейгера, 8 рудокопщиков и ундершихтмейстер. Судя по регулярно подававшимся отчетам, количество работавших на Воицком, Ондозерском и Каличеостровском рудниках, на которых велись при Гарше работы, доходило в среднем вместе с вольнонаемными до 40 человек.

Как можно видеть по этому количеству рабочих, работы были невелики по размерам, причем на Ондозерском и Каличеостровском рудниках было только по 1—2 «мастеровых», т. е. квалифицированных горнорабочих; остальные были вольнонаемными из крестьян. Еще резче это видно при подсчете по отчетам количества затраченных на работу человеко-дней: за апрель и май 1788 г. на этих рудниках было затрачено всего 1796 чел.-дней, включая сюда работы оберштейгеров, письмоводителя и рабочего, находившегося при Гарше. Квалифицированные рабочие ставились Гаршем преимущественно на работу в толчейной и промывальной фабрике и на кузнице; для добывания же руды привлекались вольнонаемные крестьяне, к которым приставлялись штейгеры и «мастеровые», по 1—2 на группу до 8 человек.

В «Рассуждении», поданном Гаршем в Горный совет, он писал относительно этого:

«Дабы вольным крестьянам чинить потешно в исправно разработку, таковые требуют над собою особливых надзирателей и показателей, без коих они бурить, забивать и палить совсем не в состоянии; и при том должно исходить вчетверо более пороху и гораздо менее добывать камня, как настоящими рудокопами; то для сего оным и определяется рудокопщик в день и ночь, как для понезнания, так и для понуждений в работе и бережения казенного интереса»¹.

Некоторые работы, главным образом у Воицкого рудника, производились исключительно для исследования мощности и направления жил. Так, в другом месте своего «Рассуждения» Гарш пишет:

«Как не безизвестно Горному Совету, что я для порядочного рассмотрения в старом руднике жил приказал верхнюю кибитку под № 2 и нижнюю под № 1 вычистить и поправить на оных мосты; и как оное надлежало было исправлено, то смотрены оные жилы мною неоднократно; и рассуждая об оных, приметил, что они разделяются на шахты под № 3-м на один час № 4-го верхней кибитки и на другой час № 5-го нижней кибитки, и простираение свое переменяют. Некоторые жилы знаки мною и поставлены на поверхности горы, и видно, что они простираются на № 1-ый на знак золота.

Более всего примечено мною, что в обеих кибитках пересек оные жилы серовик с обеих сторон, как то на плане означает белое место². Для большего удостоверения приказал я в концах верхней и нижней кибитки №№ 1-го и 2-го серовик обработать, и потом видел, что два больших слоя серовика под №№ 6-м и 7-м пересекают с обеих сторон жилу...».

Раздел того же «Рассуждения», названный «О разработани на Воицком наволоке жил и прожилков, также и за рекою, в полях», начинается словами:

«Чинимые на Воицком наволоке разработки единственно делал для точнейшего испытания жил в содержании золота, как было то известно всем...».

Повсюду разработки велись в твердых породах с применением пороха. О размерах произведенных выемок и производительности труда можно судить по ежемесячным отчетам, подававшимся в Горную экспедицию. Так, в марте на Воицких разработках при 7 квалифицированных и 48-вольнонаемных рабочих было вынуто около 85,3 куб. метров, что составляет приблизительно по 0,07 куб. метра на вольнонаемного рабочего в день (при 12-часовом рабочем дне и двойной смене с работой днем и ночью). На Каличьеостровской разработке в марте же было 2 квалифицированных и 10 вольнонаемных рабочих, которыми вынуто было 19,3 куб. метра, что составляет по 0,074 куб. метра на одного рабочего в смену; в апреле эти цифры были еще ниже.

Работа велась круглые сутки в две смены. Для освещения пользовались свечами. Гарш в «Рассуждении» жалуется на требования вольнонаемных рабочих, заявляя:

«Прежде всего в работе при каждой смене одному человеку давалась одна свеча, а ныне они требуют каждой по четыре».

Свечи эти выделялись на месте, и в отчетах о приходе и расходе материалов имеется статья: «сала говяжьего на макание свеч».

¹ Даты это «Рассуждение» не имеет. Повидимому, оно было подано зимою 1789 г., так как в нем есть фразы: «как скоро весною снег скроется».

² Этого плана в деле нет.

Вероятно, эти свечи вставлялись в специальные лампы, так как упоминание о таких «горных лампадах» встречается уже в делах 1781 г.³

Набор применявшихся при работах инструментов и материалов выясняется частью из перечня вещей, выдававшихся со складов, частью из отчетов об израсходовании материалов.

Так, в феврале и апреле 1788 г. сторожа Т. и П. Анушины «почтенно репортовали» Горной экспедиции, что ими были выданы из воицких «магазинов» между прочим: буры, молоты, ломы, кайла, заступы, копачки, забойники, чищалки, ворот с крюками, канат, носилки, окованные железом, уклад железный, лоханки, окованные железом, деготь.

А в отчетах об израсходовании материалов перечисляются: порох «на паление дырок», сера «горючая», пряжа на серные свечи, «железо полосовое на наставку буров и забойников», уклад «на наварку буров», доски для бочек и лоханок «для покладования вымытого шлиху», смола «на мазание пальцев вил и подвильников», пенька «на конопачение важгердов», сита волосяные для просеивания шлиха, щетки разных размеров для чистки важгердов.

На Ондозерских разработках на стенках выемок отчетливо видны следы шпуров, произведенных круглыми в поперечном сечении бурами; длина этих шпуров — около 25 см, ширина — около 3 см. Шпуры расположены довольно часто друг от друга.

Судя по набору инструментов, порохострельная работа производилась обычным способом: бурами посредством молотов проводились в породе шпуры, очищавшиеся затем от буровой муки чищалками; потом в шпур вводился патрон с порохом, на который клался пыж и забойка, уплотнявшаяся забойником; патрон взрывался при помощи затравок.

Эти взрывы, повидимому, нередко кончались несчастными случаями, так как Гарш, жалуясь в «Рассуждениях» на высокую заработную плату вольнонаемным рабочим, заключает эти жалобы словами:

«...паче же чаяния, естли при бурении кого убьет, тогда и ни за какие деньги к работы не привлечешь».

Разработки на Ондозерском руднике были открытыми, и только в некоторых случаях часть разработок уходит штольнообразно на несколько метров вглубь скалы, образуя пещеру. В большинстве Ондозерских разработок еще сохранились остатки мостов, настланных из толстых еловых бревен вдоль кварцовых жил. Все эти разработки залиты скопившейся внизу почвенной водою, что имело место и во времена Гарша, так как И. Толстой в представленном им 12 июня 1788 г. «Описании прежде выработанных Ондозерских и Каличьеостровских рудников...» часто отмечает при данных о глубине: «из них 2¹/₂ сажени наполнены водою», «из них 1¹/₂ сажени наполнены водою» и т. д.

Выемки при Гарше делались довольно узкими, что объясняется целями разведки. Обычно они были шириною в 0,9 — 1,1 метра, редко достигали 1¹/₂ метров и только в одном случае до 3 метров. Глубина выемок колебалась от 0,18 до 1,2 метра (а в одном случае — около 2 метров), не превышая большею частью 0,35—0,50 метра. Цифры эти относятся только к работам, производившимся при Гарше; ста-

³ Дело № 14/59. Ведомости о наличии на заводах и рудниках руды, угля, извести, бревен и других материалов.

ринные выемки, которые Гарш застал на месте, часто достигают значительной глубины и ширины.

Добытая порода доставлялась, повидимому, вручную наверх, где около самого забоя происходила рудоразработка. На самой крупной из Ондозерских разработок еще сейчас лежат большие кучи рассортированной по величине на три сорта породы. Судя по этим отвалам, можно думать, что здесь, около забоя, происходило и дробление доставленной из ямы добычи. По упоминанию в рапорте Т. и П. Анушиных о выдаче со складов проволочных решет надо полагать, что в процессе механической обработки руды производилась сортировка на грохотах.

Несомненно, что в некоторых случаях тут же происходило обжигание руды в кучах: недалеко от самой крупной из Ондозерских разработок находятся три такие кучи, материал из которых, повидимому, не был использован из-за прекращения работ. Кучи эти, как показал небольшой пробный разрез одной из них, складывались самым примитивным способом — в виде простой засыпки руды попеременно с древесным углем. Это обжигание золотоносного кварца, несомненно, преследовало цель разрыхления породы путем превращения сернистых и мышьяковистых металлов в окислы.

Раздробленная руда поступала на толчейную и промывальную фабрику при Воицком руднике. С Ондозерского и Каличьеостровского рудника доставлялись «руда», «кварц с рудою» и «безрудный кварц» (в некоторых отчетах И. Толстого эти рубрики именуются просто № 1, № 2, № 3). Каждый сорт поступал в протолочку и промывку отдельно, и результаты обработки их записывались также отдельно по месту добычи и по каждому сорту.

Есть отдельный отчет о работе толчейной и промывальной фабрики за апрель 1788 г.; из этого отчета видно, что при 8 рабочих за месяц было протолчено и промыто 8000 кг кварца: 6400 — с Воицкого и 1600 — с Ондозерского рудников.

Заслуживает внимания наличие в перечне материалов на Воицком руднике, среди других предметов, «шаров» и «полушарков», очевидно — для толчей.

Промывка производилась на важгердах, очистка которых делалась небольшими («малой руки») щетками. Пальцы толчей, как видно из прихода-расходной части отчета, смазывались смолою, а важгерды оковывались полосовым железом и конопатились пенькой.

По имеющимся документам трудно выяснить степень сокращения, т. е. отношения веса необогащенной руды к ее весу после обогащения. Однако, судя по одному более раннему документу⁴, можно думать, что потеря в весе была довольно значительной. Так, при одной только промывке партии шлихов на Воицком руднике в 1781 г. «в раструску ушло» более 10%. О потерях можно судить также по месту в «Рассуждении» Гарша, где он проектирует «определить двух малолетних» к порогам Воицкого озера, «дабы водою, унесенной из промывальни, песок добывать и там на золото им промывать».

Заключительной стадией была лабораторная работа с отделением чистого золота. Эта лабораторная работа велась, вероятно, тем способом, который описал 40 лет спустя В. Любарский⁵. Так можно ду-

⁴ Дело № 12/47.

⁵ В. Любарский. «Испытание минералов на золото», Горный журнал, 1826 г. №№ 8—9.

мать, сличая перечень предметов, находившихся на Воицком руднике в 1781 г. И там, и тут мы видим: иготы с пестами; пробирные печи; колбы стеклянные; магнит; весы и разновесы пробирные; сита волосяные; шерберы; а в отчете И. Толстого о работе толчейной и промывальной фабрики в разделе прихода-расхода материалов есть графа «В пробиренную печку», где упоминаются щетки «большой и малой руки»; капли, селитра, бура, винный камень.

По этому перечню можно думать, что лабораторное исследование велось следующим образом:

Растертый в иготе шлик просеивался через волосяное сито и затем растворялся в соляной кислоте, а потом в царской водке на песочной бане. Затем производилось исследование на реактивы — железный купорос и солянокислую закись олова. После последующей промывки и отделения железных частиц магнитом шлик расплавлялся в муфельной печи на шербере вместе со свинцовым или буровым стеклом (шлакование). Полученный золотистый свинец расплавлялся в муфельной печи на капелле (купелляция); затем на весах производилось взвешивание королька.

«Убогую» руду Любарский рекомендовал плавить в тигле с примесью сурика и черного плавня.

Упоминаемые в списке селитра и винный камень шли, очевидно, на приготовление крепкой водки и черного и белого флюса. М. Ломоносов в «Первых основаниях металлургии или рудных дел» (Спб., 1763 г.) дает следующие рецепты приготовления:

крепкой водки в виде смеси селитры с купоросом (с перегонкой); черного флюса — в виде пережженной смеси из 1 части селитры с 2 частями винного камня;

белого флюса — в виде смеси из 2 частей селитры с 1 частью винного камня.

Бура указывает, повидимому, на металлическое золото, амальгамация которого производилась под слоем буры. А наличие на лабораторных складах андомской глины (с р. Андомы, впадающей у ю.-в. края Онежского озера), конечно, надо объяснять применением этой высококачественной глины вместе с известью в качестве флюса при сплавлении золотоносного кварца со свинцом.

Разведки, которые производились при Гарше, сопровождались составлением планов и чертежей, на которые Гарш ссылается иногда в своем «Рассуждении». Планы эти делались цветными, на александрийской бумаге. В отчете И. Толстого о работе толчейной фабрики за апрель 1788 г. перечисляются применявшиеся «при сочинении планов» краски: ярь венецкая, лазорь, киноварь, кармин, гуммигут, лакрица, земляная краска.

II

Обстановка, в которой производилась работа, недостаточно ясна. Однако некоторые данные заставляют предполагать, что она была не вполне нормальной. На стороне Гарша, повидимому, стояли исправляющий должность олонецкого и архангельского генерал-губернатора Тутолмин и олонецкий вице-губернатор Вердеревский. Но Горная экспедиция Олонецкой Казенной палаты не особенно доверяла радужным надеждам Гарша. Вряд ли был расположен к Гаршу и один из его ближайших помощников, самолюбивый берг-гешворен Иван Толстой, который до приезда Гарша (и после него) занимал самостоятельный пост управляющего Воицким рудником.

На полях поданного Гаршем в Горный совет «Рассуждения» имеются любопытные приписки его сотрудников, вызванных, очевидно, для проверки сведений, даваемых в этом «Рассуждении» Гаршем. Среди этих показаний есть показание И. Толстого. Приписки сделаны против тех параграфов, в которых Гарш предлагает производить разработки в новых пунктах, около Воицкого рудника. Приписка И. Толстого явно направлена против предложения Гарша. Показания обер-штейгера И. Копырева, штейгера Ф. Фофанова и кого-то из старых рабочих, работавшего на Воицком руднике в 1769—1770 гг. (подписи нет) и заключения членов Горного совета заставляют вспомнить слова И. Г. Гавеловского в его заметке о причинах закрытия Воицкого рудника⁶:

«... лучше сказать по одному заключению несведующих членов заводской канцелярии, которые никогда не осматривали рудников лично, а полагались на свидетельства и донесения ничего не смысливших ундер-штейгеров и берг-гауеров».

Оба штейгера ничего «точно удостоверять не могут» и за обоих «Елисей Копырев руку приложил». Неподписавшийся рабочий оговаривается запамятованием. Мнения же членов Горного совета гласят: «Обще Горный Совет мнение свое прилагает работу производить в 3-х местах по рассмотрению вашего сиятельства».

И далее:

«Обще Горный Совет полагает, что мнение согласия (согласно?— А. Б.) сего предписания вашего сиятельства».

Замечательно также, что свидетельства «экспертов» и «мнения» членов Горного совета даны по второстепенным пунктам «Рассуждения». Основные вопросы, затронутые в этом «Рассуждении» Гаршем, никак не комментированы.

Одним из таких «главных пунктов» Гарш считал требование о присылке целого горного батальона, чтобы вести работу «казенными» людьми, так как труд вольнонаемных рабочих обходился якобы слишком дорого. Несколько раз Гарш возвращается к этому, жалуясь, что он «уповал, что на оном руднике будет работа производиться горными служителями», между тем как теперь «работа производится вольнонаемными крестьянами за 6-рублевую в месяц плату и больше».

«Когда оные крестьяне, — пишет Гарш в другом месте «Рассуждения», — проработают месяц и привыкнут к тому, что делают, на другой месяц просить станут уже более, как от 7 и до 8 рублей; а естли производить отливку старому руднику (т. е. при работе под землей на Воицком руднике. — А. Б.),... то тогда... не согласятся... и за 12 рублей».

Сомнительно, впрочем, чтобы дело с заработной платой обстояло так, как это старается изобразить Гарш. Количество вольнонаемных рабочих, занятых на разработках Воицкого, Ондозерского и Каличьеостровского рудников, было не так велико, чтобы их заработная плата могла составлять основную статью расхода. Вернее будет предположить, что Гарш просто пользовался благовидным предложением для требования о присылке горного батальона. Судя по тому, что в тексте неизменно говорится не просто о «мастеровых», а о «целом горном батальоне», можно думать, что основной целью «Рас-

⁶ И. Гавеловский, «Замечания о Воицком руднике», Горный журнал, 1826 г. № 7.

суждения» было добиться не только оправдания своим действиям, вызывавшим, повидимому, нарекания, но и придания им более крупного размаха. Отсюда вытекают постоянные сравнения работ на Воицком руднике с аналогичными работами на венгерских рудниках и соблазнительные перспективы большого «прибытка», который, по мнению Гарша, могли бы дать широко поставленные разработки золота и серебра в Карелии.

Надо признать, однако, что заработная плата, которую платил Гарш крестьянам, была по тому времени действительно довольно высокой. На Урале она не превышала обычно 4—5 рублей в месяц, а часто была еще ниже. Даже в той же Олонецкой губернии, по Озерецковскому⁷, на мраморных тивдийских ломках, где также производилась порохострельная работа, крестьяне нанимались в 1785 г. за 3—5 рублей в месяц. Поэтому плату 6—8 рублей можно было бы считать высокой; но она объясняется, с одной стороны, трудностью работ на Воицких рудниках, а с другой — отсутствием подвоза продуктов в глухие места около Ондозера и Сегозера. И еще более надо отметить в связи с этим высокие цены на продукты первой необходимости в Олонецкой губернии в конце XVIII в. Так, в 1787 г. цена за пуд ржаной муки в разных городах Олонецкой губернии колебалась от 45—60 коп. (в Каргополе) до 70—85 коп. (в Олонце); пуд пшеничной муки стоил от 80 коп.—1 руб. (в Кеми и Повенце) до 1 руб.—1 руб. 25 коп. (в Каргополе и Вытегре); за пуд мяса платили от 60 коп. до 1 руб. 60 коп., а за пуд масла — от 2 руб. до 4 руб. 80 коп.⁸

Таковы были цены в городах. В деревне, которая не могла удовлетворить себя своим хлебом, эти цены должны были быть еще выше, так как за хлебом надо было ездить за сотни верст по непроходимым дорогам. Несомненно, что это учитывалось «вольнонаемными крестьянами» тех местностей, которые далеко отстояли от хлебных рынков, в частности крестьянами деревень около Воицкого, Ондозерского и Каличьеостровского рудников.

Надо также учесть то обстоятельство, что работы Гарша происходили в самое страдное время, когда на Севере чрезвычайно трудно найти рабочих. Отсутствие подвоза извне заставляло, вероятно, крестьян избегать работы на стороне в летние месяцы, ибо от этих месяцев зависело все их хозяйство: нехватка сена означала бы для них потерю и рабочего скота и необходимого удобрения. Насколько большую роль играл «сенной» вопрос на Севере, можно судить по одной более ранней (1780—1781 г.)⁹ ведомости с перечнем имеющих на руднике материалов: из общего итога в сумме 1279 руб. 15¼ коп. на сено приходится 906 руб.

И, наконец, не последнюю роль должна была играть малая населенность района; так например, около Ондозерского рудника существовало в то время только три небольших деревни (деревня Евже-

⁷ Н. Озерецковский, „Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому“, Спб., 1492, стр. 224.

⁸ Там же, Табл. на стр. 191, 194, 199. Для сравнения привожу цены за тот же год в Москве, напечатанные, как любезно указал мне покойный проф. Любомиров в „Статистическом журнале“ за 1806 г., т. 1, вып. 2: пшеница—55—65 коп. за пуд; рожь—27,5—35 коп. за пуд; масло—4 руб.—5 руб. 50 коп. за пуд; мясо—1 руб. 40 коп.—1 руб. 80 коп. за пуд.

⁹ Дело № 22/107.

зеро, или Мойна, около самых рудников была основана только в XIX в.).

Затруднения с вольнонаемными рабочими характерны не только для случая с работами Гарша. Олонецкий край значительно отличался в XVIII в. от других частей феодальной России. В 1788 г., когда производились работы Гарша, в Олонецком наместничестве из 214 919 душ крестьян только 12 208 принадлежали помещикам, а 202 105 числились казенными крестьянами. Из числа помещичьих крестьян огромная часть приходилась при этом на южные уезды, Лодейнопольский и Вытегорский: в первом их числилось 5338 душ, во втором — 6242. Таким образом в Петрозаводском, Олонецком, Каргопольском, Повенецком, Пудожском и Кемском уездах, вместе взятых, было только 628 душ помещичьих крестьян. Из казенных крестьян почти четверть — 41 492 — была приписана к Петровским заводам. Даже Александровский пушечный завод в Петрозаводске должен был прибегать в значительной мере к вольнонаемному труду и в 1788 г. на нем числилось при 270 «мастеровых» 100 вольнонаемных рабочих.

Поэтому понятно, что Горная экспедиция очень дорожила даровой рабочей силой и не склонна была давать Гаршу требуемого им количества мастеровых. 19 ноября 1787 г. в ответ на требование Гарша «развалившуюся толчею исправить требуемыми мною 50-ю рублями, так, чтобы можно было толочь и промывать жильной камень из старых отвалов, отбираемый на золото», Горная экспедиция записала в свой журнал: «поелику исправление толчеи предписано сделать вольнонаемными... людьми, то отправить 8 человек плотников надобности не представляется».

В своем «Рассуждении» Гарш старается использовать всякое соображение, чтобы добиться присылки горного батальона. В ход пускается и ссылка на высокую заработную плату, и соблазнительные перспективы работ на «богатых рудниках», и заманчивые указания на огромные прибыли венгерских рудников, и, наконец, угроза приостановкой работ, если его требование не будет выполнено.

«...я просить буду его высокопревосходительство, — пишет Гарш, — чтобы оставил здешний рудник работою до того времени, когда будет пожалован от государыни на здешний ее рудник целый горный баталион служителей... та самая дорогая цена может сделать, что все наши работы останутся; а только может прибыль принести с богатых рудников, как то Чальский, Каличьеостровский, Ушковский и золотосодержащая жила на Юр-Горе».

Упрашивая, соблазняя возможною прибылью и угрожая, Гарш в то же время развивает проект широкой эксплуатации рабочих, предлагая перейти от непосредственной денежной платы к выдаче предметов первой необходимости по повышенной цене.

Особенно выпукло звучит при этом предложение Гарша, выделенное им в особый пункт и заключающееся всего в двух строках:

«Покупают вина и ренского примерно на 100 рублей, а продав, получают прибыли на сто 30 процентов».

Точно так же выделено Гаршем в особый пункт требование о применении труда малолетних.

Кроме мер прямой эксплуатации рабочих, Гарш предлагал использовать на месте отбросы производства: выплавку из серного колчедана серы, производство на месте селитры и пороха.

Эти предложения заканчиваются ссылкой на рудники в Шмельнице, где Гарш работал до приезда в Россию.

Но и без проектировавшихся Гаршем мер положение случайных горнорабочих на Олонецких рудниках было далеко не блестящим. Отказ от работы за 6 рублей на открытых разработках вызывался не тем, что за какие-нибудь 20 рабочих дней крестьяне получили большой навык и, сознавая это, требовали повысить плату. Вернее предположить, что, ознакомившись с работой, они отказывались работать на первоначальных условиях. Гарш прекрасно понимал эту причину, когда упомянул о старом Воицком руднике, на котором незадолго до него при управлении Ярцева «...кругообращение воздуха почти прекратилось... От сего рудокопы, не получая надлежащей пищи для дыхания, преждевременно чувствовали утомление и ослабление сил. От стрельяния порохом и от горения свеч угарали так, что их должно было, как он сам (т. е. Ярцев. — А. Б.) объяснял, вытаскивать на поверхность, где для поправления их здоровья потребно было дать им отдохновение, освободив от всякой работы...»¹⁰.

Естественно, что не находилось желающих работать при таких условиях по 12 часов «в день и ночь», да еще с «понуждением». И этот недостаток рабочих рук, отмечавшийся не только Гаршем, но и другими руководителями Воицкого рудника до и после Гарша, заставлял стремиться использовать принудительный труд «служителей».

Горного батальона Гарш так и не получил. Производившиеся им работы были по неизвестным причинам прекращены и, повидимому, забыты или, вернее замолчены. И вдруг, спустя только один год, Воицкий рудник снова восстанавливают по предложению Тутолмина. Вопреки мнению Гарша, что старый Воицкий рудник истощен и что более выгодной должна быть работа в других местах, в частности на Ондозерских и Каличьеостровских разработках, на восстановление старого Воицкого рудника затрачивают большие средства. Директор Олонецких заводов Гаскоин пробивает вертикальную шахту с квершлагом, устраивает мокрые толчеи, ставит промывальную фабрику и кузницу; из Англии выписывают чертежи новой паровой машины Уатта и механика, «Григория Фомича» Шерен, отливают по этим чертежам в Петрозаводске «огненную воздушную машину» и ставят ее на Воицком руднике. В мае 1791 г. эта машина уже была готова к действию; не установлены были только помпы.

«Машина сама собою совсем уже приведена в действие; точностью своею, исправностью, легкостью хода, а особливо силою меня удивила, чего я от ней ожидать не мог, соображая с машиною кронштадскою, ибо сравнивая огромность и вальяжность орудия, а особливо дороговизну и время на приведение в действие той с этою, почесть можно сию за игрушку», — писал П. И. Челищев, видевший эту машину перед пуском ее в дело¹¹.

Вода из Воицкого рудника была откачана. Разработки были восстановлены. Но уже в 1793 г. новое переосвидетельствование Воицкого рудника при участии Гарша повело, как известно, к окончательному прекращению работ.

Бессмысленность действий Горной экспедиции в последний период жизни Воицкого рудника бросается в глаза. К чему было за-

¹⁰ И. Гавеловский «Замечания о Воицком руднике», Горный журнал, 1826 г. № 7.

¹¹ И. И. Челищев, «Путешествие по северу России в 1791 г.», Спб., 1886 г., стр. 27.

Рис. 1. Кварцевая жила в диобазе и следы шпуров в одной из выемок к югу от дер. Евжезеро

Рис. 2. Отвалы на большом руднике (на Нюр-Горе)

трачивать огромные по тому времени средства на возобновление явно убыточных работ? Почему Гарш не протестовал против этого? Почему хлопотал о восстановлении Воицкого рудника именно Тутолмин? Бутенев пытался, но не смог найти ответа на эти вопросы. В 1826 г. он писал в «Горном журнале»:

«Несостоятельность остановки действия Воицкого рудника в первый раз была достаточно доказана выгодами, принесенными им при первом его возобновлении. Причину упадка его при втором действии составлял сильный приток воды и испорченность воздуха, но, кажется, истинная причина состояла в отъезде из него хорошего начальника... В третьем его действии почти не было в нем производимо собственно горных работ, и остается неизвестным, что понудило остановать его...»¹².

Между тем ответ прост до последней степени. Феодальная царская Россия конца XVIII в. отразилась во всей этой истории самым ярким образом. Главную роль в возобновлении работ Воицкого рудника после Гарша сыграл... орден Владимира 1-й степени.

В цитированном выше дневнике секунд-майора П. Челищева, изданном по рукописи только в 1886 г., есть описание его посещения Воицкого рудника. Там он встретился с уже известным нам подпоручиком И. Толстым, снова принявшим в свое ведение Воицкий рудник после отъезда Гарша. Челищев заканчивает свое описание Воицкого рудника любопытной историей, написанной им явно со слов И. Толстого и почему-то осторожно заключенной в скобки. Привожу эту выдержку полностью:

«Означенный горный офицер Толстой, томяся от скуки и голоду за несколько лет перед сим, не зная, что делать в сем пустом, голодном и холодном краю, для провождения времени собирал кусочки между выброшенных руд целыми горами из штуфы; и когда собрал их нарочитое количество, вздумал их своим старанием переплавить и посредством химического разрешения добыл, бедняжка, с фунт и больше чистейшего золота. Но видно, что хорошие химики не всегда хорошие министры и политики. Он вздумал, ежели весть в изобретении его дойдет только до Петербурга, то непременно будет награжден и осчастливлен. Оставалась ему одна трудность: сыскать лестницу, по которой бы влезть до монаршего престола. На этот конец показался ему манежный Олонецкий генерал-губернатор Тутолмин весьма способным, и для того отправил к нему свое найденное золото и просьбу о награждении его труда. Г. Тутолмин, яко ревностный сын отечества, золото взял, а просьбу сжег в камине. Он при первой своей поездке в Петербург не забыл взять изящный тот металл с собою и, представя ко двору, умел так расхвастаться своими подвигами и расхвалить свое рачение, что схватил Владимира первой степени и отменное благоволение. Бедный же виновник сего откровения обязан стал быть безотлучным в той пустыне, а может быть через то стал и причиною, что правительство, проснувшись, потерши с глаз дремоту, вздумало опять возобновить рудокопные работы, которые в земных недрах от сонного правления долго закрытыми лежали, да и не смотря на мнимую бодрость, ныне оказуемую, опять

¹² Бутенев «Замечания о нахождении золота в северных горах России», Горный журнал, 1826 г., № 2.

упадет в беспечность, когда увидит, что не одна земляная, но и влажная стихия сильными своими препонами защищают сокровища, хранимые в их недрах».

Челищев вполне верил рассказу Толстого и не верил силе новой паровой машины, похожей «на игрушку», не верил, что удастся откачать воду из рудника. Однако вода была откачана, работы на руднике возобновлены, и окончательная неудача их доказывает, что Толстой в своем рассказе кое-чего не договорил.

На Воицкий рудник были свезены руды с Ондозерских и Каличьеостровских разработок. Из какой же руды получил свое золото Толстой? Если даже из воицкой, то несомненно, не из руды старого рудника, ибо восстановление на нем работ с очевидностью показало его полное истощение, что согласуется и с заключением Гарша. Вернее всего, что золото Толстого было добыто из ондозерских или каличьеостровских руд, из тех рудников, которые сам Толстой подробно исследовал по поручению Гарша. Происхождение этого золота знал Толстой и мог предполагать Гарш. Но ни тому, ни другому не было, очевидно, охоты сообщать об этом Тутолмину, который выхватил у них из-под носа «монаршее благоволение» в виде ордена Владимира 1-й степени.

Для Тутолмина же Воицкий рудник был только Воицкий рудник в узком смысле этого слова. Здесь Тутолмин искал золота на восьмидесятисаженной глубине. И не нашел. Не земляная или влажная, а феодальная стихия оказалась сильною препоною для «манежного» олонецкого генерал-губернатора, искателя золота в недрах Карелии.

III.

При полевом обследовании в 1933 г. Ондозерского рудника вблизи самой крупной из разработок были обнаружены остатки рабочих казарм и дома штейгера или другого начальствовавшего лица.

Казармы представляют собою заросшие мхом следы двух бревенчатых срубов с развалившимися печами-каменками. Оба сруба величиною в 6×9 аршин поставлены длинными стенами с ЮВ на СЗ и находятся всего в расстоянии двух аршин друг от друга. Под мохом сохранились остатки перегнившего пола. Большие, обмазанные глиной печи-каменки, в 3×3 аршина величиной, стояли на бревенчатом низу и отапливали помещения, повидимому, по-черному; они были сложены из крупных кусков плитняка.

В нескольких шагах к западу от этих домов находился завалившийся теперь колодезь.

К югу от казарм, в 20 метрах от них, сохранились остатки пятистенного сруба в $7,5 \times 5,6$ аршин; сруб делился на жилую комнату с каменкой и небольшие сени.

Было бы вполне естественным отнести эти жилища ко времени работ Гарша, тем более, что в «Описании прежде выработанных Ондозерских и Каличьеостровских рудников», поданном 12 июня 1788 года в Горную экспедицию И. Толстым, он писал, говоря об Ондозерской выработке № 5:

«В 50 саженьях от оной выработки имеются старые казармы, из коих некоторые по приказанию его сиятельства, графа Гарша, для жительства работников поправлены».

Однако сличение снятого при разведках 1933 г. плана разработки, вблизи которой (тоже в 50 саженьях) обнаружены были остатки

казарм, с описанием И. Толстого доказывает, что речь у Толстого идет о другом месте. Дальнейшее сличение описи Ондозерских разработок, составленной И. Толстым, с рекогносцировочными дан-

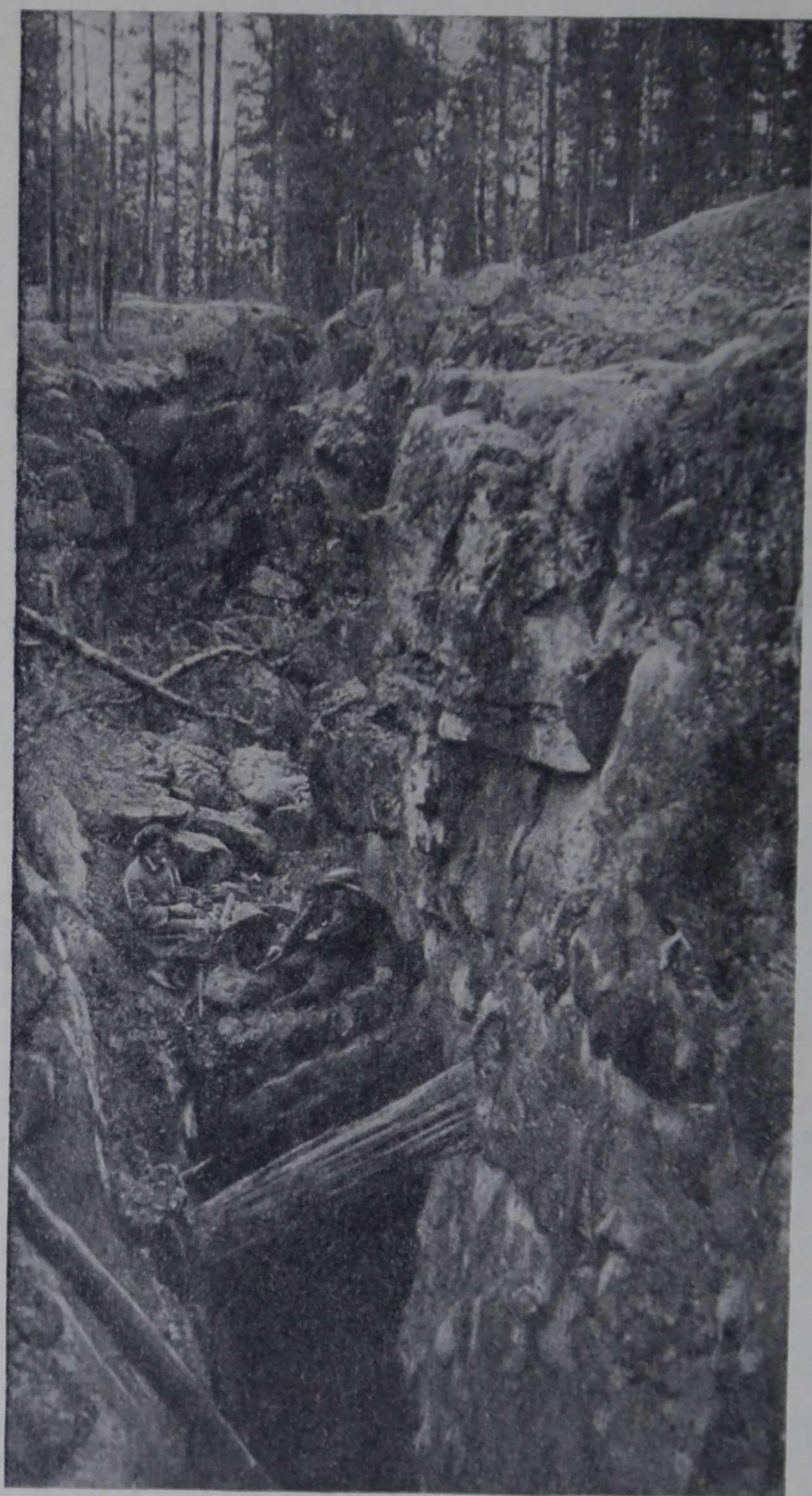

Рис. 3. Часть выемки с сохранившимися частями мостов на большом руднике (на Нюр-Горе?)

ными экспедиции вызывает еще большее недоумение.

И. Толстой дает довольно подробное описание старинных разработок, осмотренных им в 10 км от Ондозера. В описании указаны три пункта, из которых в первом имеется пять разработок, во втором—четыре и в третьем—одна. Повидимому, это описание относится к двум осмотренным мною пунктам: к лежащему к северу от селения Евжезеро руднику и к ближайшему из рудников, лежащих к югу от этого селения. Третий пункт в одном километре от второго, повидимому, не был найден, возможно—потому, что в настоящее время разработка целиком заросла мхом.

„Означенная жила,—пишет об этом месте И. Толстой,—с малыми рудными знаками, выработана по приказанию его сиятельства графа Гарша длиной на три сажени, шириной на $1\frac{1}{2}$ аршина, глубиной в $\frac{3}{4}$ аршина“.

Принимая во внимание, что все Ондозерские разработки находятся в глухом лесу с массой вала и с густым мховым покровом, нечего удивляться, что следов такой маленькой разработки не сохранилось на поверхности.

Но совершенно непонятным является молчание И. Толстого о самой крупной из находящихся в этом районе старинной разработке,

около которой и были обнаружены остатки домов. Непонятно по целому ряду соображений.

Действительно, Толстой, повидимому, очень детально исследовал местность. Им отмечены не только места обнаруженных старинных разработок, но и вновь открытые новые жилы. Так, он пишет: «От вышеописанной выработки в расстоянии в 200 сажень — вновь найденная штейгером Федором Фофановым кварцовая жила, которая простирается на $1\frac{4}{8}$ часа М, толщиной в 3 аршина без рудных знаков».

Совершенно невероятно, чтобы при такой разведке осталась необнаруженной самая большая из старинных разработок, которая известна всем крестьянам селения Ондозера в наше время и, несомненно, была известна во времена Толстого. Что эта большая разработка

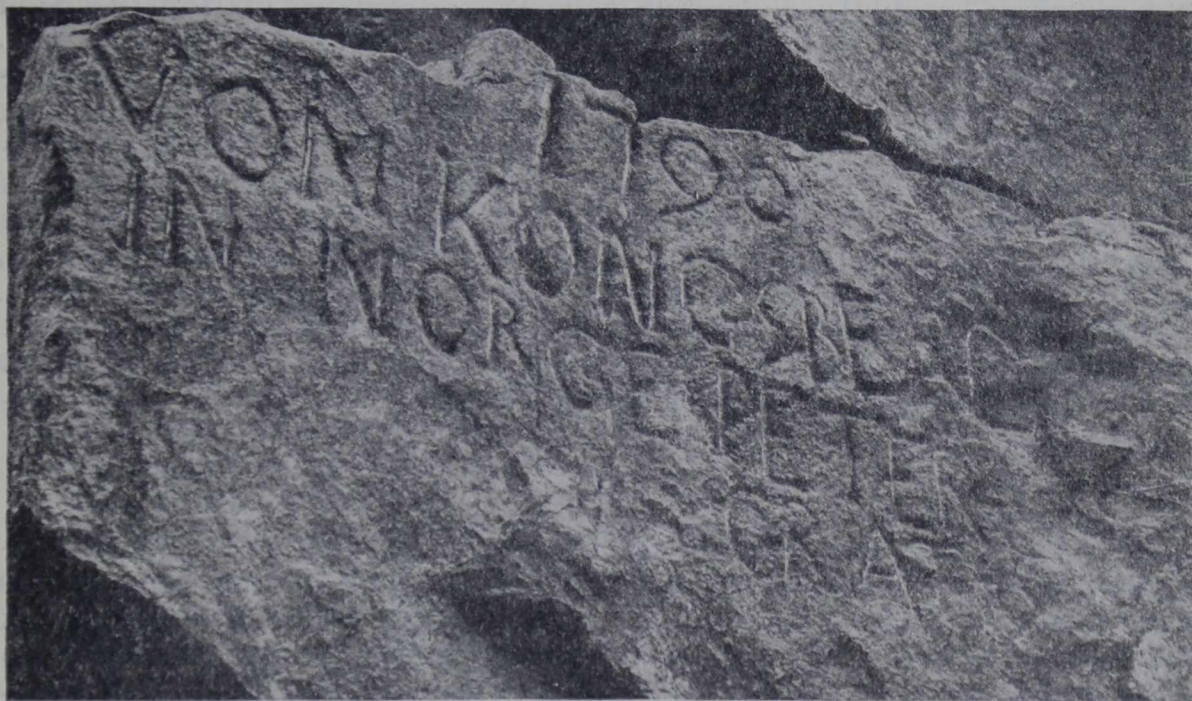

Рис. 4. Надпись, выбитая на стенке выемки большого рудника (на Нюр-Горе?)

существовала до Гарша, доказывається выбитой на одной из ее стен надписью с датой 1720 г. Эта разработка была и продолжает быть, кроме того, наиболее доступной, потому что к ней ведет довольно хорошая лесная тропа от южного берега Евжезера. Самые размеры этой разработки, большие груды отвалов около нее, три брошенные кучи обожженной руды вблизи разработки должны были безусловно привлечь внимание Толстого, который в своем описании пользовался случаем, очевидно по отвалам, даже определять объем производившихся ранее работ. Так, при описании рудника № 7 он писал:

«При вышеписанном руднике уповательно прежде добытого рудного кварца примерно до 1000 пудов, безрудного — до 600 пудов... рудна мелкого до 200 пудов, итого вообще до 1800 пудов».

Не могла не остановить внимания Толстого также и надпись, выбитая на стене рудника; а еще более эта надпись должна была при-

влечь внимание Гарша во время его пребывания на Ондозерских разработках. Содержание этой надписи следующее:

1720
von Kongsberg
in Norge Peter
gratis

Город Конгсберг в Норвегии, в 85 километрах от Осло, известен своими рудными, в частности серебряными разработками. Дата относится к тому времени, когда русскими войсками была занята Финляндия, и когда Петр I усиленно переселял в Россию мастеров, в частности знатоков горного дела. И. Толстому и Гаршу имя Консберга должно было говорить о многом.

И наконец, эта разработка расположена на вершине большой возвышенности, почти лишенной деревьев, — признак, которым среди прочих руководились изыскатели XVII—XVIII вв. при отыскании руд.

Мне кажется, что отсутствие в описании Толстого этой разработки нельзя объяснить ни тем, что место ее оставалось неизвестным Толстому и Гаршу, ни тем, что по каким-либо причинам тот и другой сочли нужным умолчать о ней. Отсутствие в перечне старинных Ондозерских разработок упоминания об этом руднике я объясняю тем, что разработка его была в первую голову продолжена Гаршем, и Толстой имел задание составить описи только на другие места. Именно этот большой рудник, вероятно, и назывался рудником на Юр-Горе, или на Нюр-Горе, и остатки жилищ около этого рудника являются остатками жилищ времени Гарша.

IV

К «Рассуждению», поданному Гаршем в Горный совет, был, очевидно, приложен план, на который он ссылается. В архиве этого плана не сохранилось. Нет также планов Ондозерских и Каличьеостровских рудников. Поэтому об отдельных пунктах работ, упоминаемых в делах Гарша, можно судить только на основании некоторых сопоставлений.

Несомненно, что около Воицкого рудника работы были развернуты в нескольких местах, но результаты их, повидимому, были мало удовлетворительными.

«Более же всего известно Горному Совету,—писал Гарш,—что я сделал три пробы из старого рудника через протолчку и промывку для испытания его богатства вверху, середине и глубине, какие они имеют содержание золота и меди.

1-ая проба была сделана из добытого рудного кварца самой почвы при вирт-мейстере Петре Волкове, который ныне господином ассесором в Горной Экспедиции. Оной кварц содержит из 300 пуд $4\frac{1}{2}$ золотников золота и 20 пуд медного шлиху.

2-ая — из ныне добытого кварца в нижней кибитки, который из 270 пудов содержит шлиху 1 пуд и $\frac{1}{2}$ части золотника золота.

3-я — из добычи Шамшиновского отвала из 300-рудного кварца получили шлиху 3 пуда, золота 1 золотник».

Гарш выводит заключение из этого, что «старой рудник не очень богатой, и жила гнездовата была рудою», что и подтвердилось последующими переосвидетельствованиями.

Также мало удачными оказались и другие разработки Воицкого рудника. Одна из них, помечаемая в ежемесячниках «под знаком золота», была оставлена Гаршем незадолго до подачи «Рассуждения», потому что в последнем говорится:

«... хотя жила под знаком золота и может быть благонадежна, однако оную ныне оставляю в рассуждении вольнонаемных работников, коим должно платить дорогую цену, что меня немало устрашает».

«Благонадежность» этой жилы была, однако, весьма относительной, так как несколькими строками ниже Гарш пишет о том, что, повидимому, «на всем наволоке надежды никакой не будет».

Таким образом почти весь район Воицкого рудника уже в 1788 г. был признан Гаршем безнадежным. Работы еще продолжались «на № 7-м и № 12-м и на Серебряной Горе», но были сильно сокращены: оставлена была только одна смена рабочих.

Гарш предлагал еще только сделать весной разведку, проверив все «знаки», поставленные им на наволоке, «особливо последней, которой я поставил на благонадежную рудяную жилу».

Заключение Гарша совпадает с заключением последующих комиссий и никак не может быть заподозрено в особом пристрастии. Тем с большим вниманием надо отнестись к его заявлению относительно других исследованных им рудников. Я уже приводил выше фразу из «Рассуждения» Гарша, где он называет «богатыми» рудниками Чальский, Каличеостровский, Ушковский и «золотосодержащую жилу» на Юр-Горе. Так как в документах, относящихся к добыче золота, Чальский и Ушковский рудники ни разу не упоминаются, то надо думать, что это были медные разработки.

Два другие рудника, Ондозерский и Каличеостровский, разрабатывались еще до Гарша. Кем и когда — сказать трудно. Осмотр Ондозерских разработок в 1933 г. заставляет во всяком случае решительно отвергнуть мысль о том, что все эти работы были произведены в разное время местными жителями. Большой Ондозерский рудник к югу от Евжезера, о котором Толстой молчит в своем описании, тянется в главной части разработки на 60 метров при ширине до 7 метров и глубине от 12 до 16 метров. Если предполагать, как я это делаю, что этот рудник соответствует упоминаемому в отчетах Гарша «прииску деревни Ондозера на Юр-Горе», то на долю гаршевской разработки придется только ничтожная доля этой выемки: в марте 1788 г. — 4,4 кубометра, в апреле — 2 кубометра, в мае — 1,2 кубометра. Силы местных крестьян были слишком незначительны, чтобы приписывать им следы обнаруженных здесь больших работ; признаки порохострельных работ на всем протяжении выемки, большие отвалы исключают мысль о работе крестьян. И, наконец, выбитая на стене разработки надпись заставляет думать, что этот рудник разрабатывался шведами и незадолго до Ништадтского мира, в 1720 г., был заброшен.

Более сложен вопрос о других ондозерских разработках. Уже беглый осмотр их убеждает, что эти разработки относятся к разному времени. Некоторые из них имеют следы порохострельной работы; другие таких следов не имеют; часть разработок почти до верха завалена старой выработкой.

Находятся эти разработки в двух пунктах глухого леса около селения Евжезера: в $1\frac{1}{2}$ км к северу от него и в 2 км к югу. Первые разработки занимают северный склон возвышенности в виде 5 ям, тя-

нущихся внутрь горы от ее подошвы, частью штольнообразно; в этих штольнях еще сохранились части деревянных мостов. Никаких следов дороги к этим разработкам не заметно; только у подошвы горы проходит слабо выраженная лесная тропа. Вторые разработки занимают склоны двух возвышенностей: 4 — на одной и 1 на другой. Находятся они также в глухом лесу, вдали от всяких дорог и даже троп. Внизу протекает небольшая речка (Рокса?). Одна из этих разработок, менее заросшая, сохраняет резкие следы шпуров.

В некоторых местах около этих выемок, под густым моховым покровом, заметны следы заваленных более старых ям. Можно думать, что здесь производились работы в течение очень долгого времени, возможно еще в XVII в.

Среди местного населения не сохранилось никаких воспоминаний об этих рудниках. Судя по рассказам евжезерских охотников, в различных местах леса по направлению к селению Кор-Наволоку существуют еще такие же старинные разработки, на которые охотники случайно наталкивались. Сообщали также, что во время империалистической войны было получено распоряжение доставить в Петрозаводск образцы из отвалов одного рудника, находящегося где-то около Кор-Наволока; но из-за распутицы крестьяне не пошли туда и под видом требуемых образцов послали несколько камней из отвалов большого Ондозерского рудника.

Судя по описанию Толстого, Каличьеостровские рудники носят тот же характер, что и Ондозерские.

V

Уже 1 апреля 1788 г. Гарш послал на Воицкий рудник образцы руды из Ондозерских и Каличьеостровских разработок, распорядившись о протолочке их и промывке на важгердах с последующим анализом на золото. В рапорте об исполнении этого поручения И. Толстой писал:

«Касательно до перевозки добытого при происке на Каличьем Острове рудного кварца, то оно ныне за распутою и разливом реки Сегежи приступить невозможно».

Тем не менее в приложенном к этому рапорту анализе руд говорится также о руде с Каличьего острова. Этот анализ дал следующие результаты:

«Писание штуфов, взятых с нижеписанных мест, а именно:

№		Число
1	В белом кварце медной колчедан, смешанный с медной зеленью, синью и железистою, насевишею желто- и темно-красноватою охрою, с частию шпата и глиммера, из жилы Каличьеостровской	2
2	В трапповой породе медной колчедан с частию медной зелени и железистой охры: в кварце известкового шпата с частию глиммера, из вновь найденного прииска на Юргоре, близ деревни Ондозеро	3

Берг-гешворен Иван Толстой.

На полях рапорта сделана приписка:

«Равно ж и получены из добычи на Нюр-Горы из числа протолчи 100 пуд. золота малые знаки».

На обороте рапорта и анализа в выписке из журнала Горной экспедиции от 26 апреля говорится в конце об «особом деле о разработке Воицкого, Каличеостровского и Ондозерского рудников».

Поданное И. Толстым с рапортом «Описание старинных Ондозерских и Каличеостровских разработок», обследованных им в мае—июне 1788 г., также сопровождалось образцами руды. В записанном в журнале 22 июля 1788 г. заключении Горной экспедиции по поводу этого «Описания» говорится:

«А взятые с показанных выработок штуфы, по тому описанию, в сию Экспедицию при сем представляет. Того ради с согласия господина вицегубернатора приказали представить обергешворена Толстого штуфы, Ондозерских 10, Каличеостровских 13, всего 23, препроводить при ордере к берг-гешворену Князеву, приложив при том с присланного оного Толстого описания копию. Послать немедленно оным учинить в содержании металла лабораторную пробу, сколько окажется какой сорт по пробе металла, отметив против каждого в реестре, когда оные пробованы и сколько оказали... (неразборчивое слово. — А. Б.) какого металлу. И по учинении опыта тот реестр со штуфами представить в Экспедицию при рапорте».

Этого рапорта, как и вообще документов позднее июня 1788 г., в делах Карельского архива нет.

В заключение небезынтересно отметить, что, судя по языку, писавшие приведенные выше документы были несомненно местными уроженцами или по крайней мере долго жили на Севере. Во всех документах без исключения постоянно встречается типичная для северного говора форма: «На Серебряной горы», «на Юр-Горы» и т. д.

ОЛОНЕЦКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ ГОРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ
БЕРГ-ГЕШВОРЕНА ИВАНА ТОЛСТОГО

Рапорт.

В минувшем мае, в последних, до ныне текущего июня в 1-х числах, в объезде-моем для осмотра рудников Ондозерского и Каличеостровского, при которых и обозрено мною, где находились прежние также и нынешние имеются разработки; какие в них состоят оставшие от прежних работ кварцевые жилы; какой они толщины и длины, с прожилками и с какими знаками, и насколько они еще и где простираются, и на который час и какие в них были разработки, в длину, в ширину и в глубину; обо всем вышеписанном прилагаю описание. А взятые с показанных выработок штуфы в помянутую Горную Экспедицию при сем препровождаю.

Июня 12 дня
1788 года

Берг-гешворен.

Описание прежде выработанных Ондозерских и Каличеостровских рудников, и в каком они уезде состоят, и при каких селениях значатся . . . (далее неразборчиво — А. Б.).

№	Название рудников	Описание прежних разработок
В Повенецком уезде Паданского погоста		
1	Ондозерский прежний рудник, состоящий от деревни Ондозеро в 10 верстах.	Возле рудника кварцевая жила; простирается на $8\frac{2}{8}$ часа ОР; а выработано в оном прежде всего на 4 сажени; из них $2\frac{1}{2}$ сажени наполнены водою. В верхнем конце выработки видна жила толщиной от 2-х и до 4 вершков, без рудных знаков.
2	От вышеписанного рудника в расстоянии в 82-х сажених кварцевая жила.	Означенная жила простирается на $7\frac{4}{8}$ часа ОР; а выработана длиною на 4 сажени; шириною от 2-х до 3-х сажени; из них $\frac{1}{2}$ сажени наполнены водою; а в конце выработки видна жила толщиной от 2-х до 3-х вершков . . . с малыми знаками, которая и по поверхности видна на 10 сажених без рудных знаков. Притом же в показанной выработке с правой стороны видны два кварцевых прожилка с малыми рудными знаками, которые простираение имеют с главной жилой единое; из них каждый толщиной от 3-х до 4-х вершков.

№	Название рудников	Описание прежних разработок
3	От второй показанной жилы, в расстоянии в 5-ти саженях кварцовая жила.	Оная жила простирается на $6\frac{6}{8}$ часов ОР; а выработана длиною до штольни на 10 саженей; шириною от 2-х до 3-х аршин; глубиною перед штольнею на 4 сажени. А штольня вышиною от 3-х до 4-х аршин. В конце оного штольня—жила толщиной в $1\frac{1}{2}$ аршина, без рудных знаков. Сверху, около штольни, — жила, толщиной до $1\frac{1}{2}$ аршина, с рудными знаками. Притом на левой стороне в показанной выработке — кварцовая жила, с малыми рудными знаками, толщиной от 2-х до $2\frac{1}{2}$ четвертей аршина, которая по поверхности видна на 3-х саженях таковой же толщины; простираение имеет таковое ж, какое имеет в оной выработке главная жила. В параллеля оной жилы видны по поверхности в $1\frac{1}{2}$ саженях 2 кварцовых жилы, одна от другой в $1\frac{1}{2}$ саженях; из них одна толщиной от 2-х до 3-х аршин, с малыми рудными знаками; а другая толщиной от $1\frac{1}{2}$ до 2-х четвертей аршина, без рудных знаков.
4	От 3 выработки в расстоянии в 2-х аршинах жила кварцовая.	Показанная жила простираение свое имеет на $6\frac{6}{8}$ ОР, которая выработана длиною на 3 сажени, шириною от 3-х до 4-х саженей. В верхнем конце оной выработки — жила, толщиной в $1\frac{1}{2}$ аршина, без рудных знаков; в которой выработке в параллеля главной жилы с правой стороны—две кварцовые клинообразные жилы, глубиною на 2 сажени, с малыми рудными знаками.
5	От 4-ой выработки в расстоянии в $2\frac{1}{2}$ аршинах кварцовая жила.	Означенная жила простираение свое имеет на $6\frac{6}{8}$ часа ОР; а выработана длиною на 12, шириною от 2-х до 3-х, глубиною от 1-ой до 4-х саженей. В верхнем конце одной выработки жила кончалася. По обеим сторонам в оной выработке видны до 10-ти весьма малых кварцовых прожилков, с малыми рудными знаками; разной толщины, а положение оных—непорядочное, так что лежания в горе наподобие слоев. А другие оные жилы в одном кряже и в одинаковом порядке. В 50-ти саженях от оной выработки имеются старые казармы, из коих некоторые по приказанию его сиятельства графа Гарша для жительства работникам поправлены.
6	От 1-го рудника в расстоянии в $2\frac{1}{2}$ верстах кварцовая жила.	Показанная жила простирается на $2\frac{6}{8}$ часа ОР; а выработано по оной длиной на 10 сажени, шириной от 2-х до 4-х аршин, глубиною на 2 сажени. В верхнем конце выработки в пошве—жила, от 4-х до 6-ти вершков, с рудными знаками. В том же конце выработки — кварцовый прожилок, который соединяется в пошве с главною жилою, в коем рудных знаков не видно.

№	Название рудников	Описание прежних разработок
7	От 6-го рудника в расстоянии в 290 саженьях кварцовая жила.	Показанная жила простирается на 3 часов S; а выработана прежде сего длиною на 16 сажень, шириною от 1½ аршина до 4-х сажень, глубиною на 4 сажени; из них 2 сажени наполнены водою. От нижнего конца выработки—жила по поверхности на 90 сажень; простираение свое имеет таковое ж, как и выше сказано, с рудными знаками; толщиной от ¾-х до 1-го аршина. А от верхнего конца означенной старей выработки по приказанию его сиятельства, графа Гарша, там работа производится поныне; которая выработка длиною в 1½ сажени, шириною в 1½ аршина, глубиною ½ аршина. А по поверхности видна показанная жила всего на 112 сажень. При вышеописанном руднике уповательно прежде добытого рудного кварца примерно до 1000 пудов, безрудного до 600 пудов рудна мелкого до 200 пудов, итого вообще до 1800 пудов.
8	От 7-го рудника в расстоянии в пятидесяти саженьях кварцовая жила.	Показанная жила простирается на 9 часов OR; а выработана длиною на 3 сажени, шириною от четверти аршина, глубиною от ½ до 2-х аршин, с малыми рудными знаками.
9	От 8-го рудника в расстоянии в 250 саженьях жила кварцовая.	Оная жила простирается на 1¼ часов S, толщиной от 1½ до 3-х аршин, которая выработана на 10 сажень; шириною от 2-х до 4-х аршин; глубиною от 1 до 3 аршин. Оная жила от верхнего конца выработана. По поверхности видима на 30 сажень, с малами рудными знаками. От вышеписанной выработки в расстоянии в 200 сажень—вновь найденная штейгером Федором Фофановым кварцовая жила, которая простирается на 2¼ часа M, толщиной в 3 аршина, без рудных знаков.
10	От 1-го в расстоянии в 1 версте горы кварцевая жила.	Означенная жила, с малыми рудными знаками, выработана по приказанию его сиятельства, графа Гарша, длиною на 3 сажени, шириною на 1½ аршина, глубиною в ¾ аршина. В подошве оной выработки простирается в глубину означенная жила толщиной от 2-х до 4-х аршин, на 2¾ часа M, весьма с малыми рудными знаками. В 250 саженьях от оного рудника протекает речка Рокса, которая довольно порожиста и не сильное имеет падение, ко установлению толчейной и просивальной фабрики.

Вышеописанные Ондозерские рудники в расстоянии состоят через Сандальский рудник от города Повенецка во 167 верстах, Петрозаводска — в 307-ми верстах, а от Воецкого рудника — в 90 верстах.

№	Название рудников	Описание прежних разработок
Прикаlicheостровские рудники		
1	От... Калического острова в расстоянии в четырех верстах, на коем ныне работа производится, кварцовая жила.	Означенная жила имеет в себе посредственные знаки медного колчедана, и которая простирание свое имеет на $11\frac{3}{8}$ часов ОС; выработана длиною на $9\frac{1}{2}$ сажений, шириною по жиле, от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{4}$ аршина, глубиною от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{3}{4}$ аршина. От верхнего конца означенной выработки, по поверхности, простирается на 16 сажений и далее. Она жила во всем уезде славилась.
2	От 1-го в расстоянии в 13 саженьях кварцовая жила.	Показанная жила, без рудных знаков, длиною на 9 сажений, толщиною от 4-х и до 6-ти аршин, которая простирается на $10\frac{4}{8}$ часа ОС. На оной жилы работа прежде сего не производилась.
3	От 2-го в расстоянии в 16 саженьях кварцовая жила.	Реченная жила, без рудных знаков, длиною на 13 сажений, толщиною от 2-х до 5-ти аршин, которая простираение свое имеет на $11\frac{2}{8}$ часа ОС. На оной жилы прежде сего работа не производилась.
4	От 1-го в расстоянии в 24-х саженьях кварцовая жила.	Оная жила, с медными знаками длиною известно сколько; толщиною от 4-х до 6 аршин; которая простираение свое имеет на 12 часов ОС. На оной жилы прежде сего работа не производилась.
5	От 1-го в расстоянии в 120 саженьях кварцовая жила.	Помянутая жила простираения на $1\frac{4}{8}$ часа В; длиною по поверхности на 12 сажений; толщиною от 3 до 5 аршин; с железными или какими знаками; на котором прежде сего работа не производилась.
6	От 5-ой в расстоянии в 170-ти саженьях кварцовая жила.	Показанная жила простираение свое имеет на 12-ть часов ОС, при которой прежде сего выработано длиною на 5 сажений, шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, глубиною от 1-го до 3-х аршин; из коих $1\frac{1}{2}$ аршина наполнены водою. А от верхнего конца показанной выработки по поверхности горы жила видна на 8 сажений, толщиною от 2-х аршин и до $\frac{1}{2}$ аршина, с рудными знаками.
7	От 6-го в расстоянии в 16-ти саженьях кварцовая жила.	Означенная жила простираение свое имеет на $10\frac{4}{8}$ часа ОС, которая выработана прежде сего длиною на 15 сажений, шириною от $\frac{3}{4}$ аршина до 1 сажени, глубиною на $\frac{3}{4}$ аршина; в коей имеются знаки меди.
8	От 7-го в расстоянии в 10-ти саженьях кварцовая жила.	Реченная жила простирается на $4\frac{4}{8}$ часа S, по которой выработано в длину 3 сажени, шириною на 3 аршина, глубиною в 2 аршина. В обоих концах показанной выработки жила с медными знаками.
9	От 8-го расстояние в 10-ти саженьях кварцовая жила.	Оная жила простирается на 3 часа S, при которой выработано по верху на 3 сажени, шириною на 2 аршина, глубиною на 4 аршина; из коих 2 аршина наполнены водою, где видна жила толщиною в 2 аршина с рудными знаками.

№	Название рудников	Описание прежних разработок
10	От 9-го в расстоянии в 24-х саженьях кварцовая жила.	Показанная жила длиною в 5 саженьей, толщиной от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ аршина простираение свое имеет на $\frac{6}{8}$ часа S, с рудными знаками; на коей жилы прежде сего работа не производилась. А от конца оной жилы осталось до Сего озера 65 саженьей.
11	От 1-го в расстоянии в 1 версте кварцовая жила.	Показанная жила..... берегу одного острова, длиною на 3 сажени, шириною от 3-х до 5-ти аршин; простираение свое имеет на $10\frac{4}{8}$ часа OR; с медными знаками. На оной жилы прежде сего работа не производилась.
12	От 11-го в 250 саженьях на берегу Каличьего острова кварцовая жила.	Означенная жила.....которая простирается на 6 часов M, толщиной в 4 аршина. Прежде сего выработано в оной жиле длиною на 3 сажени, глубиною $\frac{1}{2}$ аршина.
13	От 13-го в расстоянием в 50 саженьях кварцовая жила.	Показанная жила, с медными знаками, длиною по поверхности видна на $1\frac{1}{2}$ сажени, толщиной в 4 аршина; простираение свое имеет на $7\frac{4}{8}$ часа OS. Прежде сего при оной жиле работа не производилась.

Вышеписанные Каличьеостровские рудники в расстоянии отстоят от города Повенецка в 97, а от Петрозаводска—в 237, а от Воецкого рудника— в 60 верстах.

Иван Толстой

1788 года июня 22 дня в журнале Олонецкой Казенной Палаты Горной Экспедиции записано:

Рапорт берг-гешворена, Ивана Толстого, которым доносится, что минувшего мая в последних днях, текущего июня в первых числах... его для осмотра рудников, однозерского и каличьеостровского, при которых находился. Где находились прежние, также и нынешние разработки; какие в них состоят остатки от прежних работ, кварцовые жилы; какой они толщины и длины, с прожилками, и какими знаками; и насколько они еще ныне простираются и на который час; и какие в них были разработки в длину, и в ширину, и глубину,—обо всем вышеписанном приложил описания. А взятые с показанных выработок штуфы, по тому описанию, в сию экспедицию при том представляет. Того ради с согласия господина вице-губернатора приказали представить обергешворена Толстого штуфы, однозерских 10, каличьеостровских 13, всего 23, препроводить при ордере к берг-гешворену Князеву, приложив при том с присланного одного Толстого описания копию. Послать немедленно оным учинить в содержании металла лабораторную пробу, сколько окажется какой сорт по пробе металла, отметить против каждого в реестре, когда оные пробованы и сколько оказали... какого металла. И по учинению опыта тот реестр со штуфами представить в экспедицию при рапорте. У подлинного подписано тако: Петр Волков, скрепил секретарь Федор Львов.

Подлинный читал Прохоров

Лист 109—110

ОЛОНЕЦКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ В ГОРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ БЕРГ-ГЕШВОРЕНА, ИВАНА ТОЛСТОГО

Рапорт

В присланном ко мне его сиятельством римско-императорского камер-гер и кавалер граф Гарш сего апреля от 1-го числа ордером предписать соизволил, по объявлению деревни Ондозеро крестьянином Иваном Гавриловым на Нюр-горе с нового прииска добытой в минувшем марте месяце рудный кварц 100 пуд., да Каличьего Острова рудный же кварц, сколько его в перевозке или при здешней

толчейной и промывальной фабрики протолочь и промыть на важгертах, а что из оного окажется золота и шлиху, также и полученное из протолчи добытого в прежних годах воецкого рудника рудного камня; и откидного из отвала камня золото отправить в реченную Горную Экспедицию, при рапорте. Во исполнение сего ордера добытый с вышеописанного прииска с Нюр-горы 100 пуд сего апреля 5-го числа получен и разобран на два сорта; смешенного кварца с рудою оказалось один пуд, а безрудного 99 пуд, который притолчен и промыт на важгертах, из коего числа получено из одной вынимки золота малые знаки, шлиху из отобранного с рудою одного пуда—8 фунтов, из 99 пуд—34 фунта, итого один пуд два фунта; да полученное из протолчи добычи воецкого рудника прежних лет рудного кварца из четырех вынимок, то есть в минувшем феврале: из первой из числа протолчи трехсот пуд— $4\frac{1}{2}$; из второй из числа ж трехсот пуд— $3\frac{1}{2}$; из третьей с протолчи откидного из отвала камня из числа трехсот пуд—1; из четвертой в ныне текущем апреле месяце из протолчи двухсот сорока пуд добычи прежних лет рудного кварцу $5\frac{3}{4}$; а всего из вышеписанных вынимок— $14\frac{1}{2}$ золотников. Касательно до перевозки добытого при прииске на Каличьем Острове рудного кварцу, то оного ныне за распутью и разливом реки Сегежи приступить невозможно; а полученное вышеписанное золото $14\frac{1}{2}$ золотников с отправленным ундер-шихт-мейстером Васильем

(На полях приписка — А. Б.)

вер.—

Равно ж и получены из добычи на Нюр-горе из числа протолчи 100 пуд золота малые знаки

Князевым в помянутую Горную Экспедицию в запечатанном ящике при сем препровождаю. Берг-гешворен Иван Толстой.

но

Апреля 9 дня
1788 года.

Писание штуфов, взятых с нижеписанных мест, а имянно:

№		Число
1	В белом кварце медной колчедан, смешанной с медной зеленью, синью и железистою, на евшею желто и темно-красноватою охрою с частью шпата и глиммера, из жилы Каличьеостровской	2
2	В трапповой породе медной колчедан с частию медной зелени и железистой охрой; в кварце известкового шпата, с частию глиммера, из вновь найденного прииска на Юр-горы, близ деревни Ондозеро	3

Берг-гешворен Иван Толстой

Рапорт берг-гешворена Толстого слушали апреля 26 и в журнал Горной Экспедиции записали; и приказано оной приобщить к делу, а золото $14\frac{1}{2}$ золотников весом от ундер-шихт-мейстера Князева принять и хранить в камере за печатью.

Почему оное золото было принято, и после того вместе с полученным представлено его высокопревосходительству господину правителю должности генерал-губернатора, о чем представление значитися в особом деле о разработке воецкого, каличьеостровского и ондозерского рудников.

ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКОИМПЕРАТОРСКОГО КАМЕР-ГЕРА
И КАВАЛЕРА ГРАФА ГАРША

Хотя по мнению моему и определено впредь на несколько лет производить на воицком руднике работу, однако в рассуждении оной требую мысли повторного совета, дабы во удостоверение Горной Экспедиции представить на рассмотрение.

1-й главный пункт.

О возобновлении старого воицкого рудника.

При обозрении мною прошедшего лета рудников, а наиболее воицкого, о коем и о прочих околлежащих полезной образ разработки представил я его высокопревосходительству и Горной Экспедиции, как под богатым знаком, а наиболее по словам, что находится в оном будет руднике золото и руда, и уповал, что на оном будет работа производиться горными служителями; однако я не переменяю своего рассуждения, как теперь работа производится вольнонаемными крестьянами за 6-ти рублевую в месяц плату и больше, то я просить буду его высокопревосходительство, чтоб оставил здешний рудник работою до того времени, когда будет пожалован от государыни на здешний ее рудник целой горный батальон служителей; та самая дорогая цена может сделать, что все наши работы останятся; а только может прибыль принести с богатых рудников, как то чальской, каличьеостровский, ушковский и золотосодержащая жила на Юр-горе. Ежели крестьяне согласятся по моему плану, данному его превосходительству, работать рудники и нам продавать чистую медную руду, за какую договорить можно цену, то я думаю, казна от одного уже ущерба не получит.

Причины сему многие есть о разработке рудников [вольными крестьянами.

1-ое.

Дабы вольными крестьянами чинить потешно и исправно разработку, таковые требуют над собою особливых надзирателей и показателей, без коих они бурить, забивать и палить совсем не в состоянии; и притом должно исходить в четверо более пороху и гораздо менее добывать камня, как настоящими рудокопами, то для сего оным и определяется рудокопщик в день и ночь, как для понезнания; так и для понуждения в работе и бережения казенного интереса.

Прежде всего в работе при каждой смене одному человеку давалась одна свеча, а ныне они требуют каждой по четыре.

2-ое.

Когда оные крестьяне проработают месяц и привыкнут к тому, что делают, на другой месяц просить станут уже более, как от 7 и до 8 рублей; а естли производить отливку старому руднику и начать работу, то тогда... не согласятся..... и за 12 рублей; паче же чаяния, естли при бурении кого убьет, тогда и ни за какие деньги к работы не привлечешь.

3-е.

Итак, естли определит ее императорское величество на все рудники целой батальон мастеров служителей, то работа с успехом и прибылью казне производима быть может; напротив, вольнонаемными и крестьянами не прибыль, а ущерб казна получит, так что, наконец, и совсем рудники должно остановить; и причина сему есть та, что по малой толщине жилы, должно много обрабатывать пустого серого камня.

А притом, хотя мастеровыми работать оной рудник, то и тогда приходит казне ущербу будет втрое, нежели как в немецкой замли; а особливо Унгарии гораздо дешевле здешнего: там для рудников и служителей казна все приготавливает, как то:

1-ое.

Каждому человеку выдается от казны потребная одежда, обувь, припасы и служащие для пищи и прочие; по прошествию же года, при выдаче жалования, он не более получит 6-ти рублей сверх вычтенной за бранные им от казны вещи чистых денег. Потом, естли казна купит у вольных продавцов какой либо рогатой скот за настоящую цену, то те деньги возвратятся из одного только мяса; сало же и кожа остается прибылью для рудников. Еще казна покупает лен за дешевую цену, из коего, сделав холст, который потом и продают мастеровым на нижнюю одежду и получают от того довольный прибыльок.

2-ое.

Покупают вина и ренского примерно на 100 рублей, а, продав, получают прибыли на сто 30 процентов.

3-е

В Шмельнице, в Верхней Унгарии, казна покупает довольное количество овец за дешевую цену, коих мясо продают, шкуры употребляют на зимнюю одежду для служителей; сало на свечи, на делание селитры служат.

А из серного колчедана в печках плавится сера. Уголь же добывают казенными людьми; а потом тем способом в пороховой мельнице делается порох, которого пуд казне не больше стоит 2-х рублей.

В Шемнице водяных машин 31, конных 15-ть, то для лошадей покупают овес, который продают вольным людям по рудникам, от чего получают довольной барыш; а приторгованным овсом лошадей прокармливают, уже собственно принадлежит и вышеупомянутым машинам.

В тамошних местах покупают из рудников партикулярных серебро, фунт по законной цене за 22 рубли 20 коп., которое употребляют на монеты и делают из фунта 28-мь рублей 80 копеек, и оные деньги потом употребляют на покупку разных припасов и на выдачу жителям жалования, через что и доставляют казне прибыль.

В Шмельнице экономическая коллегия прибыли получает ежегодно 40 и до 50 тысяч рублей; через сие судить можно, в тамошнем месте работать какое нибудь место за 20 рублей, а здесь таковое за 100. Оным способом сделана в Шемнице главная штольня длиною на 24 версты, вышиною 6 и до 7 фут, где через пустой камень работали 8 верст; а для лучшего удостоверения продолжается на все стороны к старым рудникам на 16 верст. Сии штольни по глубине 150 и 170 сажений. И так работа кончилась через 17 лет; на то суммы употребилось 200 000 рублей.

Так я еще приступить намерен о разработке воицкого рудника.

Как не безизвестно Горному Совету, что я для порядочного рассмотрения в старом руднике жил приказал верхнюю кибитку под № 2 и нижнюю под № 1 вычистить и поправить на оных мосты; и как оное надлежаще было исправлено, то рассмотрены оные жилы мною неоднократно; и рассуждая об оных, заметил, что они разделяются на шахты под № 3-м на один час № 4-го верхней кибитки и на другой час № 5-го нижней кибитки, и простираение свое переменят. Некоторые жилы знаки мною и поставлены на поверхности горы, и видно, что они простираются на 1-й на знак золота.

Более всего примечено мною, что в обоих кибитках пересек оные жилы серовик с обеих сторон, как то на плане означает белое место. Для большего удостоверения приказал я в конце верхней и нижней кибитки №№ 1-го и 2-го серовик обработать, и потом видел, что два больших слоя серовика под №№ 6-м и 7-м пересекает с обеих сторон жилу; через сей способ удостоверился, что из обеих кибиток те жилы выходят совсем на дневную поверхность и разделяются на №№ 8-м и 9-м, имея простираение на поверхность горы через весь наволок.

Более же сего известно Горному Совету, что я сделал три пробы из старого рудника через протолчку и промывку для испытания ее богатства вверху, середине и глубине, как они имеют содержание золота и меди.

1-ая

Проба была сделана из добытого рудного кварца самой почвы при вирт-мейстере Петре Волкове, который ныне господином ассесором в Горной Экспедиции. Оной кварц содержит на 300 пуд $4\frac{1}{2}$ золотника золота и 20-ть пуд медного шлиху.

Из ныне добытого кварца в нижней кибитке, которой из 270 пудов содержит шлиху 1 пуд и $\frac{1}{2}$ часть золотника золота.

Из добычи Шамшинского отвала из 300-т рудного кварца получили шлиху 3 пуда, золота 1 золотник.

(На полях приписка—А. Б.)

То по сему судить можно, что старый рудник—не очень богатой и жила гнездовата была рудою. А как нам всем известно, в одно время добыли самородного золота $1\frac{1}{2}$ фунт, а после того через 6-ть недель не получили нисколько золота; а потом уже оказывалось при вынимке из 100 пуд руды 12 и 2 золотника золота; а на последок уже из 300-хсот пуд 2 золотника и менее. Естли на счастье горное возобновить воицкой рудник, как известно Горному Совету, что на полуденной стороне есть жила на длине от 12 и до 15, а вышиною до 18 сажен; на оной жиле сделана плотина для держания воды господином советником, Нордгаузером. Естли от оной повреждения никакого не делается, то можно работу производить на оной жиле 5 и 6 лет; то я уповаю, что, естли отлить старого рудника воду, построить вододейственную машину, и то тогда, когда будет прислан горный баталион слугителей,

Хотя и есть в оном руднике жила, и содержит в себе золото и руду, об оной точно не могу удостоверить, будет ли казне прибыль; а что касается до другой жиле, которая на полуденной стороне, то на оной работа производима не была в рассуждении малых знаков золота и руды. Вместо оберштейгера Ивана Копырева сын его, Елисей, руку приложил.

При бытности моей, как я находился при оном руднике, при самой последней работы тогда производилась работа близ Вига и в самой почве рудника, потому что в ней находилось золото и руды.

А что касается до жилы, которая на полуденной стороне под плотиною, оная была неработана в рассуждении малых знаков золота и руды; о богатстве ж и возобновлении рудника, то я удостоверить не могу, будет ли работа производима казне с прибылью. Вместо штейгера Федора Фофанова его прошением Елисей Копырев руку приложил.

Соображая нынешние расходы с прежними, легко усмотреть можно, что прежде работал воицкой рудник казенными людьми, из коего получаемое золото обходилось казне в три и более в рассуждении употребляемого на то расхода. Ныне же, чтоб оный рудник отлить и паки возобновить, требует уже гораздо больших расходов по той причине, что в зимнее время вольные работники получают плату в 6 рублей в месяц, работая при том на дневной поверхности; в летнее ж время работа на глубине 80-ти сажен потребует уже гораздо более. Из чего и можно заключить, чтоб оной рудник паки отлить и порядочно рассмотреть, то должно положить произвол судьбе, не упоминая о расходе и приходе, поелику будущего знать не можно; и только, ежели на то определен будет горный баталион слугителей.

Берг-гешворен, Иван Толстой

2-й главный пункт.

О разработани на воицком наволоке жил и прожилков, также и за рекой, в полях.

(На полях приписка—А. Б.)

Чинимые на воицком наволоке разработки единственно делал для точнейшего испытания жил в содержании золота, как было то известно всем, хотя жила под знаком золота и может быть благонадежна, однако оную ныне оставляю в рассуждении вольнонаемных работников, коим должно платить дорогую цену, что меня немало устрашает.

На вышеупомянутом пункте хотя прежде сего в бытность мою в 1769 и 670 годах добычи руды и золота происходила уже тому времени назад около 18 лет, то через такое долгое время и прибыли, и в ожидаемом употребленного расхода удостоверить не могу.

Жила под № 14 в третьей смене пересекло серовиком. При № 16-ть, как и всем было известно, что показалась лазуревая руда. Но обе пересекло серовиком

показанием пласт кварцу караульщиком Онушиным на наволоке, близко реки Выга, которой при открытии совсем пересекло серовиком. Равномерно и мой пласт, считающей благонадежным, близко реки Выга, под знаком меди, по разработке шириною на 2 аршина пересечен серовиком.

Итак по сему судить бы надлежало, что во всем наволоке надежды никакой не будет. Однако я не примину еще предложить Горному Совету, что, как скоро весною скроется снег и обнаружатся жилы, то приискать все знаки, поставленные мною на оном наволоке, а особливо последней, которой я поставил на благонадежную жилу. В оное время советую рассматривать жилы, для той причины, что внешнею водою оные жилы могут совершенно обнаружиться. Таким же образом рассмотреть должно вскрытые мною места и за рекою Выгом, где находится жил, прожилков и пластов до 20-ти, из коих иные в том числе имеют металлы; по каким можно работу производить порогами, в рассуждении того, что в оных находится руда гнездами, кои не очень длинны и глубоки; и все они будут содержать золото, как при № 7-м и 12-м показалось, также яшму шахте под № 6-м, о которой приказано от Экспедиции разработать наступающею весною.

(На полях приписка—А. Б.)

А как теперь работа производится в 3-х местах, на № 7-м и 12-м и на Серебряной горы, на все оные жилы потребно только взять вольных работников 4-х человек

Обще Горный Совет мнение свое прилагает работу производить в 3-х местах по рассмотрению вашего сиятельства.

и работать на одну смену 12 часов, как-то: на № 12-м определить 2-х мастеровых и 2-х вольных; на № 7-м то же число; а на Серебряную гору—только 2-х мастеровых; а плотник остается для другой должности. Засим в кузницу для поправления и починки инструментов истребовать от Горной Экспедиции должно повелением, чтоб позволила в оные взять караульщика Терентия Онушина.

Итак, на все вышеписанное прошу я от Горного Совета каждого в особенности мысли.

3-й главный пункт.

О толчении и промывке, как последней месячной рапорт Горной Экспедиции представлен был, чтоб позволил определить малолетних для разбирания руд, то о скорой оных присылке надобно еще второй послать рапорт. Итак, по получении тех малолетних определить их к разбору, чтоб они разбирали на два сорта, рудные штуфы особо, а кварц для толчения особо ж.

А чтобы можно видеть и получить золото, то для сего рудной кварц толочь должно из жил № 12 и 7-го. Из оных малолетних двоих определить должно близко порогов Воичозера, дабы водою, унесенной из промывальни, песок добывать и там на золото им промывать.

(На полях приписка—А. Б.)

И, наконец, прикажу Горному Совету без позволения Горной Экспедиции вольных нанимать более 4 человек; естли же кои

Обще Горный Совет полагает, что мнение согласия сего предписания вашего сиятельства.

богаче жилы окажутся, те работать, а убогие оставить впредь до рассмотрения.

(Подписи и даты нет—А. Б.)

К ИСТОРИИ МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XVIII В.

I

Историю экономического развития России нельзя объяснить, не учитывая значения мануфактурного производства в этом развитии, не учитывая того, что «крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой»¹. Но ни в одном вопросе об экономике России XVIII в. не проявляется так ярко разноречивость сведений, как в вопросе о числе мануфактур этого времени.

Так, число всех фабрик, имевшихся в 1762 г., устанавливается Семеновым² в 201 и для 1776 г. — в 478 единиц, Лаппо-Данилевский³ определяет это число в 500, а «Материалы по истории промышленности России»⁴ сообщают о 984 «фабриках» в 1762 г. и о 3126 — в 1796 г. и т. д.⁵.

Основной причиной разноречивости является неопределенность принципов и техники статистики русской промышленности и прежде всего — произвольный отрыв «фабрик» от мелкого «кустарного» производства, при котором «промышленность обыкновенно разрывается в нашей экономической литературе и статистике на две части: крестьяне, работающие по домам или в не особенно крупных светелках, мастерских и т. п., относятся к «кустарной» промышленности, а более крупные светелки и мастерские попадают в число «фабрик и заводов» (и притом попадают совершенно случайно, так как нет никаких точно установленных и однообразно применяемых правил об отделении мелких заведений от крупных, светелок от мануфактур, рабочих, занятых на дому, от рабочих, занятых в мастерской капиталиста)»⁶.

Это замечательное по меткости определение Ленина имеет значение для XVIII в. отнюдь не меньшее, чем для XIX в. Больше того: до 70-х гг. XVIII в. мелкие «неуказные» предприятия вообще не учитывались, и только с легализацией их в 1767 г. учет в целях обложения сборами ставится и для них⁷. Вместе с тем известны случаи

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 333.

² А. Семенов «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.». Спб. 1859 г., т. III, стр. 474, приложение IV.

³ А. Лаппо-Данилевский «Очерк внутренней политики Екатерины II». Спб. 1898, стр. 20.

⁴ Сборник свед. по мин. фин. 1865 г., т. II, стр. 224.

⁵ В 1802 г. по докладу мин. внутр. дел их значилось 2270 (Полн. собр. зак.), т. XXVII, № 20852).

⁶ Ленин, Соч., т. III, стр. 300.

⁷ Вероятно, значительная доля «двух тысяч новых Екатерининских фабрик» возникла подобным путем.

огульного соединения нескольких предприятий в одну «фабрику». Так, «единая» в статистике XVIII в. мануфактура Бутримова-Грачева (официально — Шереметьева) в действительности состояла из двух⁸ предприятий, мануфактура Гончарова (Калужской губ.) — из трех и т. д.

В числе крупных мануфактур были такие производственные гиганты по тому времени, как мануфактуры Гончарова, Лугинина и особенно Затрапезного, большее из предприятий которого насчитывало «слишком 6 тысяч человек»⁹. «Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост употребляемых в дело рабочих технической необходимостью»¹⁰.

Учитывая эту роль рабочих кадров для развития мануфактурного производства, можно, в частности, сказать, что текстильные мануфактуры возникли и развивались там, где были развиты мелкие прядильно-ткацкие промыслы и где, следовательно, имелась подготовленная рабочая сила, а предприниматели обладали достаточными капиталами.

Мелкие крестьянские промыслы уже в XVIII столетии имели вековую давность. Достаточно указать хотя бы на полотняные промыслы села Иванова в XVII в.¹¹

Для XVIII в. существование таких промышленных сел, как Великое, Писцово, Иваново, Кохма, Павлово, Ворсма, Шуя и др., не может не говорить о широкой распространенности крестьянской промышленности. ...«Село Ивановское Московской губернии славно... ивановским полотном, которое делается тамошними крестьянами и развозится по всей России»¹². Наказы в комиссию 1767 г. дают целый ряд примеров с описаниями крестьянских промыслов. Об этом же говорят и такие писатели, как Шторх, Герман. «Генеральное Межевание» определяет ткачество холста лишь в одной Тверской губернии в 80-х гг. в 25 млн. аршин (вывоз за пределы губернии достигал 10 млн. арш., а в 1879 г. — лишь 16 млн.)¹³.

Тем же источником отмечено «множество» мелких ткацких заведений¹⁴.

Значение мелких промыслов для развития мануфактурного производства показывает также пример Астрахани, в которой, по свидетельству Олеария (1630 г.), представители различных восточных народов «ведут всякого рода товарами значительную торговлю и промышленность»¹⁵, а немного позднее есть уже совершенно точные

⁸ «Записки Ист.-быт. отд. Русск. музея», 1927 г., т. I, стр. 230. Малинин, «К истории завода», 1929 г. стр. 11.

⁹ П. Любомиров, «Очерки по истории русской промышленности», Л., 1930 г., стр. 81, 83—84. Полуниин-Мюллер, «Географический лексискон», стр. 367.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. изд. 1937 г. т. XVII, стр. 396. (Капитал, т. I).
¹¹ «Труды Влад. Губ. статист. ком-та», вып. I, стр. 27. Я. Гарелин, «Город Иваново-Вознесенск...», 1885 г. стр. 237 и след.

¹² М. Чулков, «Историческое описание российской коммерции», 1786 г. т. VI, ч. 3, стр. 256.

¹³ Данные взяты из «Историко-статист. описания Тверской губ.» В. Покровского (стр. 131—132).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Чтения Об-ва истории и древностей российских», 1869, кн. IV, гл. X, стр. 455.

указания о производстве тканей и сафьяна¹⁶ и, наконец, для первой четверти XVIII в. можно говорить о наличии распространенных шелкоткацких промыслов в этом городе для сбыта на рынке. Несомненно, что относительно более быстрое развитие шелкоткацких мануфактур в Астрахани объясняется в значительной мере тем, что астраханские шелкоткацкие мануфактуры возникали не на пустом месте, а на базе использования производственных навыков работников шелкоткацких промыслов.

В свою очередь нельзя не поставить возникновение, например, шелкоткацких промыслов в центральной части страны (преимущественно — Московская губерния) в прямую связь с возникновением шелкоткацких мануфактур в Петровскую эпоху. А существование мелких ткацких промыслов¹⁷ оказалось существенным условием (даже при всей незначительности ремесленников в составе рабочей силы в текстильных предприятиях) для создания кадров квалифицированных работников в мануфактурном производстве.

Полное овладение капиталом этой массой мелких производителей, раздробленных своим обособленным хозяйничаньем, было еще впереди.

Если осуществление тенденций к этому овладению, присущих мануфактуре, наталкивается на разные препятствия¹⁸, то в России, где крепостное право, как указывал Ленин, «наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы» и где «оно ничем не отличалось от рабства»¹⁹, эти препятствия оказались наиболее могущественными. Уже самый факт права помещика на труд, личность и собственность крепостного являлся таким тормозом для развития мануфактурного производства. Если ряд выкупов крепостных предпринимателей на волю за десятки и даже сотни тысяч рублей говорит об интенсивности накопления крестьянской верхушки, то вместе с тем он указывает на характер препятствий для развития мануфактурного производства.

Но основная предпосылка для развития мануфактурной промышленности — достаточно развитое мелкое производство — имела в ряде районов страны. В значительной степени оно было связано с местными сырьевыми ресурсами.

Разумеется, отношения между мануфактуристом и кустарем не могли ограничиться и не ограничивались скупкой сырья и полуфабриката, а развивались по линии втягивания мелких промыслов в орбиту мануфактурного производства.

Начало этого процесса и имеет место в последние десятилетия XVIII в.

Иностранцы-современники, побывавшие или жившие в России, сообщали об огромных размерах русских мануфактур, особенно — полотняных (Герман) с тысячами рабочих²⁰.

¹⁶ П. Любомиров, Указ. соч., стр. 124.

¹⁷ Трактровка М. Н. Покровским промышленной политики Петра I (в частности, указа 1718 г.), как „похода против кустарного ткачества“ (Покровский, „Русская История“ т. II. стр. 208—9) или „системы мероприятий, разрушивших мелкие ткацкие промыслы“, неправильна. В том же 1718 г. было разрешено несколько сортов „полотна делать по-прежнему“, а в 1720 г. запрещению подвергся вывоз, а не внутренняя торговля и производство (лишь тонких сортов узких полотен), П.С.З., №№ 2943, 3156, 4259.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 405 (Капитал, I).

¹⁹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 367.

²⁰ Например, парусная мануфактура Гончарова имела до 4½ тысяч рабочих, но из них „по деревням в разных уездах для оной работают до 2.000 душ“ („Топографическое описание Калужского наместничества“. Спб. 1785, стр. 62).

Известные преувеличения в подобных описаниях объясняются, очевидно, прежде всего захватом большего или меньшего количества лиц, работавших на фабрику, но не на ней самой.

Итак, крепостные отношения оказали безусловно отрицательное влияние на развитие мануфактурного производства в России. Тем более к русской мануфактурной промышленности может быть отнесено указание Маркса о том, что «мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»²¹.

Мануфактура оказалась вместе с тем средоточием противоречий различных классовых слоев России XVIII столетия, противоречий между дворянством и купечеством с одной стороны и между мануфактуристами в целом и рабочими массами — с другой.

А купечество, не объединяясь одинаковыми правами и обязанностями, имело привилегированную верхушку, обладавшую монопольными правами на целый ряд отраслей промышленности вплоть до 90-х гг. XVIII века.

Засилье верхушки этой группы привело к тому, что она заслужила, подобно «гостям» XVII столетия, глубокую ненависть со стороны менее обеспеченной части купечества. «Злодейства и великие пронырства их (компанейщиков), по словам одного подметного письма к императрице Анне Ивановне, вникнули в народ, яко ядовитые змеи, прельщающие лестью, гонящие народ к великой нищете и вечной гибели»²². Тот же мотив изображается и в наказе мануфактур-коллегии: «Содержатели великих фабрик ненавистны сделались обществу»²³. Жители Москвы, Костромы, Нерехты и других городов, выдвигая требования о ликвидации монополий и привилегии крупных предпринимателей²⁴, указывают, что «хотя в России мануфактур и фабрик обстоит число немалое, но теми мануфактурами пользуются одни купцы капиталисты, а среднестатейное купечество совсем оно го права не имеет» (наказ горожан Нерехты). Остальные наказания в различных вариантах повторяют эти жалобы²⁵.

Невыгода положения «некапиталистских» купцов иллюстрируется указом 1744 г., в котором при перечислении упраздненных фабрик «за неразмножением и худым мастерством» большинство разорившихся принадлежит к числу единичных, а не «компанейских» предприятий²⁶.

Мануфактурное производство в течение ряда лет развивалось в условиях протекционистских привилегий и монополий, отделявших его от остальной промышленности²⁷. Разумеется, такая политика

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 406. (Капитал, т. I).

²² А. Лаппо-Данилевский, «Русские промышленные и торговые кампании...» Спб., 1899, стр. 117.

²³ „Сб. Русск. истор. об-ва“, т. XI, стр. 207.

²⁴ Там же, т. XCIII, стр. 132, 170.

²⁵ Там же, стр. 340, 392, 404, 434, 522.

²⁶ Правда, и компанейские предприятия не отличались прочностью, но уменьшение числа их во 2-й половине века объясняется не разорением, а преимущественно распадом на составные части владельцев (А. Лаппо-Данилевский, указ. соч., стр. 45).

²⁷ Нередко монополии забирало само государство. Например, в 1751 г. учреждена монополия казны на торговлю пряжей.

В 1758 г. велено пряжу отпускать из казны для вывоза за границу в 19½ коп. за фунт (А. Семенов, указ. соч., стр. 153—154).

предполагала подавление мелких непривилегированных предприятий, и, действительно, «неуказная» промышленность более 40 лет после Петра находилась в обстановке организованной и узаконенной травли, облав, арестов и конфискации.

Основные вехи этой борьбы, отразившиеся в законодательстве, следующие.

В 1751 г. в категорической форме повторено запрещение производства каких-либо товаров всякими предпринимателями, кроме «настоящих фабрикантов»²⁸.

В том же направлении действовал и указ 3 сентября 1752 г. (сохранившийся лишь в переложении), предписывавший ликвидировать все безуказные предприятия, а материалы, инструменты и в особенности фабрикаты конфисковать, так как такие вольные производства «настоящим в производстве и распространении их фабрик помешательство и остановку чинят»²⁹. (Указ 1755 г. 6 мая о «пресечении неуказного мастерства» имеет тот же характер).

Подобная политика встречала поддержку указных предпринимателей. Например, в 1760 г. 44 полотняных указных мануфактуриста единодушно отмечали в своих отчетах отсутствие каких-либо препятствий для развития их производства³⁰. Но еще в 50-х гг. заметны тенденции к другому курсу³¹. В 1758 г. появляется указ «о всеобщем дозволении производства пестрядей»³².

В 1762 г. отменено запрещение производства набоек³³.

К этому же времени относится проект указа Сената об уничтожении монополии откупов и пр., в котором предполагалось не только не стеснять вольных фабрикантов, а всячески стараться «дабы как лен, так и другие российские продукты сколько возможно противу прежнего в переделе были»³⁴.

Однако политика либерализма по отношению к мелкому производству, намечавшаяся в годы семилетней войны, в 1764 г. была приостановлена, а указ этого года возродил борьбу с безуказными предприятиями, причем для эффективности этой борьбы доносчики поощряются половиной конфискованного имущества³⁵.

Но влияние крепнувшего шляхетства, а также податные соображения прекратили подобные колебания правительства.

По указу 19 апреля 1767 г., отменившему запреты для безуказного производства, все конфискованное имущество возвращалось по принадлежности³⁶.

Указ 1769 г. объявил свободу ткачества в домах горожан, с платежом определенных сборов, причем изъявлено было высочайшее удовольствие о том, что «многие городские и уездные жители начинают в домах своих вне фабрик ткать на станах такие товары, которые всегда из других государств прежде выписываемы были»³⁷.

²⁸ ПСЗ, т. XIII, № 9889.

²⁹ „Архив истории труда“, Л., 1923 г., кн. 11—12.

³⁰ П. Любомиров, указ, соч., стр. 77.

³¹ В 1753 г. уничтожены таможенные и налоговые сборы внутри страны, а вместо них установлен добавочный 13%-ный сбор с ввозимых и вывозимых товаров.

³² ПСЗ, т. XV, № 10910.

³³ В этом же году разрешена свободная караванная торговля холстом с Китаем и для „пользы отечества“ запрещен вывоз за границу льняной пряжи (А. Семенов, т. III, стр. 12).

³⁴ „Архив истории труда“, Л., 1923 г., кн. 11—12.

³⁵ Там же.

³⁶ ПСЗ, т. XVIII, № 12872.

³⁷ Там же, № 13374.

Следовательно, манифест 17 марта 1775 г.³⁸, провозглашавший свободу развития промышленных предприятий, не давал ничего нового, кроме юридической санкции давнему явлению быта.

Такие мероприятия, как упразднение Мануфактур-коллегии в 1779 г., привели в результате к уничтожению исключительного положения предпринимателей, к ограничению их привилегий.

Это означало, что политика ограничений мелкого производства под давлением дворянства, заинтересованного в развитии крестьянской промышленности, правительством была оставлена.

II

В продолжение всего екатерининского царствования последовательно выдерживался путь законодательных ограничений в отношении использования труда крепостных на купеческих мануфактурах; и однако количество крепостных рабочих в русской промышленности второй половины XVIII в. не только не уменьшалось, а, наоборот, обнаруживало тенденцию к дальнейшему росту.

Можно наметить две основные причины этого явления: 1) изменение состава крепостных рабочих, именно — увеличение кадров рабочей силы дворянских, вотчинных мануфактур и 2) систематический обход предпринимателями законодательства о посессионных работниках.

Для конца столетия нет исчерпывающих данных о численности вотчинных «рабочих» в отдельности, но если взять цифры 1769 и 1825 гг., то сравнение их покажет гораздо более сильный рост числа вотчинных работников (5720 и 66 725), чем посессионных (21 864 и 29 328)³⁹.

Разумеется, на основе этих цифр нельзя вывести какую-то среднюю для конца XVIII в., но зато можно и должно отметить безусловный рост вотчинной рабочей силы, приводивший к повышению удельного веса в промышленности крепостной рабочей силы в целом.

А рост дворянских, вотчинных мануфактур, особенно текстильных, является для данного времени достаточно доказанным и известным. Если среди петровских «фабрикантов» дворяне почти отсутствовали, то с середины XVIII в. появляются и мануфактуристы из привилегированного сословия, количество которых во второй половине столетия резко увеличивается. При этом самые крупные из вотчинников, часто очень видных, оказываются и крупнейшими фабрикантами и заводчиками; так например, владельцами полотняных и суконных мануфактур были такие лица, как кн. Куракин, Голицын, Долгорукий, Шереметев, Безбородко, Щербатов и др.⁴⁰

О роли дворянских вотчинных мануфактур можно судить по опубликованным данным Мануфактур-коллегии, насчитывавшей к началу 70-х гг. из 326 предприятий с оборотом в 3½ млн. руб. 66 дворянских с оборотом более 1 млн. руб. в год⁴¹.

В сущности, эти дворянские «фабрики» можно разделить на предприятия двойного типа: во-первых, на предприятия с явно выраженной ориентацией на рынок, являвшиеся, как правило, относитель-

³⁸ „... всем и каждому дозволяется добровольно заводить всякого рода станы и рукоделия, не требуя на то уже иного дозволения, от высшего и нижнего места“ (ПСЗ, № 14275).

³⁹ „Памятники соц.-экономич. истории России“, Промышленный труд в крепостную эпоху. Сборн., сост. К. Пажитнов, Спб., 1924 г., стр. 144.

⁴⁰ Чулков, указ. соч., стр. 591—697 („Ведомость фабриков“).

⁴¹ Там же.

но более крупными, занимавшими значительную часть крепостной рабочей силы в системе поместья, при имевшем нередко место обращении владельцев в Коллегию с просьбами о приписке дополнительных контингентов крепостных работников, и, во-вторых, на предприятия мелкие, являвшиеся, в противоположность первым, составною частью поместья, т. е. действительно вотчинными предприятиями, не подавлявшими остальные части хозяйства помещика, а дополнявшими их и поставлявшими продукцию преимущественно «для собственного потребления» владельца и его двора.

Наиболее крупные дворянские мануфактуры едва ли чем отличались в расстановке рабочей силы от крупных купеческих предприятий.

Поэтому разбор специфики этой расстановки должен главным образом относиться к более мелким вотчинным «фабрикам», как более типичным.

Организация этих фабрик помещиками внутри поместья объясняется прежде всего стремлением помещика к использованию излишней рабочей силы на месте, в самом имении. Поэтому первоочередной задачей вотчинника являлась организация работ в зимний период. В материалах Мануфактур-коллегии имеются указания на применение труда крепостных в данное время года в производстве в поместьи различных полотен, сукна и каразеи⁴².

Но способы этого использования крепостной рабочей силы были довольно многообразны и не ограничивались только зимним временем, а нередко практиковался полный отрыв работника от земли. В одной из челобитных крестьяне вотчины Нарышкиной (Тульская губерния) указывали в 1775 г. на содержание за свой счет работниц, труд которых круглый год использовался на мануфактурах. Очень распространенным был также способ работы «брат на брата», т. е. разделения работников поровну для работ в мануфактуре и в сельском хозяйстве. Известно, например (1803 г.), что на суконной «фабрике» в имении Волкова (Рязанск. губ.) работало крепостных 88 мужчин и 86 женщин, причем работа была организована в две смены — по три дня в неделю при четырнадцатичасовом рабочем дне. Работники заработной платы не получали, имея 1—1½ десятины земли в каждом поле⁴³.

На мануфактуре Бярятинского в той же губернии было 290 крепостных работников, работавших также двумя партиями, причем на летние сельскохозяйственные работы давался отпуск⁴⁴.

Но этот способ, получивший в литературе довольно большую известность, проводился, видимо, далеко не буквально, так как известны значительные отклонения от подобного распределения рабочей силы; в частности, о белорусских мануфактурах конца XVIII в. имеются упоминания об использовании на многих из них 1/3 работников, при эксплуатации остальных на сельскохозяйственных работах⁴⁵.

Ввиду барщинного характера работы заработная плата в подавляющем большинстве случаев не выплачивалась. Но иногда применя-

⁴² ГАФКЭ Г. А. XIX, 377, л. 100 (Докладная записка вице-президента Мануфактур-коллегии).

⁴³ „Журнал мануфактур и торговли“, № 6, 1832 г.

⁴⁴ Семевский, „Крестьяне в царств. имп. Екатерины II“, Спб., 1901 г., т. 1, стр. 79 и сл.

⁴⁵ „Материялы да гисторыи мануфактуры Беларусі у часы распада феодалізма“, Менск, 1936 г., стр. 4.

лась и оплата. Например, она практиковалась на мануфактурах Щербатова в Ярославском уезде, Озерова в Вятской губернии и др., длительность работы на которых достигала 230 дней в году. Устраивая вотчинные «фабрики» у себя в имениях и нередко пригоняя к ним крестьян из других районов⁴⁶, помещики обыкновенно отводили для них усадебную землю рядом с мануфактурой. Работа производилась большей частью в особых зданиях, но в то же время ткачество ставилось и в крестьянских избах⁴⁷.

При этом к работе привлекались не только взрослые обоого пола, но также и дети, помогавшие взрослым «работать пряжу с шерсти» и производить [другие работы]⁴⁸. Но собственной пряжи вотчинной «фабрике» очень часто не хватало, и тогда она выходила за пределы своих светлиц в крестьянские избы, а оброк льном или шерстью сменялся на оброк пряжей. Однако и этот источник иногда оказывался недостаточным, и тогда помещику этот недостаток, говорящий о степени использования рабочей силы, приходилось компенсировать закупками полуфабриката на рынке.

Во всяком случае преимущество помещика перед купцом проявлялось уже с момента заготовки сырья или полуфабриката. Так, в селе гр. Головкина для имевшейся там полотняной фабрики (200 станов) каждая женщина обязана была поставить $\frac{1}{2}$ пуда льна ежегодно. Из одиннадцати случаев, известных по «Генеральным соображениям», в восьми использовалось домашнее сырье (на остальных трех самых крупных предприятиях — покупное)⁴⁹.

Все эти, достаточно пестрые способы организации работ в вотчинной мануфактуре сводились, в сущности, к тому, чтобы возможно полнее использовать крепостную рабочую силу крестьян и дворовых.

В результате, помещик «с полным знанием дела» заявлял, что «фабрики держат крестьян в беспрестанном трудолюбии»⁵⁰.

Поддержание подобного «трудолюбия» обуславливалось средствами внеэкономического принуждения, применение которых было, как известно, достаточно распространенным. Поэтому организация труда в помещичьей мануфактуре целиком определяется указанием Ленина, что «крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»⁵¹.

А правовое и бытовое положение крестьян, работавших на вотчинных мануфактурах (являвшихся предприятиями, основанными почти исключительно на крепостном труде), не отличалось от положения остальных крепостных. Правда, запрет 1762 г. касался и дворян, которые так же, как и купцы, не могли покупать деревень к своим «фабрикам», но на самом деле последние не имели ограничений, присущих посессионным предприятиям.

В действительности, помещик рекрутировал рабочую силу для

⁴⁶ Так, например, в Верейский уезд к Наро-Фоминской фабрике в середине XVIII в. владельцами (Скуратовым, а позднее Щербатовым) вывозились крестьяне из Орловской и Рязанской губерний. Такими же мероприятиями сопровождалось возникновение и некоторых других мануфактур. («Вестник Европы», данные за 1789 г., т. VII, стр. 16).

⁴⁷ Семевский, указ. соч.

⁴⁸ Материалы Бел. Гос. Ак. Н., 1937 г., т. I, стр. 19.

⁴⁹ «Генеральные соображения», 1873 г. (данные за 1781—83 гг.).

⁵⁰ Сб. Росс. ист. о-ва, т. XCIII, стр. 45.

⁵¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 336.

своей мануфактуры, не считаясь с какими-либо законодательными актами⁵².

Для крестьян вотчинные мануфактуры были крайне тягостными, недаром их челобитные о ликвидации этих фабрик отличались особенной настойчивостью⁵³.

Показательны высказывания (в дневнике) Н. Тургенева, в имении которого имелась мануфактура: «Все жалуются, т. е. не хвалят фабрику и подлинно нельзя не жаловаться, многие из девок не выдаются замуж, потому что фабрика требует их работы, работа фабричная изнуряет людей еще в самом младенчестве; мальчиков и девочек бьют, когда учат. Некоторые из них... носят на лицах доказательство трудной сидячей работы» и т. д.⁵⁴.

Такие высказывания, несомненно, могут быть отнесены к характеристике положения не только собственных крестьян помещика, но и крестьян, находившихся в его владении на праве посессионном, ввиду отмеченного выше отсутствия действительного различия положения этих групп.

И дело заключалось не в «непонятливости» местной администрации в вопросах различия данных форм крепостного труда⁵⁵, а в нежелании помещиков, из которых слагалась эта администрация, признавать подобные различия. В сообщениях мануфактуриста-дворянина гораздо чаще и резче, чем в рапортах их непривилегированных коллег, подчеркивается их несвязанность с казенными пособиями и, следовательно, их свобода в отношении каких-либо обязательств к казне. В этом вопросе мануфактурист-вотчинник вообще обладал бесспорными преимуществами перед промышленником-купцом.

Если, например, помещик в любое время имел возможность ликвидировать «фабрику» в своей вотчине⁵⁶, то купец соответственным образом поступить не мог. Даже при желании продать мануфактуру мануфактурист-купец должен был обращаться в Коллегию или Контору за необходимым разрешением.

Интересна в связи с этим обстановка продажи Ярославской Большой мануфактуры Затрапезным, которого Мануфактур-коллегия признала незначительным и «государству ненадежным фабрикантом»⁵⁷. Предприятия таких незначительных мануфактуристов в соответствии с рядом указов⁵⁸ довольно часто подвергались принудительной продаже или конфискации с переходом их в собственность казны⁵⁹.

⁵² Семевский, указ. соч.

⁵³ Архив Государственного Исторического Музея, арх. № 804, 804а, 3334. (Прошения „рабочих людей Тульской губ. вотчин кн. Голицына“ о „перемене“ с указаниями, что „...иначе сбежим“ и т. д.)—середина XVIII в. См. также Семевский, указ. соч., т. I.

⁵⁴ „Вестник Европы“, 1909 г. № 1, стр. 184.

⁵⁵ По поводу именного указа 1790 г. (25 ноября) относительно продажи сукон В. Семевский замечает, что „администрация никак не могла взять в толк различия между крепостными и посессионными“ (т. I, стр. 457).

⁵⁶ „Нахожу, что она, занимая от других нужных от земли работ людей не только не приносит никакого прибитка, а еще приводит в тягость, то... обязать себя доставлением (сукон) не в состоянии... так как я той своей фабрики содержать дальше не желаю и уничтожаю, то почитаю ее уничтоженной без всякого действия“ (рапорт гр. Мостоцкой (Пинский у.). Резолюция Мануфактур-коллегии на него: „отметить в ведомости“. Материалы Бел. Ак. Н., стр. 3).

⁵⁷ ГАФКЭ Г. А., XIX, 377, л. 59 (об.). Мануфактур-контора, санкционировавшая эту продажу, получила от Коллегии строгое внушение (там же).

⁵⁸ Например, указ 1740 г. (ПСЗ, № 8176—„О фабриках, кои будут содержать фабрики свои не порядком“).

⁵⁹ ГАФКЭ Г. А., XIX, 384, л. 144.

Вместе с тем практиковалась и конфискация у провинившихся непривилегированных предпринимателей рабочей силы отдельно от предприятий⁶⁰. Но обычно последние переходили от нерадивых владельцев к промышленникам, пользовавшимся доверием Мануфактур-коллегии. Так, например, Липецкая суконная мануфактура была передана (в 40-х годах) вместе с рабочей силой после конфискации у иноземца Арнольта купцу Постовалову, который кроме того получил бесплатно работников двух мануфактур, отобранных у их владельцев «за неразмножением их фабрик»⁶¹.

Много позднее (к концу XVIII века) эта мануфактура была еще раз конфискована и передана помещику Сенявину, который оказался связан только лишь условиями владения приписными крестьянами в соответствии с регламентом 1723 г., но без пунктов о конфискации или секвестра самого предприятия⁶². Следовательно, понятие «обязанной» мануфактуры имело не одно и то же социально-политическое содержание в случаях владения данным предприятием помещиком и купцом. Правда, и те и другие были обязаны определенными поставками в казну (сукна), пропорционально числу приписных и посессионных работников, но и здесь эти обязательства имели известную дифференциацию, выгодную не купцу, а опять тому же землевладельцу-дворянину. Ведь большинство работников, потерявших связь с землей, находилось на купеческих, а не на вотчинных мануфактурах. Поэтому установленные в 1790 г. нормы поставок сукна в казну, будучи вдвое выше с числа безземельных работников, чем с соответственного числа работников, имевших землю, являлись менее приемлемыми для купцов, особенно, имея в виду отмеченные выше неприятности для них в связи с невыполнением обязательств о поставках в Военную коллегию⁶³. Наоборот, очень трудно найти в материалах факты о соответствующих взысканиях в отношении мануфактуристов-вотчинников. И не случайна беззаботность последних к своим обязанностям перед Мануфактур-коллегией и Сенатом в подаче отчетов и ведомостей, нерегулярное поступление⁶⁴ которых обусловило, как известно, существенные пробелы в данных истории вотчинных мануфактур. Подобное отношение помещика определялось уверенностью его в своей неприкосновенности, которой не могло быть и не было у купца-предпринимателя как до 1785 г. (жалованная грамота городам), так и после него⁶⁵.

Таким образом, характеристику природы обязанной мануфактуры сделать отнюдь нельзя, не учитывая классовое положение их вла-

⁶⁰ УЦГАЛ, св. 205, № 294, 1744 г., св. 207, № 455.

⁶¹ „... Липецкую суконную фабрику, которую содержал иноземец Арнольт за произведение отдать ему Постовалову по его требованию со всеми мастеровыми людьми... у отрешенных фабрикантов П. Сахарова и М. Плотникова за неразмножение их суконных фабрик взять у них... мастеровых по реэстру без денежно отдать ему ж Постовалову“ (ПСЗ, № 6898, 1743 г.).

⁶² ГАФКЭ, Г. А., XIX, 384, о. 14.

⁶³ „Ежели невыставка сукон произведет от нерадения фабриканта, а не от несчастных каковых-либо случаев, тогда ту фабрику отобрав у содержателя со всею к ней принадлежностью и приписными и купленными людьми отдать другому со обязательством выставить должное количество сукон“ (ГАФКЭ Г. А., 384, лл 140, 142 об.).

⁶⁴ Ведомости Мануфактур-коллегии (в Сенат) пестрят указаниями об отсутствии рапортов от помещиков-предпринимателей.

⁶⁵ Следует отметить штрафование купцов-мануфактуристов Коллегией за непредставление ведомостей (ГАФКЭ Г. А. XIX, л. 35 и УЦГАЛ, св. 146, № 188), видимо, не практиковавшееся в отношении помещиков.

дельцев. Если царское правительство в результате своих военных и других потребностей, недооценивать которые не следует, шло до определенного времени на известный компромисс в удовлетворении взаимно противоречивых притязаний помещиков и мануфактуристов, то в дальнейшем, вместе с развитием вотчинных (в частности суконных) мануфактур, отказавшись от безрезультатных рекомендаций преимущественного пользования наемной рабочей силой, оно пошло на запрещение применения крепостного труда на недворянских предприятиях, связывая всевозможными условиями данное применение. Следовательно, изменения социального характера рабочей силы мануфактур нельзя объяснить сколько-нибудь правильно без анализа хода борьбы, происходившей между классово неоднородными предпринимателями. Безусловно, ведущей и побеждающей силой в этой борьбе оказалось дворянство, в результате позиции которого определился путь правительственных ограничений в эксплуатации труда крепостных непривилегированными мануфактуристами.

Такое ограничение имеется уже в указе 1752 г., в котором было точно определено, в каком количестве «фабриканты» могли покупать крестьян к своим фабрикам. Дозволялось употреблять одну треть всего числа купленных для работы на полотняных, суконных и других мануфактурах (на шелкоткацких — $\frac{1}{4}$). Кроме того, решительно подчеркивалась недопустимость приобретения излишних крестьян «под видом потребности в них мануфактур»⁶⁶.

Курс на ограничение, взятый правительством, проводился, однако, с рядом существенных колебаний, что признается в августовском запретительном указе 1762 г.: «хотя... в 1744 году 10 июля и позволено как шляхетству, так и купечеству и прочим фабрикантам деревни покупать к заводам и фабрикам, а в 1752 г. определением сенатским в покупке к заводам и фабрикам пропорция положена, вследствие чего в 1755 г. крепости писать и без земель не запрещено» и т. д.⁶⁷.

Следовательно, если на известный период мануфактуристы доби-ваются для себя права полного отрыва крестьян от земли, то тем стеснительнее оказались для них запретительные указы 1762 г., когда первым из них (29 марта) предписано было: «к их фабрикам и заводам деревни с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться ими вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми»⁶⁸. Этот запрет лишь повторяется названным августовским указом в том же году.

Но юридические запреты еще не означали действительной ликвидации крепостного труда на купеческих мануфактурах. Ведь указы ограничивали лишь дальнейший рост посессионной рабочей силы, оставляя в неприкосновенности уже имевшиеся промышленные кадры крепостных работников. А в дальнейшем вместо должного в связи с данными запретами уменьшения наблюдается, как отмечалось выше, рост этой категории работников (правда, менее быстрый, чем рост числа наемных).

Не без основания поэтому указывало дворянство в 1767 г., что «фабриканты накупили великие деревни и пользуются яко сущие дворяне не принадлежащие им преимущества», или «содержатели из

⁶⁶ ПСЗ, № 9954.

⁶⁷ ПСЗ, № 11638.

⁶⁸ ПСЗ, № 11490.

купечества разных фабрик и заводов многочисленные имеют за собою владения крестьян»⁶⁹.

Вообще, дворянско-купеческие противоречия обнаружались в Комиссии 1767 г. наиболее ярко.

Дворянство в наказах своим депутатам в Комиссию обрушилось многочисленными жалобами против привилегий мануфактуристов, выдвинув вместе с тем требования о принудительной продаже купеческих деревень и передаче их в руки дворян, особенно при том положении, если мануфактуристы не добьются того, чтобы товары их были «добротою не хуже привозных»⁷⁰. Дворянские депутаты, с прискорбием указывая на плачевное положение крестьян у мануфактуристов, почти единодушно выступили с мнением о необходимости и выгоды для «фабрикантов»-купцов применения труда наемных рабочих⁷¹.

«Нельзя, например, чтобы человек неволью, почти из-под палки, хорошо работал, ибо, например, в ткани всяких предметов, если кто собственным своим прибытком не будет понужден хорошо выработать вещи и одним куском испортит, то он сделает гораздо более убытка, чем то, что ему следовало бы заплатить за пользу»⁷². Некоторые дворянские депутаты требовали запретить купечеству устраивать и самые фабрики, но большинство из них держалось более умеренной позиции, настаивая лишь на недопущении монопольных купеческих предприятий, отмечая, между прочим, высокое качество плотной продукции дворянских фабрик⁷³.

На указания купеческих депутатов⁷⁴, озабоченных вопросами сохранения дворянского престижа и потому доказывавших, что «входить в такие занятия, как например, фабричные, дворянам несвойственно», представители дворянства ответили единодушным отпором, поддержав горячую отповедь Щербатова⁷⁵ ревнителям дворянской чести⁷⁶. В свою очередь, купечество жаловалось на недостаток рабочих рук на мануфактурах, указывая на невозможность развития последних без крепостных, «понеже без крепостных людей заводов и фабрик никаким образом содержать не можно», и вместе с тем подчеркивало, что ввиду размножения текстильных предприятий «вольных людей недостает», и т. д.⁷⁷.

Депутаты от купечества, указывая в свою очередь на положение помещичьих крестьян, в некоторых случаях доходили и до требования организации производства на вотчинных мануфактурах при использовании исключительно лишь наемной рабочей силы⁷⁸.

Дело доходило, наконец, и до утверждений о необходимости

⁶⁹ Сборн. Русск. ист. об-ва, т. VIII, стр. 483 и сл. (Наказы лухновского и крапивенского дворянства).

⁷⁰ Там же, стр. 439, 483, 562.

⁷¹ Там же, т. XCIII, стр. 440.

⁷² Там же, т. XCIII, стр. 45.

⁷³ Там же, т. IV, стр. 192.

⁷⁴ Там же, т. VIII, стр. 218.]

⁷⁵ Там же, т. XCIII, стр. 59.

⁷⁶ Показательно в этом отношении появление в России в это время книжки-памфлета в переводе Д. Фонвизина („Торговое дворянство“), в которой дворянин призывается к промышленной деятельности и к спасению от будущего обнищания (Д. Фонвизин, соч., 1866 г.).

⁷⁷ Сборн. Русск. ист. об-ва, т. XCIII, стр. 102, 174, 378, 573.

⁷⁸ Там же, т. VIII, стр. 93—94.

вообще ликвидировать все вотчинные фабрики⁷⁹. Подобные требования выявили решительные расхождения между этими группами⁸⁰.

В конечном счете объектом споров являлось крестьянство, монопольную эксплуатацию которого помещики расценивали своим самым важным и непререкаемым правом. Но крестьянство оказалось в то же время и непосредственным виновником недовольства купечества. Наиболее резкие выпады представителей последнего в Комиссии 1767 г. были направлены именно против крестьянства, конкуренция богатейшей и крепнувшей верхушки которого становилась для купцов все более неприятной.

Следует отметить, что мануфактуры были помещичьими нередко лишь по форме. Например, полотняные «фабрики его сиятельства», в Иванове, юридически являясь собственностью Шереметева, в действительности принадлежали его крепостным предпринимателям, официально выступавшим перед Мануфактур-коллегией лишь «смотрителями и надзирателями фабрик». Во внутренних же отношениях скрывать не считалось нужным, и в рапортах и прошениях к Шереметеву они называли себя «фабриканами и владельцами собственных фабрик»⁸¹.

Таким образом, дворянско-купеческие коллизии осложнялись участием в них крепостного мануфактуриста, взятого помещиком под свое покровительство. Несмотря на свое крепостное состояние, мануфактуристы этой группы с санкции помещиков могли использовать и использовали труд крепостных на своих предприятиях.

Но обход промышленного законодательства (о «неуказной промышленности») владельцами последних был невыгоден для промышленников в целом, недаром, выступая против торговой и промышленной деятельности крестьянской верхушки, купечество добивалось включения ее в свое сословие⁸².

Но и здесь купеческие притязания оказались безуспешными ввиду противодействия того же дворянства, выступавшего горячим защитником крестьянских интересов⁸³.

Выгоды развития крестьянской промышленности и торговли для помещика являлись причинами этих попечений. Так, ивановские предприниматели Грачев и Бутримов в начале 50-х годов обязаны были поставлять «про домового его сиятельства обиход» определенное количество полотна, а позднее — деньгами до 800 руб. (по 3 руб. 25 коп. со стана)⁸⁴ ежегодно.

⁷⁹ Например, Русское купечество требовало, «чтобы помещикам и всему дворянству, разного чина людям кроме купечества никаких фабрик не иметь, кроме домашних рукоделий, что без найму посторонних и домашние б рукоделия деланы были своими крестьянами и домашними (Сб. Рус. ист. об-ва, т. XCIII, стр. 378).

⁸⁰ Там же. т. IV, стр. 324, 387; т. XVIII, стр. 302, 378, 395, 439, 415, 613.

⁸¹ Конечно, прочность этого владения в крепостной обстановке была очень условной. Любопытна в этом отношении спекуляция гр. Шереметева, продавшего в начале XIX в. своим крепостным «фабрикантам» их же собственные предприятия с тем, чтобы в 1861 г. заставить их наследников выкупать их еще раз на «точном» основании законов (Гарелин, «Город Иваново-Вознесенск», стр. 125—128).

⁸² «Те из крестьян и разночинцев, которые пожелают пользоваться купеческим правом, должны записываться в купечество вечно, а не временно и во всем быть с купцами наряду» (т. VIII, стр. 42—43—«мнение» депутата рыбно-слободского купечества).

⁸³ В основном эта защита сводилась (в Комиссии) к требованиям «свободы» крестьянской торговли и промыслов без записи в цехи и с разрешения помещиков (т. IV, стр. 100, 122, 125—126, 136, 310, 392; т. VIII, стр. 218, 231, 243).

⁸⁴ Зап. Ист. быт. отд. Русск. Музея, I, стр. 225—227).

Следовательно, борьба купечества против этой группы промышленников направлялась в конечном счете против того же дворянства.

В свою очередь и легализованные предприниматели прибегали к различным нарушениям законодательства о рабочей силе: к замаскированной покупке крепостных у помещиков под видом освобождения их последним⁸⁵, покупки для службы и пр.⁸⁶.

Наконец, стремление предпринимателя к превращению в дворянина⁸⁷ обуславливалось не столько тщеславием, сколько учетом более существенных выгод, которое приносило это звание. Характерно, что крупнейшие состояния Гончарова и Яковлева сложились лишь после вступления их в ряды «шляхетства»⁸⁸. Но добиться пользования дворянскими привилегиями на законном основании удавалось относительно немногим; показательно в этом отношении фиаско Затрапезного⁸⁹. Большинство же предпринимателей шло по линии обхода законодательства.

Нельзя сказать, что правительство не вело борьбы с виновными. Наоборот, известен ряд случаев конфискации рабочей силы⁹⁰ и даже самых предприятий. Но все меры борьбы оказались, в сущности, паллиативными.

В результате, после попытки в 1797 г. выявить размеры нарушений правил о посессионных крестьянах⁹¹ правительство Павла вынуждено было в следующем году официально признать, что «многие из купцов заводчики и фабриканты, желая распространить свои заводы, дерзали противу законов на покупку к заводам крестьян под дворянскими именами».

Любопытна мотивировка отмены запрета: «... в отвращение таких вынужденных преткновений и к вящему умножению в империи нашей всякого рода заводов и фабрик, запрещение сие отменить и покупку к заводам и фабрикам крестьян дозволить с тем, чтобы подать, которую заводы сии обязаны, осталась неприменною»⁹².

Безусловно некоторое отклонение в сторону от дворянских интересов имеется в этом указе, но значение его не приходится преувеличивать ввиду довольно небольшого числа вновь купленных крепостных в связи с данным разрешением. И дело не в том, что крепостная рабочая сила «потеряла свое значение» для мануфактуриста; наоборот, можно отметить для этого времени большое число очень настойчивых челобитных в Мануфактур-коллегию о разрешении покупки крестьян к мануфактурам⁹³, но вопрос заключался в том, что соответствующие разрешения обставлялись рядом существенных стеснений и оговорок, в большинстве случаев уничтожавших для предпринимателя привлекательность подобных приобретений. Поэтому снятие данного запрета являлось довольно условным, имевшим большее значение для легализации ранее совершенных сделок.

Таким образом, помещик из борьбы за эксплуатацию крепостной рабочей силы вышел побеждающей стороной. Но, достигнув приви-

⁸⁵ Тр. Костр. научн. об-ва, т. XXIII, стр. 55.

⁸⁶ Архив истории труда, кн. VIII, стр. стр. 141—142.

⁸⁷ Малинин и Грязнов, указ. соч.

⁸⁸ Малин и Грязнов, указ. соч.

⁸⁹ Труды Костр. научн. об-ва, т. XXIII, стр. 48—51.

⁹⁰ Семевский, указ. соч., стр. 459.

⁹¹ ПСЗ № 18211.

⁹² ПСЗ, № 18442.

⁹³ УЦГАЛ, св. 345, № 468, 469, 1798 г.; св. 346, № 515, 1799 г.; св. 347, № 434

легированного положения в промышленности, помещики оказались владельцами мануфактур, выгодных лишь в силу их отсталости (малая затрата капитала, дешевая рабочая сила, сырье), а потому и всяким стремлениям к прогрессивному развитию органически чуждых.

Следовательно, техническая отсталость русского мануфактурного производства на фоне общей технико-экономической отсталости страны консервировалась крепостническими отношениями в стране.

Задача ликвидации этой отсталости оказалась неразрешимой для помещиков и мануфактуристов, которые «были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме»⁹⁴ (Сталин).

Приложение 1

И М П Е Р А Т Р И Ц Е

от президента Мануфактур-коллегии Волкова рапорт коликое число при суконной Казанской содержателя Дряблова фабрике имеется станов и прочих инструментов, також мастеровых и рабочих людей при оной.

. . . . ведомость мая 27 дня 1767 г. (ГАФКЭ. Г. А. XIX, № 377)

Мастеровых и рабочих людей кои действительно при всегдашней работе находятся, а именно:

суконного дела мастер	1
при нем кучени	1
дрок.-шедреного и ворсильного и ножниц точильного дела мастер	1
ученик	1
красильный мастер	1
ученик	1
паровой мастер	1
клеяного варения мастер	1
сукновалительного дела мастеров	2
берденного дела мастеров	2
ткачей кои ткнут сукна и карази	42
скребальщиков кои чешут шерсть	135
кардовщиков кои чешут шерсть	119
прядильщиков кои прядут пряжу	464
шпульников кои мотают пряжу	19
бабинишников	12
дрокшейдеров кои ворсят сукна	39
сукновалители	12
клейщиков кои при варении клея	11
красильщиков кои при крашении сукон	12
щетильных мастеров кои делают скребла и карты	7
парсовых работников	4
прядильщиков кои прядут пряжу	3
плотников	12
каменщиков	4
слесарь	1
кузнецов	4
челношных мастеров	2
столяров	5
шерсти закупателей и шерсти разбирателей	18
овчинников кои делают из овчин пух	15
пристригателей шерсти	20
оконишников	1
у содержателя караулов и для посылки разсылщиков	6

⁹⁴ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 315—316, Партиздат, 1937 г.

„Список находящимся при Екатеринославской суконной фабрике мастеровых иностранных и фабричных людей, состоящих на окладном жалованье и получающих плату за труд их от дела“ (ГАФКЭ. Г. А. XIX, № 404).

При фабрике у работ мастера иностранные	Число мужчин	Душ женщин	Им в год жалованья
Красильной	1		1000 р.
Стригальной	1		452
Стригальной	1		252
Подмастерья	1		36
	1		330
	1		35
Прессовой	1		252
Ткальные	1		252
	1		300
Прядильные	1		260
		1	60
Столярной	1		120
	1		350
Салной	1		380
Слесарей	1		500
Сортовщики	1		120
		1	60
		1	48
Номеровщицы		1	120
		3	по 48
Щеточник	1		180
Сукноочистительная		1	120
Шпильщица		1	120
		1	48
Трубочист	1		48
Итого	16	12	5698 р.
Работники иностранные			
Стригальные	9	Из них—6 по 5 к.	
Ткальные	10	1—4 к. и 2—по 2 к.	
Бабинщик	1	за час. от 7 ¹ / ₂ до 10 к. за моток	
Прядильщицы		8 по 10 к. за фунт	
Итого	36	20	
Работников из Дубровских фабричных у прессу			
	1	36 р.	
	1	72	
	3	по 60	
В стрыгальне и ворсилне	1	60	
	2	по 54	
	2	48	
	2	42	
	4	36	
В ткальне	40	по 2 к. за час	
Салне	57	по 4 ¹ / ₂ к. за моток	
	2	по 60 р.	
	2	48	
У мытья шерсти	3	по 60 р.	
В штольне	11	по 36	

При фабрике у работ:	Число мужчин	Душ женщин	Им в год жалованья
При магазейне	1		72
	1		60
	4		по 48
В сортовне	27		по 36
В красильне	2		по 72
	3		по 54
	3		по 60
	5		по 48
	1		42
В столярне	2		по 72 р.
	1		60
	2		48
	6		42
При кузнице	2		по 60 р.
	1		54
	2		по 36
	1		по 27 к. в день
	3		по 19 ¹ / ₂ к в день
Бердовщики	1		48 р.
	1		36
Нитовщики	1		48 р.
	1		со ста ниток по 2 к.
Номерщицы		3	по 36 р.
Бабинщицы		2	по 57 ¹ / ₂
		3	по 1 ¹ / ₂ к. за моток
При сновальне		2	по 36 р.
		1	по 25 к. за основу
Ткалне		3	по 36 р.
Сучильщицы		4	по 7 к. в день
		1	36 р. в год
		2	по 24
Шпульники	13		по 3 ³ / ₄ к. с мотка
			по 1 к.
Прядильщики	89	98	по 6—9 к. с мотка ОСНОВЫ
При прядильне подмастерьев	2		по 36 р.
Сукноочистительницы		16	от 40 к. до 1 р. за кусок сукна
Шерстещипальщицы		17	от 1 до 3 к. за фунт
При полотняной фабр.	1		72 р.
	200		60
Плотники	1		96 р.
	4		по 72
Пильщики	3		от 6 до 8 к. за всякую саж.
Каменщики	1		108 р.
	1		48
Сторожей	6		по 42 р.
При лазарете	1		36 р.
	1		по 4 к. в день
У мытья платья	3		по 36 р. в год

Итого Дубров-
ских фабричных

315 мужч. * 192 женщ. 6843 р. 60 к.

А всего при суконной фабрике у должностей и работы:

365 мужч. 212 женщ. 26207 р. 60 к.

ВЕДОМОСТЬ, УЧИНЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ
О СУКОННЫХ ФАБРИКАХ И О ПРОИЗВОДСТВЕ ИМ ОНЫХ

Октября, 1798 г.

(Из архива гр. Румянцева)

(ГАФКЭ. Г. А. XIX, № 404)

Содержатели суконных фабрик обязанных поставкою.

Звание, содержание и место:	При тех фабриках состоит по 5-й ревизии душ приписных, покупных и протчих:		
В Москве Генерала Долгорукова	безземельных	276	Оная состоит на аренде колл. секретаря Г. Ардалионова
Ген. Борятинского	безземельных	155	К оной присоединены его фабрики, состоящие в Казанской и Костромской губ.
	помещичьих крепостных да наемных	1298 181	
Купецкой жены Н. Бабкиной Кол. ассесора Мещанинова	безземельных	15	
	безземельных да с землями	11 598	К оной присоединены еще две фабрики, состоящие в гор. Коломне и в Рязанской губернии
Московск. купца Д. Иконникова	безземельных	83	
Орловской губ. майорши Толубеевой В Рязанской губ. Обербергмейстерши Кочетковой	с землями	27	
Поручика Ф. Кузнецова	с землями	494	
Московск. купца Ив. Перемышлева В Воронежской губ. Тулениновых	с землями	571	
	с землями	33	
	безземельных да с землями	264 774	
Н. Гарденина (порутчика)	безземельных с землями	13 117	
Воронежского купца Н. Гарденина	безземельных с землями	60 452	
Порутчика Дмитрия Гарденина	безземельных с землями	225 17	
Воронежск. гражд. Як. Гарденина	безземельных с землями	52 289	
Подп. Елисеева	безземельных с землями	6 8	(К оной фабрике присоединена и фабрика в Тамбовском у.)
Воронежского купца И. Поставалова В Тамбовской губ. купцов В. и М. Тушновых	безземельных	81	
	безземельных да с землями	5 159	
Купца М. Манина	безземельных да с землями	10 53	
В Малороссийской губ. кн. Юсупова	с землями	1465	

Звание, содержание и место:	При тех фабриках состоит по 5-й ревизии душ приписных, покупных и протчих:	
В Курской губ. гр. Потемкиной В Казани подполк. Осокина Казенная фабрика в Новороссийске	с землями	8946
	безземельных	1414
	великороссов	78
	белоруссов	248
	солдатских детей да из графства Дубровинского	80 638
	Итого	1044
В Иркутске	с землями	378
	да из ссыльных набрано	1182
	Итого	1560

Итого на обязанных фабриках:

с землями	14260
безземельных	2601
Да при двух казенных фабриках	2259

Всего 19120 душ

Приложение 3

МАТЕРИАЛЫ О РЕКРУТИРОВАНИИ ЖЕНЩИН НА ТЕКСТИЛЬНОЙ МАНУФАКТУРЕ

(УЦГАЛ, фонд Мануфактур-Коллегии)

Связка 331, №№ 13574—13689;
” 332, №№ 13690—13710; 1374—13763;
” 13872—13874;
” 245, №№ 4181;
” 255, 88 5230

Приложение 4

МАТЕРИАЛЫ ДВОРЯНСКИХ ЧЕЛОБИТНЫХ В МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИЮ О ДЕРЖАНИИ ИХ БЕГЛЫХ КРЕПОСТНЫХ МАНУФАКТУРИСТАМИ

(УЦГАЛ, фонд Мануфактур-Коллегии).

Прошение ген.-майора Толстова „на содержателя Д. Земского—в держании беглого человека“ (связка 171, № 190, 1750 г.).

Дело по челобитной ст.-советника Хвостова на предпринимателя Колосова в держании последним „ево беглой женки“ (связка 71, № 195, 1751 г.).

Дело по челобитию стряпчего Шашкина о допросе владельца шелковой фабрики М. Иконникова и взыскании с него задержания беглого крестьянина пожилых денег (связка 171, № 197, 1751 г.).

Челобитная подполковника Дохтурова на Д. Земского в держании последним четырех ссыльных с семьями (связка 171, № 212, 1755 г.).

Дело по челобитной канцеляриста кн. Шаховского на фабриканта Носырева в держании беглого крестьянина (связка 171, № 215).

Дело о приеме фабрикантом Сериковым беглого крепостного (связка 177, № 90, 1745 г.).

Челобитная комиссара Куразнимова на фабриканта Семенова в держании беглого (связка 168, № 95).

Дело по челобитной комиссара Бурнашева на фабр-та Колосова в держании беглой (связка 168, № 97).

Аналогичная челобитная мануфактуриста Боронина (связка 168, № 96).

Дело о держании беглых крепостных предпринимателем Журавлевым (связка 168, № 99).

Челобитная советника Сабурова на Д. Земского о держании дворовой (связка 168, № 101).

Дело по заявлению кн. Урусова на фабр. Третьякова о держании беглого дворового (связка 168, № 106, 1745).

Дело по челобитной капрала Голицына на фабр. Красноселова о держании беглого крестьянина (связка 168, № 116, 1746 г.).

Челобитная Спасо-Андроньевского монастыря о допросе и об отдаче беглого крестьянина обратно в монастырь (связка 168, № 119, 1746 г.).

Дело по челобитной владельца Жеребцова на фабр. Садовникова в „держании его беглой“ (связка 169, № 122, 1746 г.).

Дело по челобитной Спасо-Андроньевского монастыря на мануфактуриста Еремеева о держании беглого крестьянина (№ 124).

Дело по челобитной Троице-Сергиевской лавры на фабр. Серикова (№ 126).

Челобитная на фабр. Евреинова (связка 175, № 314, 1762 г.).

Челобитная кн. Вадбольского на фабр. Медовщикова (№ 318, 1762 г.).

Челобитная помещика Шокурова о сыске и допросе фабр. Чурашова (№ 321, 1763 г.).

Челобитная гр. Шереметева на фабр. Серикова (№ 322, 1763 г.).

Дело о держании беглой мануфактуристом Колосовым (связка 175, № 333, 1764 г.).

Челобитная секретаря Кригс-Комиссариата о сыске фабр. Струговщикова (связка 177, № 343, 1765 г.).

Челобитная члена Синода Воробьева о сыске фабр. Брехова о держании им беглых крестьян (связка 172, № 246).

Челобитная поручика Башкина на фабр. Кушашникова о держании беглых крепостных (связка 172, № 248).

Челобитная советника Мещерского на фабр. Колосова о держании беглой (связка 170, 154).

Челобитная майора Нашокина на фабр. Шериманова в держании беглого (связка 170, № 157).

Челобитная кн. Гагарина на компанейщика Бабушкина в держании беглых крестьян (связка 170, № 158).

Челобитная прапорщика Шипова на Д. Земского в держании беглого крестьянина (связка 170, № 168); (связка 170, № 190).

Челобитная ассес. И. Евреинова на фабр. Савина (связка 170, № 171).

Челобитная протопопа Успенского Собора на фабр. Ворошенина с товарищи (связка 170, № 177).

Челобитная стряпчего Кашинцова на А. Евреинова (связка 170, № 181 и связка 172, № 218).

Челобитная помещика Львова на фабр. Гусятникова (связка 172, № 216).

Челобитная советника Наумова на фабр. Шелковникова (связка 172, № 220).

Челобитная прапорщика Никитина на владельца шелковой ф-ки Савина (связка 172, № 234).

Челобитная прапорщика Рогозина и других на фабр. сукон И. Самарина в держании их беглых дворовых (связка 181, № 457, 1767 г.).

Челобитная о держании на фабрике Никласа беглых дворовых (связка 182, № 481, 1768 г.).

Челобитная кн. Мещерского на фабр. Суроженинова (связка 186, № 638, 1772 г.).

Челобитная ген.-поручика Салтыкова на Д. Земского (связка 187, № 668, 1773 г.).

Челобитная поручика Неручева на фабр. Дудышкина (связка 187, № 684, 1773 г.).

И на него же челобитная поручика Рахманова (связка 190, № 718, 1775 г.).

Челобитная поручика Никитина на фабр. Иванова (там же).

Челобитная надв. советника Воейкова на фабр. Девятого (связка 190, № 742, 1776 г.).

Челобитная полковника Кошелева на фабр. Серикова (связка 195, № 22).

Челобитная помещика Сафарова на московского фабр. Францова (связка 333, № 13836).

Челобитная Ипатского монастыря (Кострома) на фабр. Семенова (связка 333, № 13835).

Дело по челобитной канцелярии кн. Иделковского на фабр. Маркова (связка 333, № 13822).

МАТЕРИАЛЫ О БЕГЛЫХ С КУПЕЧЕСКИХ МАНУФАКТУР

(УЦГАЛ, фонд Мануфактур-Коллегии)

Челобитная шелкового фабриканта А. Евреинова о побеге ученика с мануфактуры (связка 333, № 13838, 1743 г.).

Челобитная владельца полотняной фабрики (о добросе беглого и об отдаче его по учинении наказания на фабрику по прежнему) (связка 333, № 13844, 1744 г.)

Челобитная шелковой фабрики содержателя В. Макарова о допросе беглых с той ево фабрики людей (связка 333, № 13868 1755 г. и связка 172, № 257, 1755 г.)
Челобитная фабр. Серикова о допросе беглого ученика (связка 333, № 13870, 1757 г.).

Доношение главной сыскной канцелярии Нижегородской, Оренбургской и Астраханской губерний о взыскании с фабр. Милютина за держание балаханских посадских людей и за просрочку паспортов—штрафных денег (связка 333, № 13891.) (Аналогичное дело—связка 172, № 231, 1755 г.).

Дела о беглых имеются также в следующих материалах:

Связка 238, №№ 3289, 3291, 3292, 3294, 3296, 3297, 3300, 3306, 3308, 3309, 3311, 3312, 3313, 3314, 3316, 3318, 3324, 3325, 3327, 3328, 3329, 3331, 3333, 3340, 3341—3351, 3353, 3357, 3359, 3360—3370, 3372—3392, 3394—3396, 3398—3399

Связка 246, № 4253 и др.

Связка 248, № 4547 (1749 г.), 4546.

Связка 260, №№ 5836, (1775 г.) 5838, 5839, 5441, 5444, 5445, 5447, 5871, 5909, 5932 (1751 и 1759 гг.).

Связка 262, №№ 6114, 6117, 6119, 6126, 6128, 6153, 6159.

Связка 266, №№ 6569.

Связка 269, № 6802 (1763 г.).

Связка 270, №№ 6944—6947, 6950, 6953, 6956, 6958 (1755—63 гг.).

Связка 274, №№ 7320 (1742 г.), 7324—7327; 7338—7340, 7347—48, 7363.

Связка 278, №№ 7448 (1749 г.), 7780.

Связка 280, №№ 795 (1763 г.), 7970—75 (1754 г.). 8010—9011, 8014—15, 8203, 8066, 8068.

Связка 282, №№ 8191 (1758 г.), 8203—8205, 8213, 8234, 8249—51, 8273—74.

Связка 284, №№ 8475 (1763 г.), 8480—85, 8497, 8517, 8521 (1764 г.), 8532.

Связка 285, №№ 8536, 8547.

Связка 287, № 8779 (1765 г.).

Связка 293,—материалы о беглых с фабрики Евреинова, Журавлева, Белавина и Гончарова № 9446 (1752 г.).

Связка 294, №№ 9462—63, 9468, 9475, 9497, 9502, 9521, 9530, 9536, 9539, 9544, 9547, 9553.

Связка 295, №№ 9594, 9680.

Связка 299, № 307.

Связка 317, №№ 11867—68, 11874, 11875, 11876, 11878, 11883, 11885—11888, 11891—11893, 11894, 11899, 11900, 11902—11911, 11912—11916, 11918 (1762—63 г.).

Связка 320/229, №№ 12045—12047, 12048—50, 12051—12055, 12056—12065 (1764—1766 г.).

Связка 332, № 13765.

Е. И. ДРАКОХРУСТ

АЛЬБОМЫ-ДНЕВНИКИ И. Г. МЮНЦА 1781—1783 гг.

Новые материалы по истории Украины, Молдавии и Белоруссии

Интерес к изучению истории народов СССР с каждым годом растет. Это выражается в появлении новых исследовательских работ, в увеличении числа экспедиций, в большем включении источников по истории народов в тематику диссертационных работ.

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии осенью 1939 г., а также Бессарабии и Буковины летом 1940 г. и включение их в Страну Советов дали еще более широкие возможности изучения прошлого одного из братских народов — украинского.

Развал лоскутного польского государства и все, что мы теперь знаем из непосредственных рассказов трудящихся Украины о гнете империалистической Польши, имеет глубокие исторические корни и перекликаются с высказываниями Маркса и Энгельса о развале «лежебоко-шляхетской Польши» в XVIII в.

Маркс писал: «Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломали, наконец, силу Польши. Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель»¹. Годы, к которым относятся дневники и рисунки Мюнца, были периодом между первым и последним разделами Польши (1772—1795). Дневники отмечают какие-то попытки Польши увеличить армию, поднять промышленность, но в целом рисуют беспомощность правящего класса магнатов и полное пренебрежение к этому классу со стороны сильных окружавших Польшу государств — России, Австрии и Пруссии. Однако гнет панской Польши по отношению к народам, входившим в состав Речи Посполитой, не уменьшался. Польша была «дворянская республика, основанная на угнетении и эксплуатации крестьян» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10. Партиздат, 1936 г.). Польша являлась также одним из многонациональных государств, которые «послужили родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и различные способы разрешения этого вопроса» (И. Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 98. Политиздат, 1939 г.).

По дневникам Мюнца, Украина и Белоруссия конца XVIII в. в системе панской Польши — только географические названия. Автор за-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159. Политиздат, 1936 г.

писок только местами замечает, что где-то остались на Украине казаки «чистой русской древней крови».

В целом украинский народ, его язык, его права, его культура отсутствуют, это — «южные провинции Польши» (кресы). Но рисунки Мюнца в художественных образах воспроизводят Украину и Белоруссию, как страны украинского и белорусского народа, их села, города, природу, людей. Именно как источник по истории этих народов, а также молдавского народа, труд Мюнца интересен.

И. Г. Мюнц и его альбомы

Альбомы Мюнца, хранящиеся в Рукописном отделе Государственного Исторического Музея, представляют собою собрание акварелей, изображающих города, местечки, замки, села и типы людей правобережной Украины, а также Молдавии, Белоруссии и Польши конца XVIII в.

Альбомов два: большой, с рисунками $33 \times 22\frac{1}{2}$ см, и меньшего формата — с рисунками 13×19 см. Тексты обоих альбомов на французском языке. Второй альбом, меньший по формату, имеет оглавление, сделанное рукой Мюнца: «Живописное путешествие по Польше, содержащее в оригинальных эскизах виды, сделанные в продолжение путешествия 1781—1782 и 1783 гг. Всего 96 видов и 19 эскизов фигур в красках, которые представляют типы и костюмы молдаван, украинцев и др., с объяснениями естественно-историческими, политическими и др., выполненные И. Х. Мюнцем², майором польской службы».

Этот альбом является основным по богатству рисунков, по количеству записей, а также потому, что часть рисунков большого альбома — именно семь — лишь повторение акварелей малого альбома, только в увеличенном и более разработанном виде. Оба альбома имеют переплеты одинакового типа: кожаные корешки, на которых золотом вытеснено: «Путешествия по Польше Мюнца» и орнамент в виде ваз; бумага переплета зеленая, на ней золотом на каждой стороне вытеснены буквы: WLZH.

Рисунки в обоих альбомах сделаны на бумаге типа «вержэ», они вклеены в прорезные рамки листов альбомов. Водяные знаки на маленьких рисунках встречаются редко из-за размеров листов, там же, где они имеются, они плохо различимы из-за двойного покрытия бумаги: с одной стороны акварелью, с другой — строчками дневника. На акварели, изображающей «вид Днестра у дер. Родомна» (стр. 27, малый альбом), видна, например, часть короны. Рисунки большого альбома выполнены на бумаге Хонига с водяным знаком почтового рога и бубенца, например акварель «Каменец-Подольск».

Контурные рисунки сделаны пером, слабой тушью; расцветка акварелью на некоторых рисунках очень слаба, например изображение города «Умань» или «Днестр у Бендер», и выдержана в одном тоне «bister» (коричневом). Часть акварелей очень красочна, например «Днестр у Дубоссар», «город Фетиев в Брацлавщине».

Часть рисунков осталась незаконченной на различных стадиях работы и знакомит с приемами живописной работы художника. Под каждым рисунком малого альбома имеется подпись рукой, близкой Мюнцу, но не совпадающей в начертании букв с почерком Мюнца.

² „J. H. Müntz“.

Обратная сторона акварелей заполнена пояснительным текстом, написанным очень мелким, но довольно четким почерком с характерными для французского языка XVIII в. окончаниями глагольных форм. В левом верхнем углу часто помечено «Journal», в правом нижнем — всегда одинаковая подпись, типа: «набросок сделан 9-го авг. 1781 г. после полудня, приблизительно с юго-запада, И. Х. Мюнц», всегда с указанием даты, ориентировки. В некоторых случаях — дата двойная или даже тройная, показывающая, что Мюнц возвращался в посещенные им места, просматривал и заканчивал свои эскизы, например «Зарисовано в сентябре 1781 г., проверено и обмерено в 1782 и 1783 гг., с северной стороны».

Альбомы Мюнца очень богаты рисунками. В основном, малом, альбоме их 114. Именно: 71 рисунок относится к путешествию 1781 г., 7 рисунков — к путешествию 1782 и 17 — к 1783. Кроме того, в малом альбоме имеется 19 изображений типов жителей Украины (10), Польши, Молдавии. В большом альбоме всего — 35 рисунков. В двух альбомах вместе — 149.

Рисунки Мюнца распадаются по сюжету на две основные группы: пейзажи, которых имеется 130, и фигуры людей, которых насчитывается 19, и все они помещены в малом альбоме.

По народностям рисунки распределяются следующим образом: 63% рисунков относятся к Украине, в числе их 4 рисунка — к левобережной Украине, 21% изображает города, села и людей Молдавии, 8% — Белоруссии (типов населения нет), и столько же — Польши.

Пометки «Journal», «page», встречающиеся местами над текстом, вызывают предположение, что Мюнц, кроме надписей к рисункам, вел дневник своего путешествия.

Заметки Мюнца обыкновенно состоят из небольшого — строчек на 25 — внутренне связанного своим содержанием текста, но в очень многих случаях страницы дневника имеют сноски и позднейшие наслоения, т. е. приписки, относящиеся к годам повторных путешествий, и даже, видимо, более поздние пометки. Самая ранняя дата его дневников — 1780 г., самая поздняя приписка, судя по упоминаемой дате, — 1791 г. Основной текст относится к трем годам — 1781, 1782 и 1783. В нем Мюнц обычно дает топографические данные, геологическую характеристику местности, заметки о природных богатствах, о торговле, об исторических событиях, связанных с некоторыми местностями.

Во многих случаях обратной стороны акварелей не хватало для текста и присоединялся другой лист, точно такой же бумаги, приклеенный в нижнем поле рамки и покрывавшийся записью сначала стороной, составлявшей продолжение основного текста, а затем — обратной.

Никаких указаний на то, что Мюнц предполагал публиковать рисунки, в его дневниках не имеется. Исключение составляет пометка, один раз встречающаяся в подписи Мюнца, именно — на рисунке (в большом альбоме, № 28), изображающем город Бендеры стоит: «гравировано Тишбейном младшим в Касселе, 1789». Таким образом один из рисунков альбома тогда же, в 1780-х гг., был издан.

Мюнц подписывался под рисунками интересующих нас альбомов в качестве майора польской службы, но, по существу, он был художником-профессионалом, довольно известным в 1760—1770-х гг. пейзажистом³. Биографические сведения рисуют его нам как художника-

³ Nagler, „Künstlerlexikon“, 1841, т. X, стр. 20.

космополита, разъезжавшего по самым различным странам Европы; и человека, соединявшего военно-инженерную профессию с искусством. Родившись в Мюльгаузене, в Эльзасе (1727—1798)⁴, Мюнц в 1760-х гг. жил в Лондоне и был близок к Горацию Вальполю, известному писателю-вигу, получая от него заказы. К этому же времени относятся его путешествия в Италию (1762 г.), Грецию (1763) и позднее в Голландию (1772). В начале 80-х годов, как видно по альбомам ГИМ, он служит в Польше, в 1785 г. снова в Италии. С 1792 г. Мюнц обосновался в Касселе — большом художественном центре Германии. Работая как пейзажист для курфюрста гессенского, он оставил ряд акварелей, воспроизводящих замок и парк Вильгельмсхейе и загородный дворец Риде, где Мюнцу был поставлен впоследствии памятник. Мюнц оставил ряд теоретических работ по искусству и огромное количество рисунков и акварелей, рассыпанных по галереям западной Европы — Лондона, Брюсселя, Гарлема, Касселя и др. Особенно пользовались успехом его цветные рисунки⁵.

Сведения, которые Мюнц в нескольких местах дневника дает о своем непосредственном начальнике, освещают ту среду, в которой он служил, ту обстановку, в которой он совершал свои путешествия, и чьи взгляды, симпатии и вражду отразил он в своих дневниках. На обратной стороне эскиза города Херсона (№ 18, Б. А.) он пишет (в виде примечания): «Мой начальник князь Ст. Понятовский предпринимает строительство большого каменного дома для торговли, первого в этом роде, потому что остальные жилища сделаны из днепровского тростника, соломы и глины» (1781). Изображая старинный монастырь в Каневе, он пишет: «Князь Понятовский, племянник короля и собственник Канева и его округа, возобновляет церковь и возводит каменные здания для школ» (как видно из дальнейшего — униатских, подчиненных Варшаве). Рисуя живописную реку Рось с порогами и мельницей (№ 47, М. А.), Мюнц слева помещает часть деревянного дома, поясняя: «Этот дом — постоянное местопребывание в этой местности кн. Понятовского, племянника короля, великого литовского подскарбия, собственника Корсунского старства».

⁴ Наиболее полные и новые сведения о Мюнце даны в „Allgemeines lexikon der Bildenden Künstler“, Hans Vollmer, 1931 г., т. XXV, стр. 253, статья Батовского.

⁵ Интересным фактом является нахождение в гравюрном кабинете Варшавского университета альбома, аналогичного по содержанию с находящимся в собрании ГИМ: варшавский альбом содержит 140 рисунков, и в оглавлении к нему, сделанном Мюнцем, автор обращает внимание читателя на „значение в будущем этих мало известных стран, в которых промышленность, торговлю и судоходство на реках Днестр и Днепр он исследовал“. В тексте варшавского экземпляра есть указание на письменное добавление, к которому Мюнц отсылает читателя „Journal“, и адресная записка, указывающая, что в конце 1780-х гг. он находился в Лондоне. Судя по разбросанности текстов Мюнца в альбомах ГИМ — масса приписок, наслоенный, карандашных пометок, можно предположить, что мы имеем в нашем экземпляре черновые авторские пометки. Более определенные выводы возможны лишь при сличении обоих экземпляров (см. Zygmund Batowski, „Sbior graficzny w uniwers. Warszawsku“, 1928 г., стр. 65—67). Батовский дает краткую характеристику альбома и сообщает, что он был приобретен в Ленинграде в 1927 г. у антиквара П. И. Губаря. По словам Батовского, „труд пролежал неизвестным до 1882 г., когда попал в руки писателя Эдв. Руликовского“. Руликовский (историк и археолог, 1825—1900 г.г.) использовал некоторые данные о приднепровских городах для своих статей в „Słownik geograficzny“ (т. III, стр. 811, т. V, стр. 43—44 и др.), совершенно не касаясь текстов Мюнца в целом.

В ГИМ кроме двух описанных альбомов имеется третий — с видами Греции и Италии. Самая ранняя дата рисунков — 1763 г., Греция (с подписью J. H. Müntz ingénieur), самая поздняя — 1785 г., Италия.

Титул подскарбия великого княжества Литовского носил племянник короля, которого последний прочил в свои наследники и которому передал в наследственное владение староства, пожалованные ему сеймом. В годы путешествия Мюнца Ст. Понятовскому было около 30 лет (он родился в 1755 г., умер в 1833 г.). Его владения в правобережной Украине были огромны. По люстрациям 1765 и 1789 гг. (изданным в «Архиве юго-западной России», т. 7, ч. III) ему принадлежали староства Богуславское, Корсунское, Каневское.

Будучи на службе у крупнейшего магната Польши, объезжая с ним его огромные латифундии и далекие южные и юго-западные границы польской Украины, какие функции выполнял Мюнц? Его начальником был генерал-лейтенант коронных войск, сам Мюнц — майором. Некоторые особенности дневника могут навести на мысль о военных целях поездок. Мюнц тщательно фиксирует географические и топографические данные местности. Каждая страница его дневника имеет пометку о широте и долготе данной точки; затем он дает всегда расстояние данной точки от крупных центров и ближайших местностей. На рисунке кроме даты всегда указывается ориентировка по компасу, часто отмечается высота местности.

В дневнике встречаются пометки: «место, важное в военном отношении». Каменец-Подольск он описывает подробно, как крепость, приводит ее положительные и отрицательные стороны в случае нападения. В Бендерах, несмотря на запрещение осмотра укреплений, он разузнает о численности артиллерии. Вместе со своим начальником он объезжает всю южную границу тогдашней Польши от Каменец-Подольска до Ягорлыка (по Днестру) и заезжает в Бендеры и Яссы.

На основании сказанного можно предположить, что он был военным агентом Польши. Однако основная масса его записей, его внимание, его интерес направлены не на военное дело, а на экономику Украины, ее экспортные возможности и на переключение торговли на Черное море⁶.

Уровень образованности Мюнца определяется его ссылками на античных историков: Тацита, Страбона, Плутарха, Тита Ливия, он знаком с сочинениями Боплана, с историей Украины. У него большой интерес к естественно-историческим наблюдениям, с которых он обычно и начинает свои записи. Он собирает гербарий и очень раздражен, когда на границе Австрийской Галиции у него отнимают все собранное.

Наиболее обстоятельно описано у Мюнца его первое путешествие 1781 г. Оно началось, очевидно, с Варшавы, потому что первый рисунок изображает местность под Пулавой. Пулава—Люблин, Броды, отсюда — на Могилев на Днестре и вдоль польско-турецкой границы до Ямполья (с заездом в Яссы, где было свидание с молдавским господарем), — Сорока—Рашков—Ягорлык, самая южная точка польско-турецкой границы, затем — Бендеры и Дубоссары в Молдавии. Обрато на север через Балту, Броды, Умань, Богуслав, Корсунь, Смелу и Кременчуг. Дальше началось путешествие по Днепру через пороги и обратно до Чигирина, Стеблева, Терехтемирова на Канев. Из Канева на местечко Пиков, Старый Константинов и Борсуки на Горыни. В целом это путешествие зафиксировано в 63 изображениях, заняло три с половиною месяца, с 15 июля до 29 октября.

⁶ В 1772 г. был издан «Атлас Польши» Риччи Заннони, с показанием всех крепостей и их состояния, настолько подробный (на 20 листах), что записи Мюнца вряд ли могли иметь военно-топографическое значение.

В малом альбоме порядок размещения эскизов совпадает с географической и хронологической последовательностью его путешествий, только 7 последних рисунков вносят путаницу, но анализ их выясняет, что часть их должна быть размещена в разделе между городами Каменец-Подольском и Ямполем. Очевидно, при подборе рисунков в альбоме был сделан пропуск.

Размещение рисунков большого альбома случайно. Путем сопоставления дат и местностей, изображенных на рисунках, удалось выяснить, что 35 рисунков большого альбома относятся к четырем путешествиям Мюнца и датируются годами 1780—1784.

Наиболее ранние рисунки большого альбома относятся к Белоруссии, их три (они помечены 1780 годом). Путешествия 1781 и 1782 гг. охватывают почти исключительно Украину (19 рисунков) и отчасти Молдавию (4 рисунка). Самые поздние по дате рисунки — именно 1784 г., относятся к Польше (всего 9).

Черты экономики правобережной Украины, Молдавии и Белоруссии в изображении Мюнца

Записи Мюнца падают на годы, когда польское магнатство, приведшее страну на край гибели, делало лихорадочные попытки поднять экономику, используя главным образом природные богатства и речные пути «окраин». Поэтому всюду у Мюнца разбросаны данные о зерновых культурах, лесах и пастбищах Украины и Молдавии (и сравнительно мало — Белоруссии) ⁷.

На пути из Брацлавщины в Киевщину Мюнц постоянно отмечает, говоря его словами, «благодатное обилие края, изумительное плодородие земли, прекрасные леса, мед, воск, скот, дичь» (Умань, рис. № 42), то же — о местности Буки, королевском имении: «прелестные леса, изобилующие медом, воском. Поташ, который производится здесь в таком же количестве, как селитра». Лысянка — «леса, перемежающиеся с холмами, хорошее орошение, пастбища, пашни, много меда, воску». Канев (акварель № 61) — «хорошее земледелие, жирная земля, пастбища, очень хорошее мясо и баранина. Это плодородные места, кроме зерна — хороший лен, конопля. Пчел изумительно много — кругом липы». Константинов на р. Случе — «местность обильная зерном, скотом, льном и коноплей». В степных местах он описывает пастбища и «неисчислимое» количество сена.

Зерновые культуры, разводившиеся на Украине, полностью перечислены в записях цен. Цены интересовали путешественников; записи о ценах даются не только в тексте, но и выносятся в табличку, как это сделано для местности под Корсунью.

Пшеница	6—7 флоринов корец ⁸	Вол 3-х лет	3 дуката ⁹
Рожь	2—3 " "	Баран	3—5 фл.
Овес	3 фл. 10 грош.	Овца	3—4 "
Ячмень	2 " 10 "	Свинья	8—9 "
Просо	4 фл.	Гусь	15—20 грошей
Греча	4 "	Утка	6—10 "

⁷ Источниками для Мюнца, кроме непосредственных наблюдений, были запросы местных администраторов панских имений — экономов, а также хозяев постоянных дворов, и евреев-торговцев.

⁸ Корец — мера сыпучих тел, равная четырем четверикам. Флорины — польские злотые, которые для периода между 1765—1787 гг. равнялись 16½ к. (Ф. М. Петрушевский, «Польская метрология», 1834 г., стр. 29) или 15 коп. (Воблый, «Очерки по истории польской промышленности», 1909 г. т. I, стр. 25).

⁹ Дукат — червонный золотой, равнялся 18 злотым. Ф. М. Петрушевский, указ. соч., стр. 29.

К сожалению, не всегда цены даны так подробно: в других местностях отмечены только рожь и пшеница или скот. К 1781 г. относятся записи цен в восьми различных точках Украины. Приводим их в таблице.

ТАБЛИЦА ЦЕН НА ЗЕРНО (1781 г.)

(За корец—в злотых)

	Каменец-Подольск	Буки	Балта	Корсунь	Рашков	Родомно (около Брод)
Рожь	2	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	2—3	3	4 ¹ / ₂
Пшеница	2	6	5	—	—	6 ¹ / ₂

Во время путешествия Мюнца только в пункте наибольшего спроса — в Родомно — цены на пшеницу достигали 6¹/₂ зл. и на рожь 4 зл., в остальных рожь стоила 2—2¹/₂ злотых¹⁰. Низкие цены толкали панские хозяйства на переработку зерна на винокурнях и вывоз водки в Молдавию и Ново-Сербию. Данные записей не позволяют сравнить цены за ряд лет. Но цены, приведенные у Мюнца, можно сравнить с ценами, которые приводит Корзон во втором томе своего исследования: рожь в 1783 г. стоила в Житомире 2 зл., в 1784 г. — 3 зл. Тогда же в Гданске рожь стоила 10³/₇ зл. и 11⁴/₇ зл.

На пшеницу в Житомире стояли цены: в 1783 г. — 5 зл., 1784 — 6 зл., а в Гданске 19²/₇ и 21³/₇ зл.¹¹. Эта огромная разница в ценах оправдывала расходы по транспорту и делала возможным вывоз зерна из правобережной Украины на Балтику.

Непосредственного производителя, своим трудом создавшего эти богатства, крепостного «хлопа», Мюнц не берет в поле своего внимания. По его запискам можно и не догадаться, что Украина конца XVIII в., которую Мюнц объезжает, — страна крепостническая. Наоборот, характеризуя сельское хозяйство южной Брацлавщины, он пишет: «Крестьяне во всех этих кантонах (около Брод) не стеснены землей, что усыпляет сельскую промышленность. Они редко более трех лет обрабатывают землю без того, чтобы дать ей отдых. Они никогда не употребляют навоз или другое удобрение для полей; 2—3 года отдыха достаточно для восстановления плодородия земли. Поэтому они не очень обременены работой. Но, если когда-нибудь население возрастет и необходимость породит настоящую сельскую промышленность, ...то эти земли принесут во сто крат больше всякой продукции». Мюнц характеризует здесь степной юг Подолии, близкий к границе, к Запорожью. Еще Антонович указывал в своей работе «Крестьяне правобережной Украины в XVIII в.», что по сравнению с более глубоко лежавшими воеводствами, как, например, Волынским, напряженность классовой эксплуатации была здесь меньше, и

¹⁰ В 1760 г. цены стояли выше. Захват Австрией Галиции нарушил рыночные связи. См. О. Баранович, «Панське господарство в ключи Володарьским за часів колівщини» (Збірник на пошану М. С. Грушевського, 1928 г., стр. 277).

¹¹ Т. Korzon „Wewnetrzne Dzieje polski za Stan. Augusta“, 1897 г., том II, табл. № 69.

панщина, по подсчетам Антоновича, в конце века достигала 214 дней, т. е. цифры, с которой волынь начинала в XVII в. (240 дней)¹².

Проезжая Украину вдоль и поперек, Мюнц постоянно отмечает малолюдность населения, исключения представляют только Борсуки на Горыни, где он отмечает «население более многочисленное, чем у русских границ под Киевом». Указание на слабую заселенность неразрывно сопровождает его описания богатств края: он говорит о слабой заселенности Уманьщины, окрестностей Лысянки и Канева («маловато»). О Фетиеве (Брацлавщина, в 14 милях от Винницы) он говорит: «население очень малочисленно, две трети земель не обработаны». В то же время панские имения нуждались в рабочей силе, это видно из того, что в записках Мюнца постоянно упоминается о «заклипании на слободы», т. е. о борьбе за рабочие руки. В объяснениях к его акварелям нередко имеются пометки: «здесь изображен столб с четырьмя колышками, который обозначает, что в этой местности принимают колонистов из 4-х льготных лет». Действительно, на изображениях сел, у околиц, на перекрестках дорог, у мельниц, у переправ Мюнц часто помещает эти столбы. Момент чрезвычайно интересный, связанный с таким известным явлением, как «заклипание на слободы». Первая треть XVIII в. заполнена «охотой на хлопа»: польские паны, снесенные волной народного восстания 1648 г. и годами «руины», после 1714 г. энергично водворяются на прежние места и нуждаются в рабочей силе. В первой трети XVIII в., менее уверенные в своей прочности, чем в конце этого века, они предлагали более льготные условия: свободу от панщины на 15—30 лет. В 1780-х годах паны уже считают достаточными четыре года льготы. Столбы, «закликавшие на слободы», все имеют по 4 колышка; они относятся к следующим семи местностям: деревня Чесновка (№ 12 — семь миль от Вишневеца), деревня Субботка (очевидно, Субботово, около Чигирина, № 58), местечко Пиков (по дороге от Киева на Вишневец, № 63), Борсуки на Горыни (№ 65) и в трех пунктах около Ягорлыка, в степях (Б. А., № 11, 32 и 39).

Если мы учтем, что не каждый столб попадал в поле внимания художника, — а их и так много на рисунках Мюнца, — можно думать, что в селах и местечках Украины они были распространены и «заклипания на слободы» широко практиковались в правобережной Украине; вместе с фактами погони за местным сырьем, с одной стороны, и отсутствием промышленности, отсталости хозяйства края, с другой, — можно говорить о продолжении колониального наступления на Украину со стороны Польши, о ее нажиме, а бегство населения и его малочисленность при чрезвычайном богатстве природы говорят об очень тяжелом двойном гнете панской Польши.

Из технических культур Мюнц отмечает обилие и хорошее качество льна и конопли для районов Умани (село Буки), северной Подолии (местечко Пиков), Брацлавщины (Фетиев) и Волыни (Борсуки). Два раза он пишет о виноградниках — под Терехтемировым и у себя, под Корсунью. С большим вниманием относится он к лесному покрову. Леса характеризуются им по породам деревьев, по пространству, занимаемому ими. Этот интерес становится ясным, когда Мюнц развивает мысль об эксплуатации лесных богатств, главным образом — как мачтового и строительного материала.

¹² Архив Ю. З. Р., ч. VI, т. II, стр. 45 и 50.

Рис. 1. Местечко Пиков. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

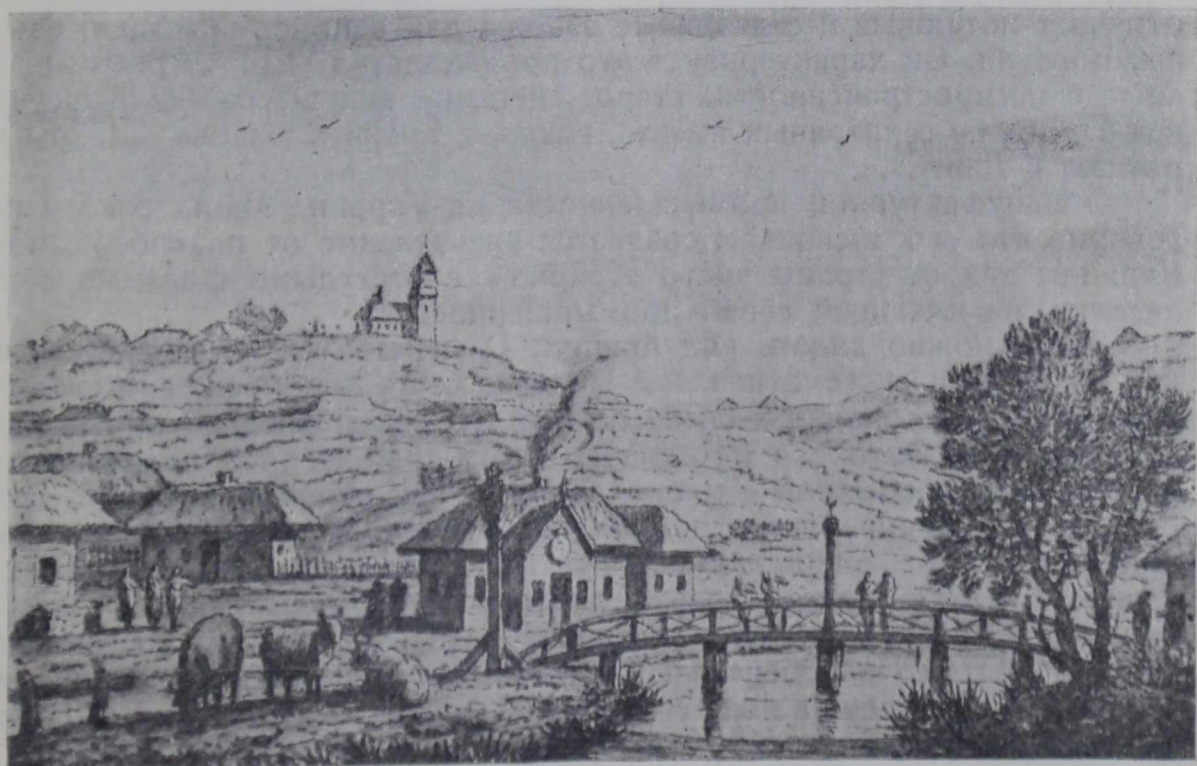

Рис. 2. Таможня в Балте. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Край, который Мюнц изобразил в многочисленных видах городов, местечек, сел наиболее подробно, — это, главным образом, прибережная полоса Днепра (от Полесья до Запорожья — Киевский повет Киевского воеводства). Здесь были расположены королевские староства. Как известно, к концу XVIII в. они утратили значение государственных земель и обратились в феодальные поместья¹³. Так, староство Черкасское находилось во владении Сангушек, Чигиринское — Яблоновских, Каневское — Потоцких. Постановлением сейма 1775 г. четыре значительнейших староства — Белоцерковское, Богуславское, Каневское и Хмельницкое (в Подолии) — были отданы в собственность королю Станиславу Августу Понятовскому, который вскоре передал староство Белоцерковское великому коронному гетману Украины Ксаверию Браницкому, а Каневское и Богуславское — своему племяннику Станиславу Понятовскому. Это были самые богатые староства. По люстрации 1765 г. Каневское староство давало 38 875 злотых дохода, а в 1789 г. — 80 031. Доходы Богуславского староства возросли с 39 856 до 85 656 злотых. По люстрации 1789 г. Ст. Понятовскому, племяннику короля, принадлежали еще два староства, меньшие по доходу, — Корсунское и Синицкое, и местечко Таганчи. Нужно отметить, что перед люстрацией 1789 г. в этих владениях Понятовского была произведена реформа, «устав генерального чинша», свидетельствующая о попытке приспособления хозяйства к растущим торгово-денежным отношениям. Крестьяне ставились в положение вечных арендаторов и переводились на чинш (оброк). Польские историки (Корзон) комментировали реформу как акт величайшего благородства¹⁴; на деле же это было средство увеличения доходов. По подсчетам Щербины, сумма обложения отдельного хозяйства в Корсунском старостве за время с 1765 по 1789 г. возросла с 10 злотых до 24,9, т. е. увеличилось в 2½ раза¹⁵.

В области добывающей промышленности особенно часто Мюнц отмечает поташные и селитряные заводы для районов Лысянки, Смелы, Корсуни. Он характеризует это производство как огромное в смысле распространенности, старое, издавна ведущееся («в Корсуни вся земля — в селитряных ямах»), говорит также о вывозе селитры и поташа в Данциг.

О мануфактурной промышленности на Украине Мюнц совсем не говорит. По его дневникам создается впечатление от правобережной Украины как от страны чисто аграрной, с отсталыми формами земледелия, не имеющей своей промышленности.

Здесь можно видеть ряд причин: 1) действительно, правобережная Украина в системе панской Польши была колонией, с отсталым хозяйством. Антонович в очень сжатой формулировке, но на основании большого актового материала, еще в 1880-х годах дал характеристику правобережной Украины XVIII в. как страны, где цеховое ремесленное производство находилось в полном упадке, где товары широкого потребления привозились из-за границы, где из промышленности можно видеть только добывающую: буды, рудни, гуты и винокурни¹⁶; 2) Мюнц путешествовал главным образом по периферийным местам Правобережья и кое-какие промышленные предприятия мог не захватить в поле своих наблюдений; 3) путешествие Мюнца

¹³ Архив Ю.-З. России, часть VII, т. III, стр. 11.

¹⁴ Т. Korzon, „Wewnetrzne Dzieje“, т. I, стр. 397.

¹⁵ Архив Ю.-З. Р., ч. VII, т. III, 2-ая пол., стр. 19.

¹⁶ Антонович, „Исследование о городах в Юго-Западн. России“, 1870 г., стр. 91.

пало на преддверие попыток части магнатской Польши насадить промышленные предприятия для более выгодной эксплуатации местного украинского населения. По данным Корзона¹⁷, в 1780-х годах Потоцкие основали целый фабричный поселок под Махновкой, суконную фабрику на 6 станов и фабрику головных уборов, в Немирове фабрики по обработке кожи, выработке одежды, ситцев и оружия, фабрики сукон в Тульчине и Могилеве. Князь Станислав Понятовский, начальник Мюнца, устроил в Корсуни фабрику сукон, замши, шелковую и селитрянную; в Сахновке — винокурню и табачную плантацию.

Города правобережной Украины по изображениям и характеристикам Мюнца — сплошь небольшие местечки с немногочисленным

Рис. 3. Молдавский крестьянин летом.
Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 4. Молдавский крестьянин зимой.
Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

населением, в 50, 100, 300 домов; таковы: Корсунь, Фетиев, Смела, Могилев, Рашков, Балта. Только Броды выделяются, как крупный торговый центр с населением до 2¹/₂ тыс. и отчасти, Кременец¹⁸. Население местечек везде определяется им одинаково — «земледельцы — христиане, ремесленники и торговцы — евреи», исключение составляет только плотничье и бондарное ремесло, а также кузнечное, которые были в руках украинцев. Многие города — только транспортные пункты на больших транзитных дорогах. Эти последние тщательно отмечались Мюнцем. Таковы дороги: через Пиков в Киев и

¹⁷ Т. Korzon, II, 261. О характере насаждавшейся польскими магнатами промышленности см. также у Рутковского: Rutkowski, „Histoire économique de la Pologne avant les partages“, Paris, 1927, ч. II, стр. 92.

¹⁸ Торговые обороты Брод с Лейпцигом и Силезией до раздела Польши 1772 г. Мюнец определяет более, чем в один миллион дукатов.

обратно, из Константинова на Винницу и русскую Украину, из Красностава — на Замостье, Львов и Молдавию, из Ягорлыка — на Измаил. Очень красочно отмечен водный путь по Висле: «здесь большой путь по Висле для всех, кто движется на юг, и особенно для транспорта товаров молдавских и русских, которые привозятся на ярмарки Лейпцига и Франкфурта. Мы насчитали около пятнадцати баржей, шедших в Киев на Днестре и Могилев на Днестре, возвращаясь из Лейпцига, нагруженные сукном. Часто видно от 40 до 50 барж, нагруженных зерном, идущих гуськом, что дает очень привлекательный вид»¹⁹. И дальше: «здесь видна баржа, нагруженная пшеницей из Сандомира, которая идет в Данциг» (рис. № 3, М. А.).

Другой край, который Мюнц характеризовал ярким комплексом рисунков и записей, это — Приднестровье и Молдавия. Объезжая южную границу Польши речным путем и совершая путешествие в Яссы и Бендеры, Мюнц сделал более 20 зарисовок, очень выразительных. Отступая от обычной эскизной манеры, он дал законченное акварельное изображение Бендер, позднее (в 1789 г.) выполненное цветной гравюрой Тишбейном в Касселе. Серия рисунков и записей открывается видом молдавской деревни между Могилевом и Пельтом; далее следует «Переезд через реку Прут в Молдавии», «Дорога и вид на Яссы», «Молдавский берег Днестра у Ямполья», «Вид на замок в Сороко на Днестре», «Вид на бендерскую дорогу». В первой записи он характеризует внешний вид молдаван таким образом: «одежда туземного населения похожа на одежду древних даков на Троянской колонне. Смотрите дальше изображения украинцев». В конце альбома, действительно, имеются акварельные рисунки молдавского крестьянина в зимней одежде с топором и в летней одежде — с косой. К эскизу молдавской деревни Мюнц дает в тексте общую характеристику местности: «этот вид характерен в целом для Молдавии между Днестром и Прутом, хорошо орошенной, малонаселенной и лишенной лесов. Земля превосходная, черноземная, плодородная, хорошие пастбища, но слишком много благовонных трав. Огромное количество скота — богатство здешнего края, который часто испытывает недостаток в хлебе, который должен получать из Польши. Скалы меловые... следы морской соли во всех углублениях (bas ford), все возвышенности усеяны многочисленными курганами, много дикой спаржи, огромное количество аистов — на каждой крыше по одному-два гнезда».

В дальнейших записях Мюнц отмечает оживленную торговую связь между Молдавией и Украиной. Взамен хлеба, крупы и водки из Молдавии везут соль и скот. Через Сороко ежедневно везут скот и соль в Подолию. «Встретили сегодня много возов, нагруженных солью из Окны²⁰ для Могилева, а некоторые возы с винами из Ясс». На рисунке «Вид на дорогу из Ягорлыка в Бендеры — запись: «Здесь видны украинские крестьяне, возвращающиеся из Бендер, куда они возили масло»; как видно из другой записи, масло шло из Умани, «по контрактам турецких купцов», на другом рисунке: «здесь изображены два молодых еврея верхом, которые едут в Дубоссары и далее через Орхею, на другую сторону Днестра в Яссы, по делам торговли

¹⁹ Ср. Воблый, «Очерки по истории польской фабричной промышленности», т. I, 1909 г., стр. 15.

²⁰ Окна — город в Валахии, большие соляные копи. Соль Окны заменила после 1772 г. соль из Велички (под Краковом), отрезанную от Подолии захватом Австрии.

Рис. 5. Молдавская деревня под Могилевым. Акварель и перо из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 6. Молдавский берег Днестра у Ямполя. Акварель и перо из альбома Мюнца. 1781 г.

скотом». Кроме того, экономические связи между Украиной и Молдавией нашли своеобразное выражение в отдаче «огромного количества овец на пастбища Молдавии с платой два пара за голову²¹, а также в скупке молодняка рогатого скота, который затем откармливался в степях Украины и шел на продажу в Польшу. Отмечаются и более отдаленные связи; так, например, путешественники видели на Висле много молдавских повозок, возвращавшихся из Германии с сукном и другими товарами для Могилева, Ясс и Бухареста.

Для характеристики социальных отношений чрезвычайно интересны следующие замечания. Первое: указывая на преобладающее молдавское население в Ямполе, Рашкове, Мюнц пишет: «большинство населения: молдаване, люди упрямые, мятежники, в голове у них мысли о переселении; население очень редкое и кроме того очень текучее (incertain) благодаря духу переселения (migration); он царит между туземцами, которые все по происхождению молдаване или валахи, схизматики и суеверны до фанатизма»²². Второе: преимущественно в этой части записей, относящихся к пограничным с Молдавией местам, Мюнц упоминает об экономах, т. е. панской администрации в больших хозяйствах, и о господских домах-усадебках (maison seigneuriale). Достигнув устья реки Ягорлыка, путешественники «проводят ночь в жилище эконома этих земель». У Ямполья «слева виден господский дом и господская мельница». На рисунке долины р. Ягорлыка, — снова дом эконома. В числе свиты Понятовского, начальника Мюнца, находился подстароста Каменецкий, владевший на ипотечном праве Ямполем и его округой. Он показал Мюнцу приходо-расходные книги, из которых было видно, что в предыдущий 1780 г. было добыто в его хозяйстве 70 000 пудов селитры, которая была отправлена в Броды. Ясно, что рабочие руки очень нужны были панам, владевшим здесь землями, и что крестьяне, бежавшие в эти места от крепостнической эксплуатации своих валашских или молдаванских бояр, попадали вновь в тяжелые цепи и стремились дальше.

Мюнц пишет: «вся местность от Сороко, по которой мы проезжали, замечательно красивая, земли плодородные, богатые медом и воском, но две трети этих земель не обработаны за недостатком рабочих рук». Заметим, что число льготных лет здесь доведено до пяти, что указывает на большую остроту недостатка в рабочей силе, чем, например, в Брацлавщине.

В записках Мюнца отмечены также стихийные бедствия, нарушавшие течение хозяйственной жизни Молдавии: налеты саранчи и внезапные разливы Прута. «Мы были настигнуты саранчей. Вся зелень мгновенно исчезла. Второй раз она нас настигла в деревне, где мы обедали (9 авг. 1781 г.). Саранча поела всю траву, но, к счастью, хлеб был сжат (7 авг. 1781 г.)». «Неожиданные разливы Прута, — река потопила (3 авг. 1780 г.) 8000 голов скота и сотни людей».

Белоруссию Мюнц посетил в 1783 г., по дороге из Волыни в Литву. Он зарисовал несколько пунктов, расположенных при начале Пинских болот, около Любешева, Железницы, Дольска. Пинские болота были в центре его внимания. Он описывает дамбы из земляных торфяных насыпей и из фашинника, «которые пересекают знаменитые Пинские болота от Любешева до твердой земли в Литве — около

²¹ Запись к рисунку „Молдавский берег Днестра у Ямполья“.

²² Запись от 7 авг. 1781 г.

Рис. 7. Белорусская деревня в Пинских болотах. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

Рис. 8. Начало Пинских болот. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

15 миль с юга на север. Переходы эти трудны для людей и для скота, но иначе нельзя двигаться по болотам, за исключением конца лета, когда они высыхают». Он замечает, что болота доступны мелиорации, по образцу Голландии. Среди болот «изредка встречаются деревни или поселки на песчаных буграх, спасающихся от наводнения. Они хорошо обработаны и дают урожай ржи. Рыбная ловля также служит поддержкой местных жителей» (М. А. № 8, 1783). Из богатств края Мюнц отмечает «невероятное количество меда и воску; земля плодородна для всех сортов зерна, также хороши льны и конопля». Белорусское население он характеризует в следующих выражениях: «местные обитатели в массе люди добродушные (*débonnaire*) и хорошие патриоты, они хорошо сложены и крепки на работу» (М. А. Запись от 13 октября 1783 г.). Из достопримечательностей Белоруссии в альбоме изображены лес в Беловежской пуще и зубр. Мюнц считал, что этот край, «мало значительный до сих пор», должен получить центральное значение в случае развития торговли Польши с Причерноморьем и Дунаем.

О гайдамаках

Восстание гайдамаков 1768 г. было на Украине за 12 лет до первого путешествия Мюнца. Память об этом последнем для XVIII в. мощном порыве борьбы народных украинских масс против польских панов-угнетателей была свежа. В дневниках Мюнца в пяти местах говорится о гайдамаках: в связи с городами Уманью, Лысянкой, Смелой, в связи с изображением семьи казака и православного священника. Дата, которую дает движению Мюнц, 1771—1772 гг., а не твердо установленный 1768 г.; причина этого искажения неясна²³.

В то время, когда делал свои записи Мюнц, еще не было опубликовано ни одного из тех источников, которые являются записями современников событий 1768 г. Однако не исключена возможность использования Мюнцем рукописей архива Базилианского монастыря в Умани, составленных до 1780 г.²⁴ Главным же образом Мюнц мог пользоваться изустными преданиями и, конечно, только в польской интерпретации, полной ненависти к местному украинскому населению и раздувавшей до фантастических размеров число жертв и жесткости расправы.

Повидимому, автор дневников не знал украинского языка и не мог общаться непосредственно с населением, поэтому источники его — польские рассказы. Как человек, служивший в свите крупнейшего магната, как агент польского правительства, он с ненавистью каждый раз говорит о гайдамаках. Когда смотришь рисунки альбома, начиная с Умани, кажется, что идешь по следам гайдамаков (только в обратном направлении). Город Умань, окрестности Умани, Лысянка, Богуслав, Смела, Корсунь, Чигирин. Путь М. Железняка был: Чигирин, Жаботин, Смела, Корсунь, Богуслав, Канев, Лысянка, Умань.

Умань на рисунках Мюнца выделяется своей большой крепостной стеной с входными воротами; за стеной видны крыши домов и купола церквей. Стена производит впечатление каменной, хотя известно,

²³ Такую же дату дает Хаммард, проезжавший по правобережной Украине в 1733 г. Hammarard „Reise durch Oberschlesien“, 1787 г.

²⁴ Новые датировки этих источников даны в работе С. Ф. Иваницкого „Польские мемуары о крестьянском восстании 1768 г.“ (Ученые записки Ленингр. Гос. Педаг. Института), т. XIX, 1939 г., стр. 128—130.

Рис. 9. Гор. Умань. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 10. Вид „живого“ моста у Смелы. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

что во времена Железняка и Гонты стена была деревянная. Она была выстроена в 1761 г. новым губернатором Младановичем и имела 32 пушки.

Скальковский так описывает Умань:

«Город Умань, лежащий над рекою Уманкою, на большом возвышении и огражденный со стороны предместий оврагами, в этом небольшом объеме был окружен со всех сторон валом, острогом и рвом; среди города — «замок», т. е. господский дом с большим каменным магазином и службами (казарма и склад оружия), был еще укреплен другим валом и палисадами. На верхнем этаже магазин имел башню с бойницами. Из замка двое ворот вели — одни в так называемый Новый город, а другие — к оврагу со стороны предместья Бабанка»²⁵.

Зарисовка Умани Мюнцем была сделана с северо-западной стороны (13 авг. 1781 г., в 8^{1/2} час. утра). По плану города, приложенному к работе Скальковского, видно, что это сделано со стороны предместья «Бабанка», а дорога, изображенная на рисунке, повидимому, ведет в Звенигород. Река Уманка, на которой стоит город, изображена в правой части рисунка.

На обратной стороне рисунка запись Мюнца:

«Город Умань жестоко опустошен в 1773 г. гайдамаками, т. е. восставшими казаками, имевшими во главе некоего Гонту; город Умань, как убежище, служил приютом всему, что было польского и католического со всей округи, но восставшие, взяв город Умань, убили все, что было польское и католическое, и бросили трупы в колодец (этих несчастных насчитывают в этой местности до 5000). Эти негодяи были подвинуты на преступление русским духовенством. Но Россия, чтобы спастись от сделанного обмана, забрала посредством своего войска этих убийц и отдала их в руки польского правосудия. Несколько тысяч было повешено, колесовано и т. д., некоторое число спаслось бегством, чтобы избавиться от виселицы. И сейчас видно на большом отрезке пути виселицы, столбы и глаголи (potence), которые служили для повешения и т. д. этих злодеев».

Передний план рисунка Мюнца подтверждает запись: по сторонам дороги, точно частокол, стоят заостренные столбы, колья или «пали», как называли их казаки, затем — виселицы, в виде столбов с развилком и «глаголи»²⁶.

Второе изображение дает окрестности Умани; собственно, это — вид города с другой стороны и в отдалении: та же речка Уманка, те же церкви. Мы знаем, что окрестности Умани были свидетелями гайдамацкой борьбы, местом казацкого табора («Греков лес»); здесь в течение трех недель действовали Железняк и Гонта; сюда позднее были стянуты русские войска под командой екатерининских генералов-крепостников, обманувших доверие восставших и предавших их. В дневнике Мюнца вновь упоминаются гайдамаки «разорившие окрестности Умани».

²⁵ А. Скальковский, «Наезды гайдамак на Зап. Украину в XVIII в.», 1845 г., стр. 27.

²⁶ Мы знаем, что не один Потоцкий, владелец Умани, украшал свои владения виселицами. Виселицы в магнатских замках были обычным явлением. В жалобах («делаяциях») крестьян староства Нехвощинского крестьяне писали, что на их просьбы пан Немирич кричал «цихо хлопе, бо не шибениця» (Архив Ю.-З. Р., т. VII, ч. III, стр. 20).

Следующий рисунок — город Лысянка. Город расположен на холме, на рисунке насчитаешь едва пять — шесть домов внутри крепостной стены. Это замок — в тесном смысле, по терминологии того времени «лямус» (lamus), т. е. центральный дом местечка, занимаемый обычно представителем магнатской администрации — губернатором; дом, имеющий каменный нижний этаж, или весь каменный и окруженный крепостной стеной. На рисунке хорошо видна стена с угловой башней, лишенной крыши. Богуслав изображен со стороны р. Роси и город закрыт высоким холмом²⁷. Смела представлена двумя изображениями. Оба раза центр внимания художника — живой мост через реку Тясьминь. Мюнц пишет: «Вид города Смелы (центра

Рис. 11. Семья казака. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 12. Украинская крестьянка из-под Корсуни. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

50 сел и пространства земель более 50 кв. миль. Собственник — князь Ксаверий Любомирский, владеец же на ипотечном праве — каштелян Ялович). Живой мост из толстых бревен красной сосны облегчает проезд через реку; этот живой мост имеет 1140 шагов длины, старая земляная крепостца с 4 бастионами защищала эту переправу и служила убежищем против гайдамаков, но теперь эта крепостца почти скрыта, а земля была употреблена для выработки селитры, которая в этих местностях вырабатывается в огромных количествах. Жители состоят из евреев и земледельцев — чисто русских²⁸ — около 300 домов. Эти земли — настоящее гайдамацкое гнездо».

²⁷ За Железником из Богуслава пошли эсаул Кушнир Гладкий, Борис Речник, Степан Червошенко. «Он оставил доброе расположение к себе и желание поддерживать его». Шульгин, «Колиивщина», стр. 30.

²⁸ В подлиннике — «настоящей русской древней крови».

Описывая город Стеблев на р. Роси, принадлежавший княгине Яблоновской, Мюнц пишет: «Здесь гайдамаки под начальством Гонты сделали много зла. Местные жители очень суеверны и упрямы. Есть чего бояться за будущее, потому что духовенство русское — схизматики, очень злобны, а русское правительство им потакает, чтоб держать Польшу в напряженном состоянии».

Рисунок, изображающий Чигирин (№ 67), не связан в записях с гайдамаками²⁹. Он изображает место древней крепости на р. Тясьминь, сожженной и разрушенной, как известно, во время третьего чигиринского похода (август 1678 г.). Записи дневника связывают этот рисунок с событиями восстания Богдана Хмельницкого.

Наконец, в той части первого альбома, где Мюнц дает несколько изображений украинских крестьян, Мюнц опять связывает с ними память о гайдамаках. Ему, агенту и наймиту польского магната, они страшны, и потому он говорит о них в тоне ненависти. Рисунок № 8 альбома носит название «Семья казака».

На рисунке изображены четыре крестьянских фигуры около избы: крестьянин-казак, его жена, ребенок и женщина. Казак одет в типичную запорожскую одежду: широкие синие шаровары, красный пояс, белая рубаха.

Запись гласит: «Негодяй, которого вы видите здесь, был очень активный в восстании гайдамаков в 1772 г. Очень набожный в своей религии и в то же время, по словам соседей, крупный убийца; жена его тоже, наверно, обогрела руки в крови католиков во славу св. Николая, который сейчас гремит, потому что местные жители не соблюдают хорошо посты и недостаточно пролили крови католиков».

Судя по этой записи на изображении, мы видим здесь подлинного участника гайдамацких отрядов, громивших шляхетские гнезда и нагнавших на них великого страха. Если б автор записал фамилию этого казака, мы могли бы по люстрациям 1765 и 1789 гг. получить полные сведения, об его хозяйстве, составе семьи, названии села.

Есть еще у Мюнца упоминание о гайдамаках в связи с украинским духовенством. Нарисовав изображение попа с попадьей, он записывает: «вот такие-то презренные священники, как этот, представленный здесь, поддерживали жестокое восстание на Украине в 1772 и 1773 гг., которое стоило жизни более 8000 душ католиков; этих повстанцев называли гайдамаками, их начальник — этих убийц — был некий Гонта. Все, что носило польское платье, было убито — смотрите рисунок города Умани, где эти убийцы поднялись, как дикие звери».

«Россия будет поощрять подобные расправы в будущем. Бедная Польша», — заканчивает Мюнц.

Таков круг записей и рисунков, связанных с восстанием гайдамаков в 1768—1771 гг.

Они интересны каждому, изучающему этапы борьбы украинского народа против ига польских панов. Хотя враждебные народным массам, эти материалы дают многочисленные изображения мест, посылавших лучших из рядов трудящихся Украины на борьбу против двойного гнета: Неживого, гончара-наймита из Мельниковки, недалеко от Мошен, Максима Железняка — из села Медведовки, Ивана Бондаренко — села Грузьков. Голос восставших масс дошел до нас в показаниях известной Кодненской книги. Крестьянин Дубенный, — как записано в судебном следствии, — кричал своим: «Стійте на варті ко-

²⁹ Чигирин был сожжен гайдамаками в 1750 г.

до села, бо чув я від казаків, що не в П'ятигорському лісі поляки. Щоб вони не почали напротивно вас помсти, візьміть коси, списи, ціпи, хто що має... Та дивіться, не давайте ім!»³⁰.

Крестьянство было движущей силой гайдамацких восстаний. К крестьянам примыкали мелкие ремесленники, батраки с промыслов, казаки сельские и надворные. Источник дает некоторые материалы по этой теме. Интересно уже то, что Мюнц зарисовал пять портретов украинских крестьян и казаков с натуры: крестьянина Василия Черного из села «Сотники» под Корсунью, молодого рыбака из села Селица около Канева, мельника из Корсуни («настоящей казацкой крови»), «солдата-казака», т. е. надворного казака по правильной терминологии, и, наконец, уже упоминавшегося казака-гайдамака из-под Корсуни. То, что большинство изображенных казаков жило под Корсунью, объясняется тем, что сам Мюнц и его начальник Понятовский имели местопребывание около Корсуни на реке Роси, в усадьбе, частично изображенной на рис. № 47. Наиболее четко, как представитель деревни, дан Василий Черный, являвшийся войтом—старостой в селе Сотники. На обратной стороне, изображения имеется запись разговора между Василием Черным и управителем всех имений князя Понятовского — комиссаром Пивницким. Привожу весь текст. Он явно является вольным пересказом Мюнца, но все же интересен как голос украинского крестьянина. «Тонкий ответ Василия Черного, крестьянина и войта, или бурмистра, деревни Сотники, в двух милях от Корсуни на Украине». «Этот человек, который является надзирателем своей деревни и довольно зажиточным, был спрошен Пивницким, прусским дворянином, каштеляном короля польского и генеральным комиссаром всех земель князя Ст. Понятовского, о причинах бегства некоторых семей крестьян из его деревни. Василию сказали: «Ваш господин — такой добрый князь, который только и ищет вашего благополучия». Крестьянин, удивленно глядя на комиссара, отвечал ему: «Господин, вы говорите, что князь, наш господин, добр и что он только и ищет нашего благополучия. Я хотел бы верить, что это так, но мы очень мало уверены в его комиссарах, которые меняются часто». Комиссар, на несколько минут смущенный этим ответом, продолжал и спросил о причинах этой тяги к перемене мест, которая царит между его односельчанами. На это крестьянин отвечал: «бог отличил нас от остальных созданий даром свободной воли. Лишите нас этого драгоценного дара, и вы поставите нас наравне с нашими волами. Человек, который плохо себя чувствует, счастлив возможностью сменить местность и жилище, чтобы улучшить свое положение. Надежда на улучшение смягчает горечь. Что касается меня, я своей судьбой доволен. Я воспитываю своих детей в добродушии, но, я не забываю им твердить, что их временное благополучие зависит от них самих, и если они почувствуют себя плохо в одном месте, пусть ищут другого пристанища, чтобы избавиться от угнетения и улучшить свои обстоятельства. И вы, господин, который делаете замечания о склонности к бегству, которая царит среди моих односельчан, вы и сами, несомненно, находите в таком же положении, быть может, сами того не зная, иначе, что заставило бы вас покинуть ваши родные земли, так удаленные от нас, как не желание переменить место и, может быть, улучшить ваши обстоятельства?»

Зарисовано с натуры в 1782 году» (№ 13).

³⁰ Шульгин, „Очерк Колиивщины“, 1890 г., стр. 111.

Здесь, в этой записи Мюнца, самое основное, — конечно, это факт массового бегства из села Сотники.

Село Сотники встречается не раз в актах поземельных, опубликованных в шестой части Архива юго-западной России (т. II). Это купчие крепости за №№ 9, 45 и 49. Но гораздо интереснее данные люстраций 1765 и 1789 гг. По люстрациям 1765 г. в селе Сотники — 66 дворов, которые вносят чиншу 756 злотых, за осыпь житом — 40 злотых 7 грошей. Аренда корчемная дает 1248 злотых. Кроме тяглых дворов есть 4 двора либертованных и 3 слободских.

В 1789 г. дворов стало 70. Либертованные и слободские — уже исчезли, а появились 6 шляхтичей. Чинш возрос до 2453 злотых, т. е. больше, чем в три раза; все натуральные повинности переведены на деньги: за лес, за жито, за овес, за косьбу сена, за десятину пчелиную, за очковое, за возку дров (118 телег). Аренда корчемная — 2000 злотых. Общая сумма — 5239 злотых против 2044. Это на протяжении 24 лет. Налицо сильный рост эксплуатации крестьян и, как следствие, отмечаемый Мюнцем факт бегства из села³¹.

Кроме перечисленных тягот, на крестьянах лежала повинность содержания надворных казаков. В альбоме имеется изображение в рост фигуры казака, одетого в польскую форму: черные сапоги с отворотами, штаны, собранные в сборку ниже колен, красная куртка, стянутая поясом, и на голове типичная польская шапка с пером, в руках — копьё. Объяснение, имеющееся на обратной стороне, не оставляет сомнения, что здесь мы имеем дело с представителем того разряда надворных казаков, который назывался «лизни». Мюнц пишет: «казак, который здесь представлен, обязан выполнять всякого рода службу своему землевладельцу, но он ничего не стоит своему господину. Он содержится за счет общины своей деревни, которая обязана одного казака содержать; большие села снабжают двух. Эти люди выполняют свою службу двухнедельно или по 30 дней. Господа снабжают их формой, а лошадь и оружие дают деревни. Они обслуживают господ, как посыльные, по приказанию комиссаров и экономов». Эта последняя приписка и заставляет думать, что изображенный здесь казак относится к разряду лизней, потому что основная часть надворных казаков была конная и выполняла главным образом военные функции. Например Гонта был сотником конных надворных казаков в отряде, который состоял из 2000 человек во главе с полковником Обухом. Скальковский, характеризуя гарнизон Умани к моменту восстания Гонты и Железняка, пишет: «Остальной гарнизон кроме указанных 2000 казаков составляли: сотни пеших казаков, которых поляки называли «лизнями» (lizni — улитки); их употребляли в мирное время для служб и посылок, в тревогу вместе с казаками против гайдамак, в чем они были очень искусны»³². Последняя приписка дворянского историка опровергается тем, что все «лизни» Умани перешли на сторону восставших. Мюнц не совсем точно определяет размер повинностей крестьян по поставке казаков к панскому двору: они поставлялись обычно не с деревни, а с определенного количества «домов», т. е. крестьянских хозяйств, что было тяжелее.

Двойной интерес представляет изображение семьи казака, о котором говорилось в связи с гайдамаками: казак с женой и ребенком, около забора избы, в сильную грозу.

³¹ Архив Ю.-З. Р., ч. VII, т. III, 2-я полов., стр. 36 и 304.

³² Скальковский, указ. соч., стр. 27.

Это изображение чрезвычайно интересно и по другому поводу. Антонович в своем исследовании «Последние времена казачества на правой стороне Днепра» писал: «Исчезло навсегда в этой области казачество... На правой стороне Днепра от казачества осталось одно имя, которое паны присвоили своим надворным милициям и прислуге... Милиция эта, заменившая прежние шляхетские надворные хоругви, удержала за собой название казаков.., но, кроме имени и костюма, надворная казачина не имела ничего общего с прежним казачеством, составлявшим свободное, владевшее землею и пользовавшееся самоуправлением сословие». Это положение Антоновича, в целом принятое исторической наукой, дополнено поправкой Щербины, упомянутого исследователя украинских староств по люстрациям 1765 и 1789 гг.: именно, в люстрациях 1768 и 1789 гг. им обнаружено существование казаков на Правобережье. Эта категория, отличная от

Рис. 13. Крестьянин из села Сотники (на Украине). Акварель из альбома Мюнца. 1780 г.

Рис. 14. «Солдат-казак» (надворный казак). Акварель из альбома Мюнца. 1782 г.

надворных, называется «городовые казаки»³³. В статье «Последние следы казачества в Правобережной Украине» Щербина определяет обязанности этих казаков в большинстве староств следующим образом: «Эти городовые казаки несут военную повинность в обозе коронного войска, по распоряжению региментарей». Они являлись оседлым земледельческим населением, свободным от всяких повинностей в пользу староств — «либертованными». По люстрации 1765 г. таких казаков числилось в 16 старостах 734 — 3,8% всего населения, по люстрации 1789 г. — всего только 159. Последняя цифра по отно-

³³ Они жили не только в городах и местечках, но и в селах.

шению к общему числу шести староств, к которым они принадлежали, составляла всего 1,1% ³⁴.

Явно категория эта исчезала. Рисунок Мюнца зафиксировал этот уходящий момент.

Характеристика изображенной группы, приведенная выше, ее чисто украинская одежда, отличная от одежды надворных казаков, дают основание считать, что этот разряд населения, чисто украинский и вооруженный, был активным участником гайдамацкого восстания 1768 г.

Кончая характеристику материалов, связанных с колиивщиной, укажем, что та враждебная сила, на которую наряду с панством обрушились восставшие, — именно, католическая церковь, проступает в записях и рисунках Мюнца довольно четко. Украина была заполнена учреждениями воинствующей церкви. В Кременце Мюнц отметил «иезуитскую семинарию, большое здание, доказывающее огромные средства, имевшиеся в этом обществе». Его патрон, Понятовский, возобновляет в Каневе «униатский монастырь, игумен которого Физикевич вышел из школы католической пропаганды в Риме». Города Украины, по записям Мюнца, полны кармелитских, капуцинских и доминиканских монастырей. Помещаем рисунок доминиканского монастыря-крепости «Подкамень», Бродского повета, наиболее ярко демонстрирующий гнетущую силу католической церкви, вызывавшую такой мощный гнев украинских народных масс.

Мюнц о русской экономической политике

В дневнике Мюнца очень ярко отражены сдвиги во внешней торговле, которые подготовлялись ходом внешнеполитических событий — постепенным освоением Россией Причерноморья и стремлением Австрии освоить Днестровский путь.

В заметках о внешней торговле три города выделены особым вниманием: это Канев, Кременчуг (в русской Украине) и новый город Херсон. В дневниках о первых двух городах мы видим ряд наслоений: записи в первое путешествие 1781 г., затем заметки при повторных приездах, заметки о событиях, связанных с 1787 г. — путешествием Екатерины II, приписки и т. д. Основной круг мыслей Мюнца, который связан с этими городами, следующий: Россия делает все, чтобы убить торговлю Польши с Пруссией через Балтику и перевести ее на Днепровский путь, Черное море и Дунай (последнее дополнительное звено, выдвинутое союзницей России — Австрией в лице Иосифа II). Главное действующее лицо — Потемкин, который вместе с Иосифом II «решает судьбы Европы». Меры, принимаемые для переключения экспорта — устройство Кременчугского порта, упорядочение транспорта по Днепру, заселение его берегов, постройка Херсона и усиление приготовлений вдоль всего Днепра к войне с Турцией. Одновременно с этим, по мнению автора дневников, делается все, чтобы ускорить уничтожение Польши. Сила и мощь тогдашней России, империи помещиков и купцов, по сравнению с разваливающейся Польшей отчетливо выявлены в записях, несмотря на явно враждебное настроение автора по отношению к русским. Привожу некоторые записи: «Если Потемкин осуществит свои планы сохранить

³⁴ Труды XII Археологич. съезда, т. III, стр. 90. Эти казаки, так же, как левобережные, имели подпомощников.

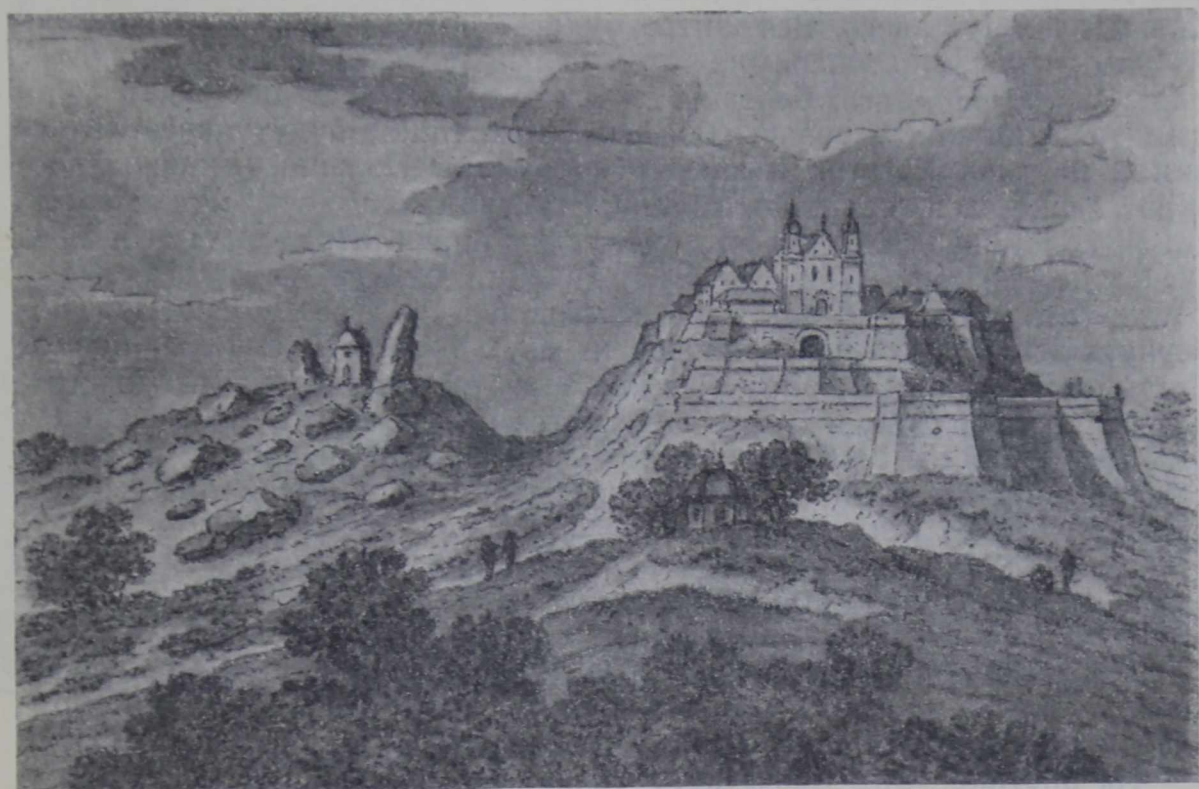

Рис. 15. Подкаменный монастырь в Галичине. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

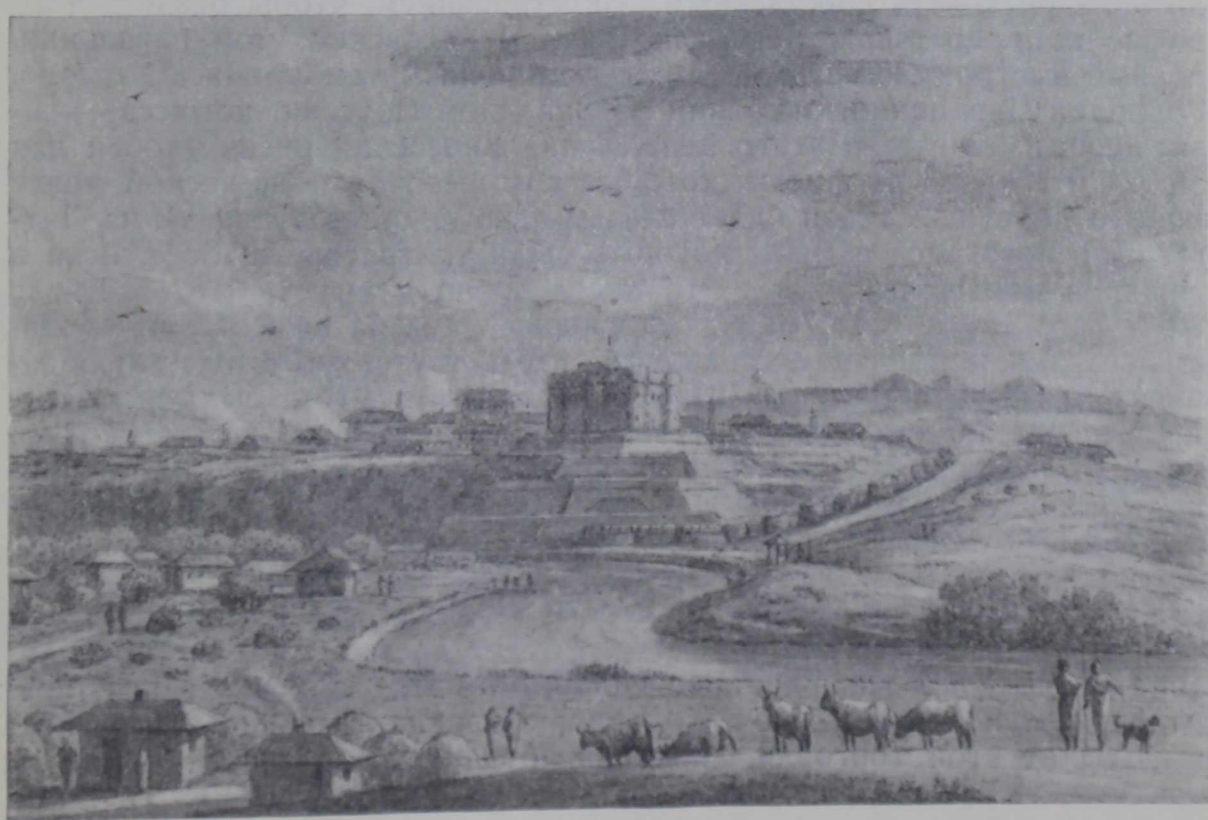

Рис. 16. Город Бендеры в Бессарабии. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

Крым и вытеснить турок из Очакова, Молдавии и Бессарабии, эти земли³⁵ будут огромным складочным местом между верхним и нижним Днепром, Дунаем и Черным морем и тогда три пятых продукции Польши пойдут здесь. Вся Литва будет снабжена крымской солью и прочими нужными товарами, которые раньше шли через Балтийское море. Днепр, Припять, Березина, Случ и другие реки послужат удобным транспортом, а товары более нежные (fines) будут перевозиться зимой на санях. Литва и южные провинции Польши (Украина) пошлют зерно, лен, коноплю, семена, строевой лес, воск, мед, шерсть, кожи, солонину, сало, деготь, смолу, поташ, селитру» и т. д. и т. д. (Запись от 23 сент. 1782 г. к акварели «Вид Днепра у устья Роси»).

Другая запись: «Россия хочет разорить торговлю Пруссии, повернуть вывоз съестных припасов из двух третей Польши от портов Балтийского моря в Черное. Русские захватят всю страну до Днестра, вплоть до Ягорлыка, и Польша окажется охваченной с этой стороны, как и со стороны Пруссии. Сжатая со всех сторон соседями, слишком могущественными, Польша навсегда потеряна, если она не делает последнего усилия воспрянуть» (1781 г.).

Далее (приписка 1781 г. к рис. № 56): «Россия дает Польше право совершенно беспошлинной торговли всем, что Польша направит в Херсон. Это породило общество на акциях, чтобы учредить в Херсоне контору, склады для торговых сношений с Константинополем. Многие магнаты приняли участие в отправке съестных продуктов из центра Польши Припятью в Днепр».

На рисунке «Вид Каневского залива на Днепре» (М. А. Путешествие 1782 г.) Мюнц пишет целый трактат о намечавшихся его начальником Понятовском мероприятиях экономического порядка. Канев — «местность удобная для склада товаров между Литвой, Херсоном и Черным морем, а также и Дунаем. Россия делает все усилия, чтобы отвратить подданных Польши от торговли с Пруссией и возбудить их рисковать собственным существованием, чтобы развить торговлю к процветанию Херсона. Князь Понятовский, мой начальник, первый выстроил каменный дом со складочными амбарами в Херсоне. Господин Пивницкий, дворянин из Западной Пруссии, комиссар князя, первый двигатель этого дела. Залив Каневский очень удобен для зимовки товаров из Литвы, которые при высокой воде весной могут пройти пороги. В сезон будет сделан первый опыт отправки из Литвы строевого леса и мачт, которые были сплавлены из Бобруйска в Днепр и помещены здесь». Это писал Мюнц в августе 1782 г. Внизу же у него сноска от 1784 г., говорящая о судьбе этой затеи: «Большая партия хорошего леса для строительства судов с шестью большими мачтами, прибывшая из Бобруйска этим летом, была сплавлена до Херсона по высокой воде весной 1784 г.; мачты и остатки леса были отправлены в Тулон для французского флота. Расходы по проходу порогов были весьма значительны, а алчностью русских расхищено много деревьев, так что первая отправка не оправдала надежд, которые на нее возлагались в смысле дохода, но будет сделана вторая проба. Уже готовят суда, чтобы перевозить зерно и прочее в Кременчуг и низовья Днепра, откуда будут доставляться товары Херсона: крымская соль, вина Венгрии и Архипелага, кофе, сахар, пряности, сукна, ткани и проч. Господин Пивницкий обещает огромные выгоды от этой торговли, которая будет избавлена от придинок

³⁵ На р. Роси, купленные Потемкиным.

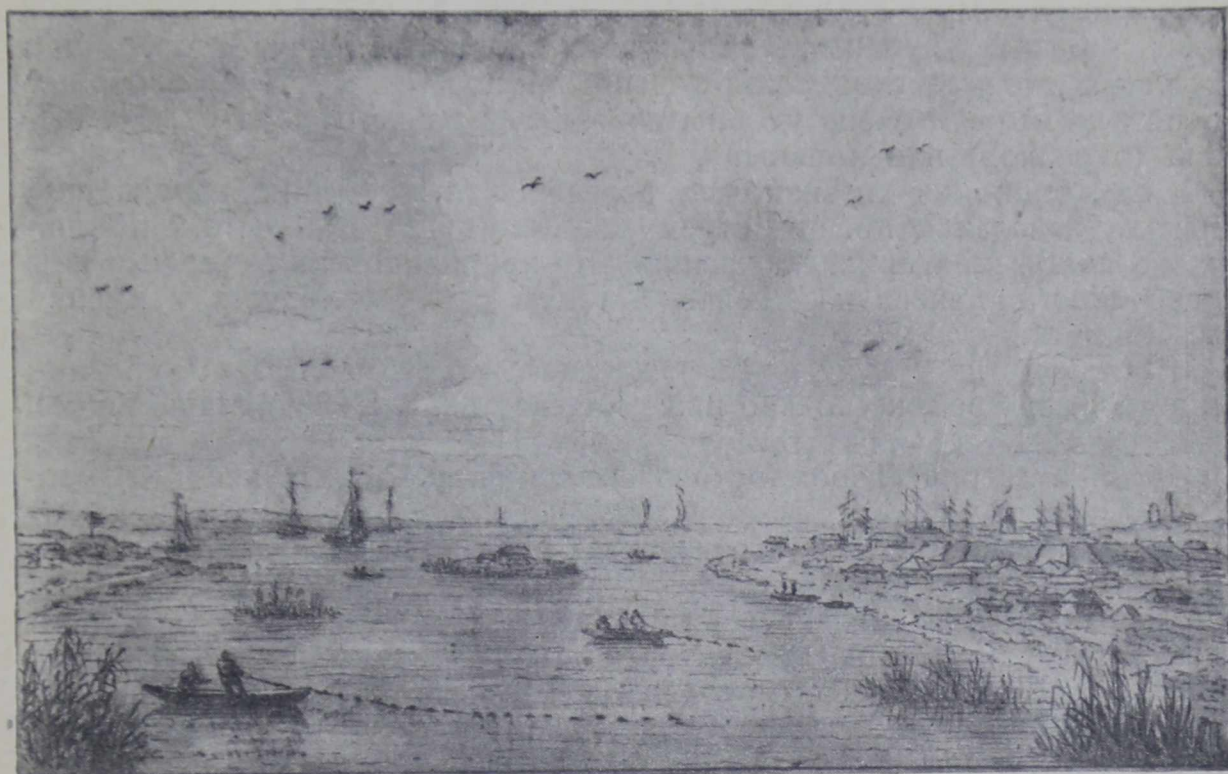

Рис. 17. Город Херсон. Рисунок пером из альбома Мюнца. 1781—1782 гг.
(Большой альбом)

Рис. 18. Город Кременчуг. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

прусских таможен». Здесь у Мюнца вторая сноска: «уже были австрийские товары в Каневе, в 1786 г.: сукно, железо и венгерские вина, которые украинские евреи привезли в Кременчуг с огромным количеством крымской соли; товары прошли Днепром в половодье. Берега этой реки очень удобны для подъема всех грузов силами людей (бурлаков) или лошадей».

Как видно из дневников, в создавшейся ситуации крупнейший магнат, начальник Мюнца, стремился учесть все выгоды экономического положения принадлежавших ему приднепровских староств и в особенности Канева на Днестре, а также своих белорусских имений на Припяти.

Наконец, на рисунке, изображающем «вид Днестра при впадении в него реки Роси, несколько ниже Канева» (№ 3, 1782 г.), Мюнц пишет, выделяя более крупным текстом: «Князь Потемкин, который торговал у князя Ксаверия Любомирского его земли у Смелы, наконец, приобрел их в 1786 г. так же, как земли и леса у Мошны, которые тянутся до этих мест. Он устраивает на реке Роси складочное место для торговли между нижним и верхним Днестром, что нанесет смертельный удар торговле Пруссии с Литвой; этот склад будет снабжать всеми товарами Литву, процентов на 10 дешевле» (13 сент., 1782 г.).

Записи, подобные цитированным, встречаются и в других местах альбома и производят впечатление наиболее актуальных для автора и его окружения.

Таким образом экономические интересы, связанные с переключением торговых путей с Балтики на Черное море, задевали за живое магнатские хозяйства и, несмотря на всю враждебность поляков к России после 1772 г., двигали некоторых из них на сближение с Потемкиным, хотя Мюнц и пишет, что Потемкин держится с поляками «высокомерно и дерзко».

В связи с вышесказанным Мюнц вместе с Понятовским посетил русские торговые города Кременчуг и Херсон. Кременчуг изображен Мюнцем с противоположного берега Днестра, немного вверх по течению. Акварель дана дважды — в малом альбоме первый эскиз и в большом — точная копия несколько больших размеров: через Днестр виден мост, на набережной ряд больших зданий.

В дневнике он пишет: «Крупный город, масса лавок, большие деревянные дома, шелк, сукно, шерстяные ткани, ножи, шерстяные товары, льняные ткани, вина, водка, английское пиво. Большой склад крымской соли³⁶. Большая часть товаров идет из Германии — из Лейпцига. Потемкин хочет связать торговлю с Австрией через Черное море и Дунай — тогда Литва проиграет» (29 авг., 1781 г.).

Рисунок Херсона представляет собой незаконченный набросок пером в большом альбоме и датирован 1781 и 1782 гг.

Вероятно, это самое раннее изображение Херсона, потому что английский художник Хэтфильд, который сопровождал Екатерину II во время ее путешествия в Крым и сделал 13 акварелей, в том числе виды Киева, Кременчуга и Херсона (по два вида), писал их в 1787 г. Рисунок Мюнца озаглавлен: «Вид нового города Херсона на Нижнем

³⁶ Здесь же Мюнц упоминает о русском купце „Монополисте Фалесве, который все забрал в свои руки“. Это замечание интересно, поскольку Фалеев — крупная фигура среди агентов Потемкина. В 1780-х гг. он строил Кременчугскую, Херсонскую и ряд других верфей, обходный канал на Ненасытинском пороге, имея должность оберштеркригскомиссара (Николайчик, Город Кременчуг, 1891 г., стр. 69).

Рис. 19. Харчевня в деревне Чесновке, в Подолии. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 20. Возвращение крестьян с Каневской ярмарки. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

Днепре или лимане, деревеньки и крепостцы Кильбаковки с татарского берега»³⁷.

В тексте нет описания изображенных зданий, хотя известно, что через три года после основания — значит, как раз во время посещения Херсона Мюнцем — там существовал «Новый город» с дворцом, адмиралтейством, литейным двором, арсеналом, верфями, казармами и частными домами, крепость была снабжена гарнизоном и 220 орудиями, на верфи строились различные суда, в гавани находились военные и купеческие корабли, в городе основывались торговые иностранные дома³⁸.

На рисунке Мюнца Херсон дан со стороны Молчановской балки: видны мощные стены крепости, купола двух церквей — может быть, Спасского собора, заложенного Потемкиным в 1781 г., десятка три домов и ряд корабельных мачт. Дав краткую справку о постройке Херсона, Мюнц резко критически характеризует город: «Укрепления почти готовы, но они ничего не стоят, также и верфь. Очень сомнительно, чтобы эта стройка продвигалась вперед. Местность очень нездоровая, много болот, летом — стоячая вода, гниющая в лимане, корабли очень страдают от окружающей гнили»...

«Херсон — только предлог, Россия только и ищет ввести в заблуждение своих соседей»... Далее он развивает выше цитированные мысли о стремлении России соблазнить Польшу выгодами торговли по Днепру, вывоза продуктов по Дунаю и Черному морю.

В конце текста есть приписка: «1789 г. — в настоящий момент заняты постройкой нового города — верфи в 7 милях ниже, на запад от Херсона на Буге, там, где он впадает в Черном море: местность здоровая и удобная для навигации. Название его — Витроски. Итак, Херсон обречен на уничтожение».

Можно думать, что записи Мюнца, касающиеся внешнеполитических вопросов, являются передачей тех планов и разговоров, которые велись как самим Ст. Понятовским, его начальником, так и окружением последнего. За годы службы у Понятовского Мюнц соприкасался, в качестве лица его свиты, со многими видными деятелями эпохи: в дневниках имеются упоминания и рассказы о польском короле, об Иосифе II австрийском, Потемкине, наследнике Павле, генерале Мальчевском, командовавшем польскими войсками на Украине, и о других.

На рисунке, изображающем залив у Канева, он пишет: «король жил здесь в господском доме (своего племянника), деревянном, который виден на рисунке на половине горы. Польский король обедал 6-го мая 1787 г. на борту галеры у императрицы и вернулся на берег; вечером же вся свита ужинала у короля». Император Иосиф II, под фамилией графа Фалькенштейна, упоминается во многих случаях: так, 11 мая 1787 г. отмечается его свидание с польским королем в Богуславе в 3 часа пополудни. Ранее, в 1783 г., Мюнц пишет о получении в Корсуне эстафеты о посещении Иосифом II Каменец-Подольска, о его неприличных выражениях по адресу Польши, об Адаме Чарторыйском, который при этом присутствовал, и т. д.

Претерпев на австрийской границе близ Брод грубое обращение пограничных чиновников³⁹, Мюнц записывает: «30-го июля 1780 года,

³⁷ Мюнц дает неправильно год основания: 1779 г. — Херсон заложен в 1778 г.

³⁸ Русск. биограф. словарь, И. О. Ганнибал, стр. 218.

³⁹ Они выбросили всю его ботаническую коллекцию и на возражения Мюнца ответили: „Нашему императору наплевать на ботанику“.

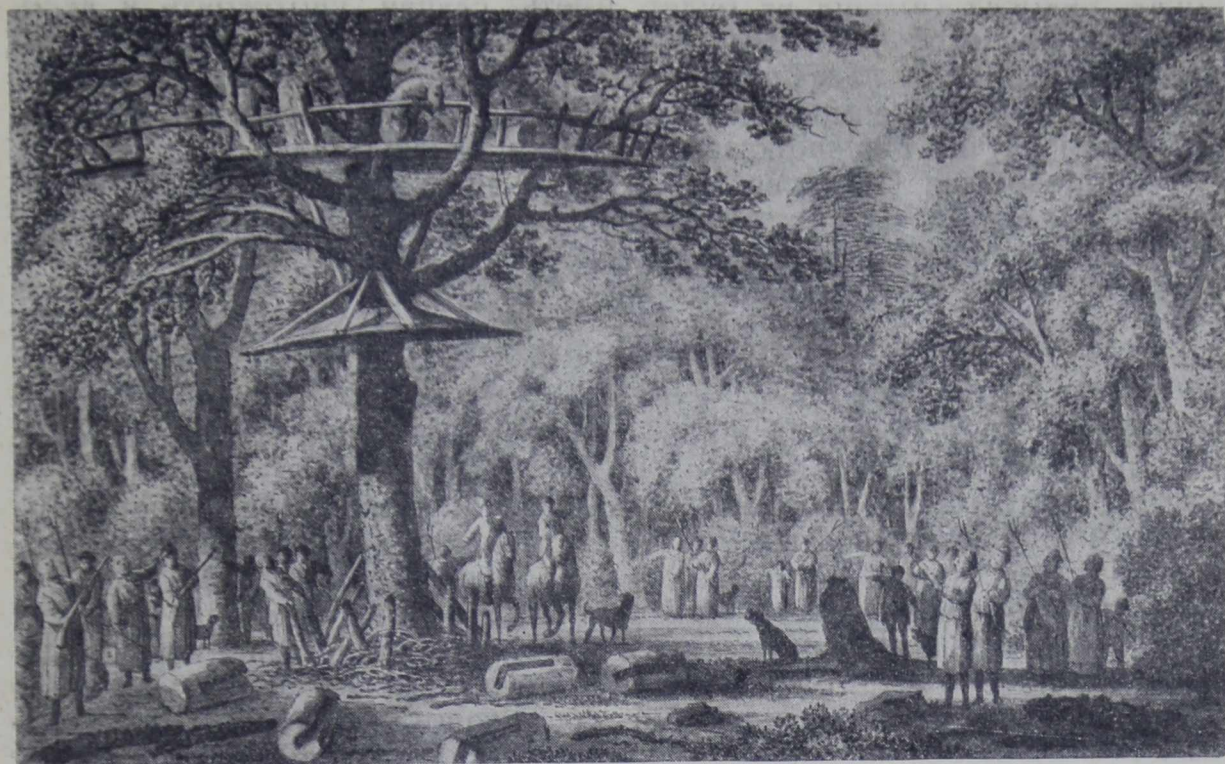

Рис. 21. Беловежская пуща. Акварель из альбома Мюнца. 1782 г.

Рис. 22. Начало долины Ягорлыка в Бессарабии. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

когда мы в Гродно сопровождали графа Фалькенштейна в ботаническом саду и кадетском корпусе, я лично слышал, как он сказал: «Никогда, никогда Польша не будет иметь случая употребить в дело этих прекрасно обученных молодых людей». По этому поводу Мюнц приписывает: «1789 год. Граф Фалькенштейн — плохой пророк: Польша имеет сильную армию, чтобы постоять за свои права» (М. А. № 7). В данном случае Мюнц оказался плохим наблюдателем.

Сопровождая Понятовского в Яссы, он принимает какое-то участие в дипломатических делах. Мотивом путешествия в Яссы он приводит запрещение молдавским господарем Константином Морузи ввоза водки из Польши в Молдавию.

Черты быта правобережной Украины в рисунках Мюнца

В своих записях Мюнц, как агент польского магната Понятовского, относится равнодушно, а частью и враждебно (гайдамаки) к народным массам Украины.

Мюнц-художник с большой любовью и чрезвычайно привлекательно изображает пейзажи Украины. Он находит в природе Украины большую красоту и отмечает это в дневниках, например. «Что может быть прекраснее местности Лысянки. Прелестные холмы, местами украшенные прекрасными лесами, очаровательные долины, плодородные, благодаря быстротекущим водам, земли, великолепные пастбища и пашни». Он восхищается реками, образующими водопады и усеянными мельницами (например рис. № 43 «Каскады и мельницы на горном Тикиче, около селения Буки»).

Как натуралист, перечисляя породы деревьев: дуб, бук, липа, ясень, береза, он затем в своих рисунках прекрасно передает красоту этих лесов, например на акварели «Вид Днепра в окрестностях Канева». В его изображении деревьев можно различить прибрежные ивы у Смелы, густую листву буков у Лысянки и др. Особенно хорошо передан лес на берегу Днепра, у Терехтемирова (М. А. № 63).

Повидимому, большое мастерство художника (известность Мюнца как пейзажиста сложилась уже в 1770 г.) позволяло ему так быстро передавать в рисунке всю совокупность деталей пейзажа. Он работал много и неутомимо. Иногда Мюнц делал по три рисунка в день (например 7 авг. 1781 г., утром, около полудня и днем), иногда работал в исключительный зной, когда путешественники прерывали путь, чтобы укрыться от жары. Его отличное знание перспективы было, вероятно, причиной такого обилия воздуха, простора и глубоких далей в его пейзажах. Вот харчевня, затерявшаяся в подольских степях. На переднем плане все объемно, живет в светотени — деревянный домик, бричка, виднеющаяся в дверях сарая, распряженные лошади, группа людей у колодца. На втором плане — далеко уходящая к горизонту степь, невысокие курганы, повозка шестеркой, увозящая путешественников вдаль.

Многопланность горных пейзажей с их долинами, перевалами, небольшими речками построена так, что втягивает зрителя в уходящие дороги, уводит вглубь, таков например «Вход в долину реки Ягорлыка со стороны Бендер». На переднем плане — возможно сам Мюнц, расспрашивающий о чем-то крестьянина, на них смотрит женщина, стирающая у реки. На втором плане мельница, столб, «закликающий на слободы», и стадо коров, на третьем деревенская усадьба, домик с топящейся печью, дальше горы смыкаются, и зритель мысленно продолжает линию дороги. Совсем иначе дается белорусская деревня,

Рис. 23. Древняя церковь в Каневе. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

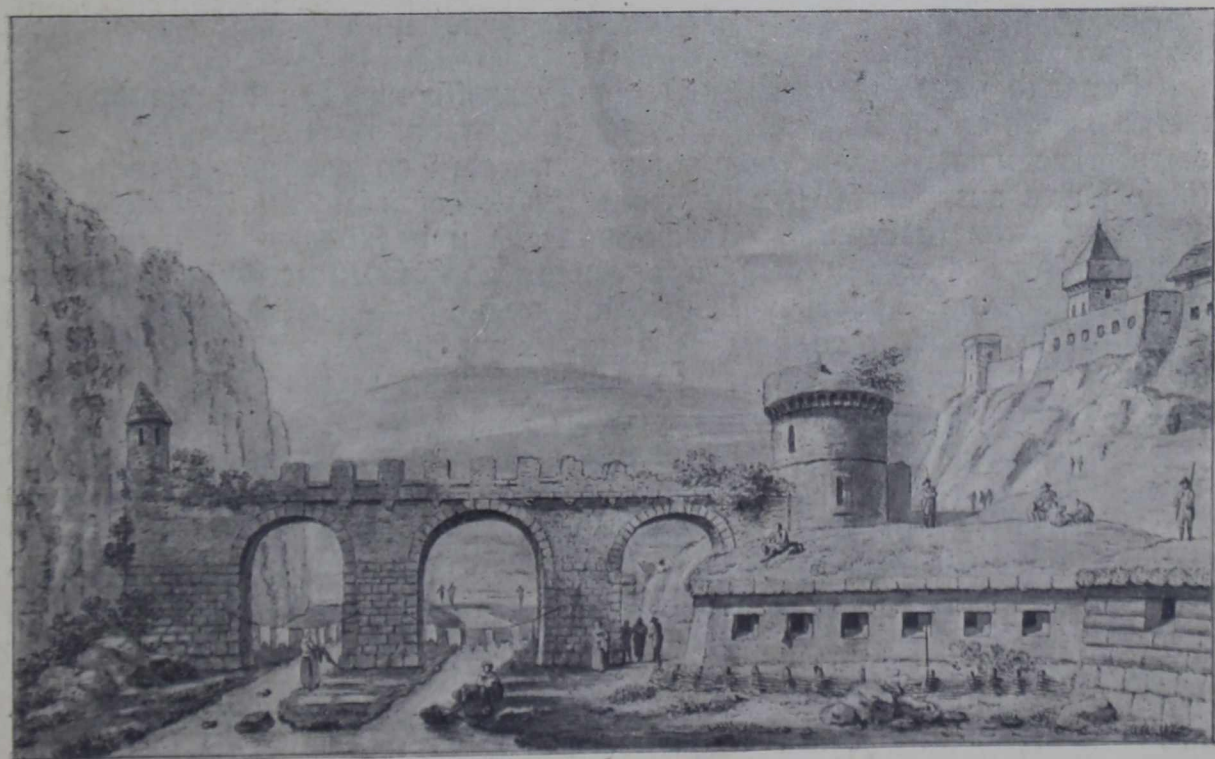

Рис. 24. Каменец-Подольск. Акварель из альбома Мюнца. 1782 г. (Большой альбом)

в Пинских болотах: линия горизонта падает вниз, люди, избы, поросший кустарником берег, расположены вокруг кольца воды, и даль уже не живет для зрителя, она в тумане.

В пейзажах Мюнца природа и люди органически связаны, в них имеется даже повествовательный элемент, поскольку на многих из пейзажей изображены целые сцены. Мюнц не забывает где-нибудь сбоку текста или внизу мелко, иногда едва различимо, пометить, что делают изображенные им люди. На рисунке «Вид города Пикова»: «местные жители заняты льнами и коноплями, которые они вымачивают в воде». На рисунке «Днепр у Дубоссар» (рис. № 72): «турецкий купец из Дубоссар, который пришел осмотреть свое маленькое стадо, разговаривает с крестьянином». На рисунке «Устье реки Ягорлыка»: «здесь видна наша лодка, входящая в маленькую реку Ягорлык, и наша компания, продвигающаяся в глубь долины».

Дальше мы видим пахоту на волах под Каменец-Подольском, выработку селитры у г. Смелы, где изображены ряды бочек и работники с черпаками на длинных палках, уборку сена в огромные стога (под Белою Церковью).

На одной из акварелей изображены крестьяне, возвращающиеся с Каневской ярмарки (М. А., 1783 г., № 1). В арбе, запряженной парой волов, лесной дорогой едут крестьянки, одетые в белые свиты и такие же намитки, по краям дороги группы крестьян расположились на отдых. На обороте запись: «Ярмарки на Украине достаточно своеобразны. Население собирается накануне и проводит ночь под открытым небом. Дела начинаются с рассветом и к полудню все кончено, тогда все собираются в обратный путь, достаточно отягченные вином. Комические сцены в пути полны веселости и опьянения, но в целом без ссор и насилия. На этих ярмарках находишь в общем все, что только можно пожелать».

Люди изображены обобщенно, силуэтно, но в очень живых позах, связанных с процессами работы.

Гораздо менее выразительны акварели Мюнца (их 19), изображающие крестьян Молдавии, Украины и казаков. В то время как пейзажные эскизы Мюнца выполнены пером со слабой раскраской (bister) или акварелью, эти рисунки даны совсем иной манерой, в ярких красках (например «Казак-солдат») и несколько примитивно. В некоторых фигурах явно проступает известный шаблон — например украинские крестьяне, рыбак, мельник — все на одно лицо, с одним поворотом головы. В этих рисунках Мюнца чувствуется не художественный, а скорее этнографический подход, они ценны для исследователя, но малопривлекательны.

Очень выразительно переданы в альбомах города и местечки Украины. Например, город Старый Константинов хорошо представлен крепостной стеной, которая видела бои Максима Кривоноса с поляками, бежавшими из-под Пилявы. Многие зарисовки зданий интересны с историко-архитектурной стороны: украинские деревянные дома, силуэты украинских барочных деревянных церквей, крепости, мельницы, усадебные дома. Особенно интересны изображения таможен и постоянных дворов — они даны с большой выразительностью, как, например, таможня у Балты на р. Кодыме (рис. № 40); таможня у Крылова; дома таможен имеют овальную вывеску — государственный герб Польши с короной⁴⁰, на польском берегу реки Кодымы столб с таким

⁴⁰ На атласе Заннони 1772 г. мы имеем изображение герба, силуэт которого совершенно совпадает с изображением Мюнца.

же гербом, среди моста — турецкий пограничный знак с полумесяцем. Таможня у Крылова (рис. № 50) очень интересна архитектурой здания. Очень насыщены бытом рисунки, близко связанные с путевыми впечатлениями. На многих рисунках видна бричка, запряженная шестью лошадьми цугом с верховым (рис. № 38). Под Кременцом при спуске бричка свалилась — в падающем виде она изображена среди леса, а сами путешественники, одетые по французской моде, идут пешком; тот же возок изображен им на плоту, переезжающем через Днестр у Ягорлыка (рис. № 32).

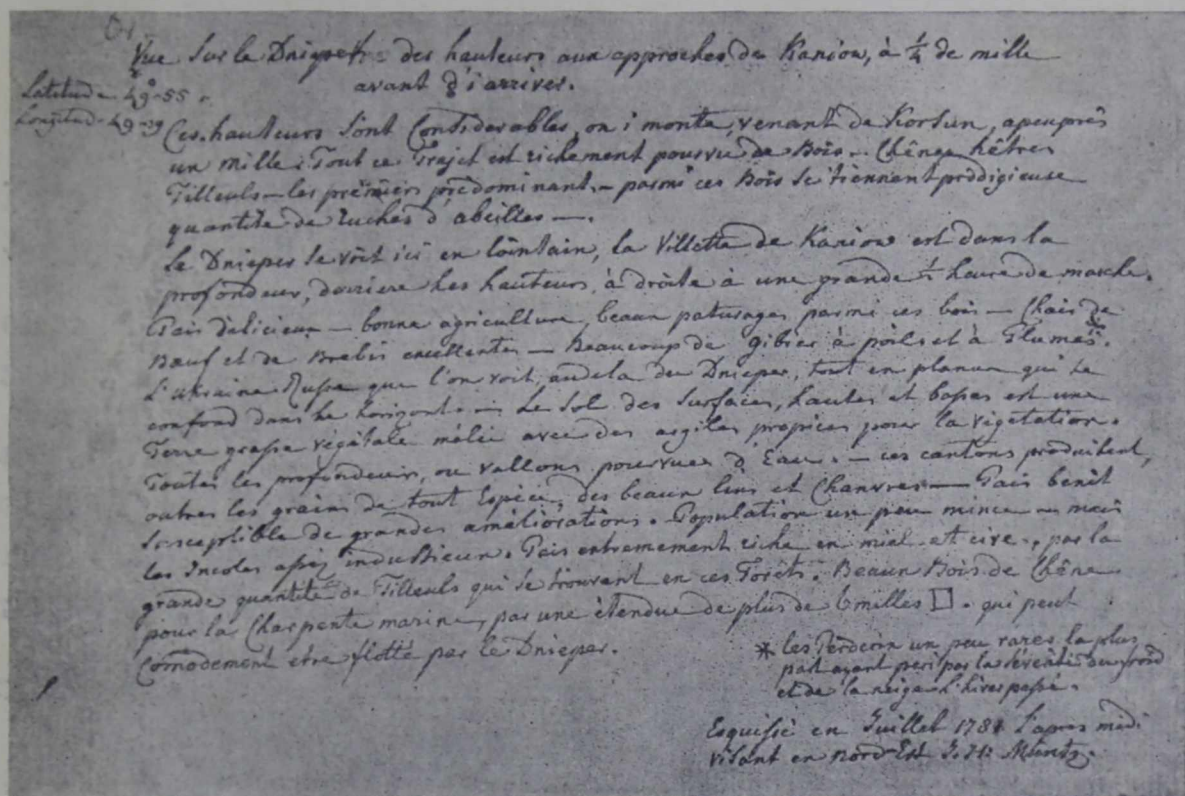

Рис. 25. Образец текста Мюнца. Обратная сторона акварели „Днепр около Канева“ (Малый альбом № 61)

Некоторые эскизы запечатлели природные явления: сильные грозы, причинившие гибель людей и скота, — таковы рисунок Канева (№ 16 Б. А.) и рисунок постоянного двора у начала подольских степей (М. А., № 12), нашествие саранчи (около Бендер) ⁴¹.

В целом следует отметить, что альбомы Мюнца было бы желательно в будущем издать, как редкий тип источника, соединяющий живописные изображения страны с текстовым комментарием. Эти тексты так разнообразны по содержанию и злободневны, что исчерпать их содержание в статье трудно. Время, когда Мюнц объезжал Украину, исторически очень интересно. Разваливалась «лежебокошляхетская» Польша, только что прошла волна народных восстаний по Украине против панского гнета и приближался момент воссоединения обеих частей Украины в 1793 г. под властью России.

⁴¹ В Кунсткаталоге Вейгеля 1841 г. упоминается акварель Мюнца на ту же тему.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Г. Н. БИБИКОВ—К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного	5
Е. И. ДРАКОХРУСТ — Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века	29
П. А. НЕЗНАМОВ—Карта Азовского моря 1699 г.	73
Л. И. ЯКУНИНА—Отпечаток на шелку гравюры с изображением Димитрия Кантемира	83
М. И. ДУБОВСКАЯ—Неизвестные портреты первой четверти XVIII века	93
А. Я. БРЮСОВ—Поиски золота в Карело-Финской ССР в конце XVIII века.	101
И. С. КУРИЦЫН—К истории мануфактурного производства в XVIII веке	131
Е. И. ДРАКОХРУСТ—Альбомы-дневники И. Г. Мюнца 1781—1783 гг. об Украине, Молдавии и Белоруссии	153

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
26	7 снизу	XV в.	XVI в.
84	17 снизу	П. А. Щукина	П. И. Щукина
86	19 сверху	Этому	Этот
86	27 снизу	ferras	terras
93	9 снизу	санкт Пітербурге	Санктъ Пітеръбурхе
93	8 снизу	Грігорій Мусікійскі	Грігорі Мусікіскі
98	под рис. 6	И. Пикара	П. Пикара
99	под рис. 7	И. Пикара	П. Пикара
108	7 снизу	1492	1792 г.
119	3 снизу	уроженцами	уроженцами
164	20 снизу	fond	fond
180	15 снизу	крымкой	крымской

ЦЕНА 20 руб.

